

№ 9 (133)
2025

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

Jus est ars
boni et aequi

В номере

Выпуск НОВЕЛЛЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 19** Дудко И. Г.
Суверенитет как правовое
самоопределение России
- 34** Варлен М. В.
Конституционное право России:
стратегическая роль
в условиях современности
- 52** Шапошников А. В.
Проблемы конституционализации
использования цифровых технологий
в политическом процессе
- 78** Таева Н. Е.
Динамика правового содержания принципов
российского гражданства и влияние
на нее конституционных новелл 2020 года
- 159** Мочалов А. Н.
Этнокультурное многообразие
как категория конституционного права

№ 9 (133)
2025

ВЕСТИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск

НОВЕЛЛЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — директор Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и международного права, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — проректор Российской университеты адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнёры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкуренционного права, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

КОМАРОВА Валентина Викторовна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Фи-

нансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимира — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗОНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

ДУДКО Игорь Геннадьевич — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, руководитель Научно-образовательного центра по правам человека Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.

ISSN

2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)

ПЕРИОДICНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 22.10.2025
Объем 21,84 усл. печ. л. (12,76 а. л.), формат 84×108/16
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор Л. А. Мункуева

Корректор В. А. Целищева

Компьютерная верстка Е. Г. Булычев

Nº 9 (133)
2025

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

Edition

NOVELTIES OF CONSTITUTIONAL LEGISLATION

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrash Procedure, Advocacy and Notary of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Director of the Law Institute of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Vice-Rector, Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (RUAN), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Duflot & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeyevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPA University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2025

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Lebedev Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the

Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifeng, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editors-in-Chief of the Issue:

DUDKO Igor Gennadievich — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Head of the Scientific and Educational Center for Human Rights of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1, Presnensky intra-urb. ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	22.10.2025 Volume: 21,84 conventional printer's sheets (12,76 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>	
Editor L. A. Munkueva	Proof-reader V. A. Tselishcheva
Computer layout E. G. Bulychev	

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	8
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	10
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Ценностные основы российского конституционализма	
<i>Дудко И. Г.</i>	
Суверенитет как правовое самоопределение России	19
<i>Кабышев С. В.</i>	
Об основных задачах современной российской юриспруденции	27
<i>Варлен М. В.</i>	
Конституционное право России: стратегическая роль в условиях современности	34
<i>Заметина Т. В.</i>	
Вопросы конституционно-правового регулирования сферы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей	44
<i>Шапошников А. В.</i>	
Проблемы конституционализации использования цифровых технологий в политическом процессе	52
Права человека в конституционном праве	
<i>Осавелюк А. М.</i>	
Нравственная основа прав человека в свете поправки в Конституцию России 2020 года	63
<i>Садовникова Г. Д.</i>	
Конституционная поправка 2020 года и развитие правовой основы экономических, социальных, экологических прав граждан	70
<i>Таева Н. Е.</i>	
Динамика правового содержания принципов российского гражданства и влияние на нее конституционных новелл 2020 года	78
<i>Мазаев В. Д.</i>	
Конституционализм и массовая ваучерная приватизация	88
Конституционные преобразования системы публичной власти	
<i>Лебедев В. А.</i>	
Конституционная реформа в Российской Федерации и ее влияние на систему органов публичной власти	97
<i>Володина С. В.</i>	
Роль Президента РФ в реализации принципа доверия	103
<i>Иванов И. В.</i>	
Подлинное представительство (размышления о формировании публичной власти в контексте конституционно-правового правопреемства)	112

Приоритеты государственной политики векторе конституционной поправки

Максимова С. Н.

- Конституционализация экспериментальных правовых режимов
в новом конституционном цикле Российской Федерации 121

Дородонова Н. В.

- Народовластие и народный суверенитет в российском
и зарубежном конституционном праве 129

Рыбакова О. С.

- Дети — приоритет государственной политики России:
содержание, структура, направления реализации
конституционной поправки 138

Комарова В. В.

- Приоритеты стран Содружества Независимых Государств —
конституционные основы архитектуры 148

Мочалов А. Н.

- Этнокультурное многообразие
как категория конституционного права 159

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Караваева Ю. И.

- Современные цифровые технологии
и проблема обеспечения прав человека 170

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Мазуревский К. С.

- Современные тенденции развития
избирательного законодательства 177

Кадаев А. А.

- О некоторых аспектах непосредственного участия народа
в конституционной реформе (на примере стран —
участников СНГ) 186

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ

КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА 194

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ильин И. А.

- О государственном правосознании 196

ПОСТСКРИПТУМ

Шпаковский Ю. Г.

- Шутки великих ученых 202

CONTENTS

NOTE TO THE READERS	8
UNIVERSITY CHRONICLE	10
VECTOR OF LEGAL SCIENCE	
The value foundations of russian constitutionalism	
<i>Dudko I. G.</i>	
Sovereignty as legal self-determination of Russia	19
<i>Kabyshev S. V.</i>	
On the main tasks of modern Russian jurisprudence	27
<i>Varlen M. V.</i>	
Constitutional law of Russia: strategic role in modern conditions	34
<i>Zametina T. V.</i>	
Issues of constitutional and legal regulation of the sphere of preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values	44
<i>Shaposhnikov A. V.</i>	
Problems of constitutionalization of the use of digital technologies in the political process	52
HUMAN RIGHTS IN CONSTITUTIONAL LAW	
<i>Osavelyuk A. M.</i>	
The moral basis of human rights in the light of the 2020 amendment to the Russian constitution	63
<i>Sadovnikova G. D.</i>	
The 2020 constitutional amendment and the development of the legal framework for economic, social, and environmental rights of citizens	70
<i>Taeva N. E.</i>	
The dynamics of the legal content of the principles of Russian citizenship and the impact of the 2020 constitutional amendments on It	78
<i>Mazaev V. D.</i>	
Constitutionalism and mass voucher privatization	88
Constitutional transformations of the system of public power	
<i>Lebedev V. A.</i>	
Constitutional reform in the Russian Federation and its impact on the system of public authorities	97
<i>Volodina S. V.</i>	
The role of the President of the Russian Federation in implementing the principle of trust	103
<i>Ivanov I. V.</i>	
Genuine representation (reflections on the formation of public authority in the context of constitutional and legal succession	112

STATE POLICY PRIORITIES IN THE CONTEXT OF THE CONSTITUTIONAL AMENDMENT

Maksimova S. N.

- Constitutionalization of experimental legal regimes
in the new constitutional cycle of the Russian Federation 121

Dorodonova N. V.

- The people power and popular sovereignty in domestic
and foreign constitutional law 129

Rybakova O. S.

- Children — a priority of state policy of Russia: content, structure,
directions of implementation of the constitutional amendment 138

Komarova V. V.

- Priorities of the commonwealth of independent states —
constitutional foundations of architecture 148

Mochalov A. N.

- Ethnic and cultural diversity as a category of constitutional law 159

SCIENTIFIC RESEARCH

Karavaeva Ju. I.

- Modern digital technologies and the problem
of ensuring human rights 170

YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE

Mazurevskii K. S.

- Current trends in the development of electoral legislation 177

Kadaev A. A.

- Some aspects of the direct participation of the people
in constitutional reform (using the example of the CIS member states) 186

BOOKSHELF OF THE DEPARTMENT

- OF CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW 194

LAW IN HISTORICAL REFRACTION

LEGAL LEGACY

Ilyin I. A.

- On state legal consciousness 196

POSTSCRIPT

Shpakovsky Yu. G.

- Jokes of great scientists 202

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию представлен очередной тематический выпуск журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», подготовленный кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Выбор темы определен активными изменениями конституционного права, обусловленными реформированием Конституции Российской Федерации в 2020 г. В Конституции России закреплен ряд новых принципов, ценностей и положений, отражающих духовный опыт нации и определяющих направления развития страны. Конституционная реформа и последовавшие изменения законодательства охватили все сферы государственной и общественной жизни России.

В статьях предлагаемого читателям номера изложены авторские исследования содержательного смысла конституционных новелл, оценки принятого в развитие законодательства и складывающейся конституционной практики. Выявлены ключевые и перспективные направления конституционного развития институтов Российского государства и гражданского общества.

Особенностью современной научной конституционной теории является осмысление проблем в ракурсе концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей и конституционной «идентичности». Данный подход отражен в исследовании проблем обеспечения прав человека, тенденций развития институтов гражданского общества и национальной интеллектуальной модели юриспруденции. Ряд статей посвящен анализу изменений структуры и полномочий органов государственной власти, особенностям трансформации системы публичной власти в России, вопросам правопреемства в конституционном праве. Особое внимание уделено российской конституционной доктрине суверенитета.

В представленном выпуске публикуются исследования, посвященные изучению проблем применения цифровых технологий в политическом процессе, а также экспериментальных правовых режимов.

Несомненный интерес представляет анализируемый в статьях опыт стран, входящих в Содружество Независимых Государств. Особое значение имеют проблемы понимания национальных ценностей, участия граждан в инициировании конституционной реформы и реформировании конституций.

В журнале представлены научные издания, подготовленные преподавателями кафедры, при участии коллег ведущих университетов страны. Особо следует выделить кафедральный учебник «Конституционное право России», в котором на основе действующей Конституции Российской Федерации и актуального законодательства системно раскрываются вопросы конституционного права России, теории и практики российского конституционализма, институтов публичной власти и гражданского общества, прав, свобод и обязанностей человека и гражданина.

Публикуемые в настоящем выпуске журнала статьи, полагаю, вызовут интерес у представителей как науки конституционного права, так и публично-правовых наук.

Игорь Геннадьевич Дудко,
заведующий кафедрой
конституционного и муниципального права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА

СЕНТЯБРЬ 2025¹

Университет в общественной и научной жизни страны

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

**Виктор Блажеев принял участие в памятных мероприятиях,
посвященных Дню солидарности в борьбе с терроризмом**

В составе делегации Общественной палаты города Москвы ректор Университета Виктор Блажеев возложил цветы к мемориалу «В память о жертвах трагедии в Беслане».

Почтить память жертв террористического акта в Беслане пришли сотни человек. По традиции в небо запустили 334 белых шара. Присутствующие почтили память погибших минутой молчания.

«Терроризму нет оправдания, это абсолютное зло, несущее горе, боль и разрушения. Мы едины в своих намерениях твердо противостоять терроризму, сделать все возможное, каждый

¹ URL: <https://msal.ru/news/>.

на своем месте, чтобы таких страшных страниц в истории нашего Отечества больше никогда не повторилось», — отметил Виктор Блажеев.

В завершение мероприятия в храме Рождества Богородицы на Кулишках состоялась панихида по погибшим в результате террористического акта в Беслане.

Конференции, круглые столы, семинары

Участие делегации Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в круглом столе «Формирование законодательства по семейному предпринимательству»

11 сентября 2025 г. в Торгово-промышленной палате Российской Федерации состоялся круглый стол по теме «Формирование законодательства по семейному предпринимательству».

Модератором круглого стола выступила Елена Дыбова, вице-президент ТПП России. Подчеркивая значимость и актуальность повестки мероприятия, она отметила, что «ключевым инструментом поддержки многодетных семей и стимулирования повышения рождаемости в рамках реализации национальных проектов может стать семейное предпринимательство, формирующее стабильную основу независимых и устойчивых источников дохода семьи».

От Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в качестве экспертов в заседании приняли участие первый проректор, заведующий кафедрой

предпринимательского и корпоративного права Инна Ершова и профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Анатолий Левушкин.

Инна Ершова, подчеркнув важность и необходимость легализации семейного бизнеса с позиции государственной политики, направленной на укрепление института семьи и развития предпринимательской инициативы, отметила, что решение данной задачи имеет важное значение для реализации национальных проектов.

Спикер поддержала модель развития законодательства о семейном предпринимательстве через внесение изменений и дополнений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и указала, что в настоящее время дана положительная оценка соответствующего законопроекта, предусматривающего, в частности, закрепление понятий «семейное предпринимательство», «семейное предприятие», мер государственной поддержки данного вида бизнеса. Экспертом была выражена надежда на позитивное восприятие предлагаемых новаций органами государственной власти с последующей законодательной регламентацией основных категорий семейного предпринимательства для придания определенности складывающимся отношениям в данной сфере.

VI Онлайн-школа зарубежного права — 2025

18—19 сентября 2025 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла VI Онлайн-школа зарубежного права — 2025 на тему «Международное право и цифровая трансформация: вызовы и перспективы для стран БРИКС и ЕАЭС».

Мероприятие объединило ведущих экспертов и студентов из разных стран для диалога о ключевых правовых трендах в условиях цифровой трансформации. Руководителем школы выступила профессор

кафедры конкурентного права Университета Мария Егорова.

«Школа проводится в шестой раз и каждый раз вызывает большой интерес как у студентов, так и у приглашенных экспертов. Особую актуальность приобретает наш стратегический проект — правовой инжиниринг для технологического лидерства. Важно понимать, какие разработки есть у наших партнеров, так как тесное взаимодействие поможет поделиться опытом и наработками для дальнейшего сотрудничества», — отметила первый проректор Инна Ершова.

«Этот проект, который Университет проводит ежегодно, уникален своей ориентацией на научно-образовательный синтез. Его аудитория охватывает как наших студентов, так и зарубежных коллег. Предмет обсуждения — ключевые тренды в основных отраслях права, отражающие комплексные вызовы

современности. Лекторы — выдающиеся эксперты с разных континентов, сочетающие академические компетенции и практический опыт. Сегодня право находится на этапном рубеже: вызовы исходят от беспрецедентной социальной новизны — цифровых технологий, искусственного интеллекта, вмешательства в природу человека и многих других факторов», — подчеркнул проректор по научно-исследовательской деятельности Владимир Синюков.

В работе школы приняли участие свыше 150 студентов из России и зарубежных стран, а также преподаватели из России, Бразилии, Индии, Занзибара и Индонезии.

VIII Международный форум юристов и экономистов

22—23 сентября 2025 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел VIII Международный форум юристов и экономистов, посвященный актуальной теме роли государства в правовом и экономическом регулировании технологической политики в условиях трансформации международного сотрудничества в рамках БРИКС и ЕАЭС. Организаторами форума выступили Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Московское региональное отделение Ассоциации юристов России.

Форум служит важной площадкой для обсуждения ключевых вопросов, связанных с цифровым суверенитетом, технологическим развитием, подготовкой юридических кадров и сетевой дипломатией. В работе форума приняли участие послы Эквадора, Палестины, советник по науке посольства Доминиканы, ректоры ведущих вузов ОАЭ, Индонезии, деканы юридических факультетов университетов Бразилии, Перу, ученые Индии, стран Африки, Китая и других стран. Президентом форума выступила профессор кафедры конкурентного права Университета Мария Егорова.

«Форум выступает важной интеллектуальной площадкой для междисциплинарного диалога... подтверждает свою роль как эффективный инструмент развития сетевой дипломатии», — подчеркнул председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Сергей Кабышев.

В рамках мероприятия состоялась рабочая встреча проректора по научно-исследовательской деятельности Владимира Синюкова с представителями иностранных делегаций. Во встрече приняли участие ректоры и президенты ведущих университетов Ирака, Иордании, ОАЭ, Палестины и Индонезии

**Международная научно-практическая конференция
«Потерпевший в уголовном процессе:
проблемы уголовно-процессуальной
и криминологической теории и правоприменительной практики»**

но-исполнительного права имени В. Е. Эминова.

Работу конференции начало пленарное заседание, модераторами которого выступили и.о. заведующего кафедрой уголовно-процессуального права имени П. А. Лупинской Татьяна Вилкова и заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В. Е. Эминова Елена Антонян.

«Проведение конференции — это важный шаг к развитию научного и профессионального диалога по данной теме, ведь сегодня роль потерпевшего в уголовном процессе требует переосмыслиения. Если раньше его воспринимали, скорее, как источник доказательств, то сейчас все больше признается его самостоятельный статус как участника, нуждающегося в защите. Мы наблюдаем сдвиг в общественном и правовом восприятии этой фигуры, что требует осмыслиения как в юридическом, так и в этико-психологическом контексте. Эти и другие вопросы сегодня выходят на передний план юридической и социальной повестки», — подчеркнул проректор по научно-исследовательской деятельности Университета Владимир Синюков.

**Международная конференция
«Итоги Второй мировой войны: восточное измерение»**

С 16 и 17 сентября 2025 г. в честь 80-летия Победы в Великой Отечественной войне состоялась Международная конференция «Итоги Второй мировой войны: восточное измерение», организованная Институтом стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова совместно с Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Институтом востоковедения РАН.

Современные исследователи стремятся глубже понять причины и последствия Второй мировой войны на Дальнем Востоке, так как этот конфликт оказал существенное влияние на постсоветскую эпоху, изменив политические, социальные и экономические структуры региона. Это важно не только для историков, но и для

25 сентября 2025 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) стартовала работа Международной научно-практической конференции «Потерпевший в уголовном процессе: проблемы уголовно-процессуальной и криминологической теории и правоприменительной практики».

Мероприятие было организовано кафедрой уголовно-процессуального права имени П. А. Лупинской и кафедрой криминологии и уголов-

юристов, политологов и социологов, интересующихся международными отношениями. Мероприятие стало площадкой для обсуждения политических последствий войны и координации усилий ученых, исследующих ее долгосрочные последствия для народов Азии и Африки.

На конференции собрались эксперты из России, Китая, Японии, которые поделились мнениями о влиянии Второй мировой войны на новые политические режимы, национальные идентичности и международные отношения в Восточной Азии, что должно привлечь внимание к важности осмыслиения исторического наследия в условиях изменяющегося мира.

На пленарном заседании выступил проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков с докладом «Итоги Второй мировой войны на Дальнем Востоке: правовой аспект».

Социально-трудовой форум «Социальное партнерство в сфере труда для достижения национальных целей развития Российской Федерации»

30 сентября 2025 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся социально-трудовой форум «Социальное партнерство в сфере труда для достижения национальных целей развития Российской Федерации». Его организатором выступила кафедра трудового права и права социального обеспечения имени К. Н. Гусова.

Форум был посвящен ключевой роли института социального партнерства в решении стратегических задач, определенных национальными целями развития России.

С приветственным словом к участникам обратился ректор Университета Виктор Блажеев: «Сегодняшняя конференция посвящена социальному партнерству, потому что это действительно важный и многогранный вопрос, связанный с взаимодействием государства, работодателей и работников. Важно, чтобы эти процессы были отрегулированы как на доктринальном, так и на законодательном уровне. Я уверен, что у нас состоится живая дискуссия, будут представлены интересные темы и предложения, которые послужат основой для дальнейшего совершенствования трудового и социального законодательства».

Мероприятия ректората

Заседание Ученого совета

29 сентября 2025 г. состоялось очередное заседание Ученого совета. В ходе встречи были рассмотрены текущие кадровые вопросы, а также вопросы, связанные с деятельностью структурных подразделений.

Заседание Ученого совета началось с торжественной церемонии подписания соглашения о сотрудничестве между Университетом имени О.Е. Кутафина (МГОА) и Московской государственной академии физической культуры.

Документ подписали в рамках заседания Ученого совета ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГОА) Виктор Блажеев и и.о. ректора Московской государственной академии физической культуры Ольга Шевченко.

Стороны договорились о реализации совместных образовательных программ, об организации совместных проектов в области образовательной и научно-исследовательской деятельности, а также в сфере молодежной политики. Кроме того, соглашение предусматривает проведение совместных исследований, культурно-просветительских, спортивных и социально значимых мероприятий.

«Сегодня для нас важное событие — подписание соглашения, которое открывает новые перспективы для взаимодействия. Юриспруденция присутствует везде, в том числе и в спортивной сфере. В этой связи наши направления деятельности с

МГАФК во многом пересекаются. Сегодняшнее соглашение — это шаг вперед. Оно показывает, что даже в непростое для нашей страны время мы можем объединяться для развития науки, образования и спорта. Я уверен, что впереди нас ждут плодотворные совместные инициативы и проекты. Поздравляю всех с подписанием соглашения и стартом нового этапа сотрудничества», — отметил Виктор Блажеев.

Далее коллектив Университета имени О.Е. Кутафина (МГОА) проводил на заслуженную пенсию доктора юридических наук, профессора Тимофея Николаевича Радько и кандидата педагогических наук, профессора Виктора Константиновича Кузнецова. Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГОА) Виктор Блажеев поблагодарил коллег за многолетний и добросовестный труд, вручил благодарственные адреса и колпаж с фотографиями событий из их трудовой деятельности.

Тимофей Николаевич Радько начал работу в нашем Университете в 2002 г. Сначала занимал должность профессора, затем в течение девяти лет являлся

заведующим кафедрой теории государства и права. До июля 2025 г. работал на кафедре в должности профессора. В своем заключительном слове Тимофей Николаевич выразил коллективу благодарность за совместно проведенные годы и отметил, что время трудовой деятельности в нашем Университете было самым счастливым в его жизни.

Виктор Константинович начал работать в Университете в 1993 г. Он возглавлял кафедру физического воспитания до 2021 г., после чего до настоящего времени преподавал на ней. В своем заключительном слове Виктор Константинович поблагодарил коллектив Университета за проведенные вместе годы, по-желал каждому крепкого здоровья.

Далее в торжественной обстановке профессору кафедры экологического и природоресурсного права Университета Юрию Шпаковскому вручили благодарственное письмо Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Сергея Шойгу за эффективную работу в Научно-экспертном совете Совета Безопасности Российской Федерации и личный вклад в обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

Ректор Университета Виктор Блажеев вручил дипломы кандидатов юридических наук старшему преподавателю кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Татьяне Назрицкой, преподавателю кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Никите Милосердову, преподавателю кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян Виктории Гильмановой, преподавателю кафедры интеллектуальных прав Анне Балашовой и преподавателю кафедры уголовно-процессуального права имени П. А. Лупинской Павлу Самсонову.

Кроме того, была вручена медаль Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «За заслуги» директору Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Дмитрию Великому.

Также на заседании Ученого совета минутой молчания почтили память ушедшей из жизни 7 сентября 2025 г. Нины Федоровны Бучило — доктора философских наук, профессора кафедры философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Заседание Ученого совета продолжилось выступлением начальника Управления приемной комиссии и профориентационной работы Университета Светланы Поля. Она рассказала о результатах приемной кампании 2025 г., подчеркнув высокую востребованность среди абитуриентов способа подачи документов через портал «Госуслуги».

Далее руководитель Центра социальной и психологической поддержки Управления по молодежной политике и воспитательной деятельности Университета Ксения Позднякова представила доклад о результатах работы в области социальной и психологической поддержки. Она рассказала об основных направлениях работы возглавляемого структурного подразделения, в том числе в сфере психологической поддержки работников и обучающихся, сопровождения назначения

государственной социальной стипендии и материальной помощи, организации и проведении социально-психологического тестирования, а также о психологическом просвещении и информировании по вопросам назначения мер социальной поддержки.

Заведующий кафедрой физического воспитания Университета Константин Югай выступил с докладом о развитии студенческого спорта и деятельности кафедры. В своем выступлении он отметил увеличение уровня вовлечения обучающихся в занятие физической культуры и спорта.

Директор Института «Аспирантура и докторантура» Университета Мария Варлен выступила с докладом о ключевых тенденциях развития аспирантуры и стоящих перед профессорско-преподавательским составом задач в работе с диссертациями и аспирантами. Затем выступила заведующий кафедрой адвокатуры, президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Светлана Володина. Она рассказала об изменениях в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пояснила необходимость данных поправок, в частности создания Единого государственного реестра адвокатов Российской Федерации и уточнения требований к уровню образования претендентов на получение статуса адвоката.

Премии, награждения

Елене Грачевой вручена высшая ведомственная награда Федерального казначейства

Заведующему кафедрой финансового права Университета Елене Грачевой за глубокое исследование теории и практики правового регулирования государственного финансового контроля вручена медаль В. А. Татаринова — высшая ведомственная награда Федерального казначейства.

Награду вручили на площадке X Московского финансового форума первый заместитель министра финансов Российской Федерации Ирина Окладникова и руководитель Казначейства России, выпускник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 1998 г. Роман Артюхин.

Ценостные основы российского конституционализма

Суверенитет как правовое самоопределение России

Аннотация. В статье анализируются ключевые аспекты понятия «суверенитет», его свойства и проявления. В историческом развитии осуществляется эволюция суверенитета государства, которая выражается в поэтапном процессе самоограничения государственной власти. Наиболее существенно это проявляется при действии государства, его органов в рамках конституции и национального законодательства в соответствии с доктриной правового государства. Особое внимание уделено российской конституционной доктрине суверенитета в аспекте федеративных отношений и сопряжения с международным правом. На примере ключевых постановлений раскрываются правовые позиции Конституционного Суда о проявлениях суверенитета, процедурах его обеспечения. Анализируется опыт взаимодействия Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека и влияние решений последнего на российский конституционный правопорядок. Отмечается, что правовые позиции Конституционного Суда РФ разрешают проблему коллизионности с решениями Европейского суда; имеют принципиальное значение для понимания национального суверенитета для имплементации норм международного права. Сформулирован вывод о важности последовательной конституционализации российской правовой системы как процесса самоограничения государства на основе действующей Конституции РФ, ее принципов и ценностей.

Ключевые слова: суверенитет, неограниченность власти, государство, доктрина, конституционализация, правовые позиции, Конституционный Суд РФ, ЕСПЧ, коллизии, правовое самообязывание

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.019-026

Игорь Геннадьевич
ДУДКО,
заведующий кафедрой
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный юрист РФ
igdudko@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Igor G. DUDKO,

*Head of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation
igdudko@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993*

Sovereignty as Legal Self-Determination of Russia

Abstract. This article analyzes key aspects of the concept of «sovereignty», its properties and manifestations. State sovereignty evolves historically, manifesting itself in a gradual process of self-limitation of state power. This manifests itself most significantly in the actions of the state and its bodies within the framework of the constitution and national legislation, in accordance with the doctrine of the rule of law. Particular attention is paid to the Russian constitutional doctrine of sovereignty in the context of federal relations and its interaction with international law. Key rulings are used to illustrate the legal positions of the Constitutional Court on the manifestations of sovereignty and the procedures for ensuring it. The article analyzes the interaction between the Constitutional Court and the European Court and the impact of the latter's decisions on the Russian constitutional legal order. It notes that the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation resolve the issue of conflicts with the decisions of the European Court and are fundamental to understanding national sovereignty for the implementation of international law. A conclusion is formulated about the importance of consistent constitutionalization of the Russian legal system as a process of self-restraint of the state on the basis of the current Constitution of the Russian Federation, its principles and values.

Keywords: sovereignty, unlimited power, state, doctrine, constitutionalization, legal positions, Constitutional Court, European Court, conflicts, legal self-obligation

Суверенитет, будучи одним из фундаментальных понятий, разрабатываемых в правоведении, имеет своим истоком европейский опыт. Весь процесс исторического развития государства — от средневекового до современного — связан с утверждением идеи суверенитета как имманентно присущего государству свойства. Понимание суверенитета как абсолютной, не связанный никаким законом власти над гражданами и подданными, предложенное Ж. Боденом, претерпело существенную эволюцию — от признания абсолютного, ничем неограниченного характера верховной государственной власти до утверждения о возможности самоограничения власти. Из природы этого понятия изначально теория выявила существенный признак — суверенитет означает неограниченную власть государства. Власть, представленную верховным органом или органами.

В конце XIX в. теория суверенитета была дополнена положением о самоподчинении государственной власти закону, который исходит от государства. Г. Еллинек,

рассматривая эволюцию развития государства, указал, что государство, принимая законы, юридически самоограничивает собственную деятельность, волю органов положениями законодательства¹. Суверенитет, таким образом, означает свойство государственной власти, в силу которого она обладает исключительной способностью к правовому самообязыванию. Само содержание правовых норм и правовой системы в целом во многом зависит от государства. Однако по мере развития законодательства статус и деятельность органов все более детализируются и ставятся в правовые рамки.

Теория правового (конституционного) государства усилила представление о правовом самообязывании государства. Правовое государство есть не только устройство государства на известных принципах. Это состояние государственной власти, во всех ее проявлениях, когда государство, его органы, должностные лица действуют в рамках закона, а не собственного усмотрения². Конституционное (правовое) государство следует рассматривать как организацию, которая основана на верховенстве права. В правовом государстве господствуют правовые нормы, а не должностные лица³.

В XX в. на примере российской истории (падение монархии, создание и распад Союза Советских Социалистических Республик), государство продемонстрировало иное качество суверенитета — способность к правовому самоопределению. В этом проявилась другая существенная особенность суверенитета государства.

С принятием Конституции в 1993 г. Россия вступила на путь правовой неизвестности. Правовое государство, социальное государство, разделение властей, парламентаризм, права человека — все эти понятия во многом были обусловлены западноевропейской практикой. Для Российского государства 1990-х гг. это «правовые псевдоморфизмы» — этим термином обозначали несуществующие явления.

Более чем 30-летний опыт конституционного развития России позволяет утверждать, что «правовые псевдоморфизмы» постепенно обрели смысловое и практическое значение. Обустроена конституционно установленная система власти на основе принципа разделения властей. Российский парламент, пройдя путь нескольких трансформаций порядка формирования, обрел устойчивость. Выстроена иерархическая модель исполнительной власти. Создана стабильная судебная система. Сложилась многопартийность. Развита правовая и институциональная инфраструктура гражданского общества. Конституция РФ установила параметры и проявления суверенитета, сопряжение российской правовой системы и международного права.

Закон о поправке к Конституции Российской Федерации 2020 г. уточнил и закрепил ряд положений и конструкций Конституции, определяющих суверенные права Российской Федерации: правопреемство в отношении СССР (ст. 67.1.); исполнение решений межгосударственных органов (ст. 79); соблюдение принципа мирного сосуществования государств и принципа невмешательства во внутренние

¹ Еллинек Г. Право современного государства. СПб. : Изд. товарищества «Общественная польза», 1903. Т. 1. Общее учение о государстве. С. 315.

² Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. С. 314 и след.

³ Кистяковский Б. А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В. В. Сапова. СПб. : РХГИ, 1998. С. 267.

дела государств (ст. 79.1.). Важное значение имеют положения, устанавливающие процедуры имплементации в российскую правовую систему решений иностранных и международных (межгосударственных) судов (ч. 5.1. ст. 125)⁴. Конституционные новеллы являются выверенным итогом конституционного и международного опыта Российского государства.

После вступления Конституции РФ в действие актуальным направлением развития была заявлена конституциализация как соответствующий Конституции РФ процесс преобразования правовой системы, всех ее компонентов⁵. Закрепленные в действующей Конституции цели, принципы, ценности и положения должны были получить практическое воплощение. В отечественном конституционном праве конституциализация феноменологически сконцентрирована во многом на развитии национальной правовой системы через деятельность Конституционного Суда РФ⁶. Конституционный Суд посредством толкования конституционных норм, выявления их смысла и особенностей применения в рамках разрешения конституционно-правовых споров существенно обогатил понимание суверенитета в национальной конституционной доктрине.

Одним из наиболее значимых для понимания суверенитета стало итоговое постановление Конституционного Суда РФ, определившее юридические параметры федеративных отношений⁷. Суд обосновал конституционное понимание суверенитета, указав, что носителем суверенитета и источником власти является многонациональный народ России; государственным суверенитетом обладает исключительно Российской Федерации; субъекты РФ не обладают суверенитетом либо суверенными правами в какой-либо сфере государственно-правовых отношений.

Конституционный Суд выявил существенные для понимания суверенитета аспекты проявления в федеративных отношениях:

- конституции, законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ должны соответствовать Конституции РФ;
- статус субъекта РФ, предметы ведения и полномочий федеральных и региональных органов государственной власти закреплены Конституцией;

⁴ Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Крусс В. И. Конституциализация права: основы теории : монография. М. : Норма ; Инфра-М, 2016. С. 16.

⁶ См., например: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма ; Инфра-М, 2011 ; Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. М. : Норма, 2017 ; Эбзеев Б. С. Философия российского конституционализма : очерки. М. : Проспект, 2023.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 7.06.2000 № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

- организация государственной власти в субъектах РФ основывается на принципах федеральной Конституции;
- только вне пределов ведения Российской Федерации и предметов совместного ведения субъект РФ обладает полнотой государственной власти;
- российская судебная система едина;
- земля и другие природные ресурсы не являются собственностью субъекта РФ, правовое регулирование этих сфер определяется федеральными законами.

Важно подчеркнуть, что правовые позиции Конституционного Суда были существенно необходимы именно в этот период российской истории. В ряде конституций республик было определено, что они являются суверенными. При этом конституционные суды, например Республики Татарстан и Республики Башкортостан, «подтверждали» действие положений конституций, закреплявших суверенные права соответствующих республик. На практике это приводило к отказу от исполнения федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ. К примеру, указами президента Калмыкии назначались судьи федеральных судов; указом президента Чувашии приостанавливается призыв на действительную военную службу на территории данного субъекта, президент Республики Марий Эл предпринял попытку осуществить экспорт новейшего вооружения⁸.

Таким образом, конституционные установления республик в составе Российской Федерации способствовали проявлениям сепаратизма, порождали антиконституционные действия глав субъектов РФ.

В вышеуказанном постановлении Конституционный Суд определил конституционное понимание проявлений суверенитета Российского государства как Федерации. Были разрешены вопросы исключительной юрисдикции Российской Федерации, соотношения юридической силы федеральных и региональных нормативных актов. Принципиально важно, что Конституционный Суд распространил изложенное в постановлении конституционное понимание аспектов суверенитета на все субъекты РФ.

В доктринальном плане Конституционный Суд сформулировал классическое определение суверенитета. Суверенитет Российской Федерации проявляется в верховенстве, независимости и самостоятельности государственной власти, независимости в международном общении. Суверенитет является необходимым качественным признаком Российского государства.

Не менее значимым стало понимание суверенитета Российского государства в международных отношениях. Особо остро данный вопрос выявился в процессе имплементации норм международного (европейского) права, после того как Российская Федерация подписала и ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. В соответствии с п. 6 ст. 1 Федерального закона от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»⁹ было закреплено, что «Российская Федерация

⁸ Подробнее см.: Дудко И. Г. Законодательство субъектов Российской Федерации // Проблемы теории и практики. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. С. 18—19.

⁹ С3 РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации». Законом предусматривалось увеличение расходов бюджета в целях исполнения обязательств по Конвенции (ст. 2).

Применение Конвенции и решений Европейского суда в российской правовой системе имеет богатую и разнообразную практику и, несомненно, повлияло на все компоненты правовой системы.

Не без влияния решений конвенционного суда по правам человека осуществлялись реформы уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства; изменялась практика исполнения судебных решений; осуществлена реформа пенитенциарной системы; развивался национальный механизм защиты прав человека (практика деятельности государственной правозащиты). Опыт взаимодействия с ЕСПЧ, уяснение и внедрение международных стандартов прав человека способствовали профессиональному развитию юристов и судей. Важно отметить, что в обеспечении имплементации положений Конвенции и решений ЕСПЧ в правовой системе России существенную роль играли правовые позиции Конституционного Суда РФ¹⁰.

Однако по мере взаимодействия Российской Федерации с Европейским судом по правам человека возникли проблемы, связанные с применением решений конвенционного судебного органа в российской правовой системе. Наиболее значимой стала коллизия решений Европейского суда и правовых позиций Конституционного Суда РФ. Разность подходов конвенционального судебного органа и российского высшего судебного органа конституционного контроля в рамках конкретных дел выявила проблему, имеющую принципиальное значение для понимания национального суверенитета в аспекте имплементации норм международного права.

Европейский суд в деле «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» на основе интерпретации Конвенции о защите прав человека и основных свобод заключил, что закрепленное в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ ограничение избирательных прав граждан РФ, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, нарушает гарантированное ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции право на участие в выборах¹¹. Европейский суд по правам человека указал Конституционному Суду на необходимость толкования положений Конституции РФ таким образом, чтобы была достигнута гармония со ст. 3 Протокола № 1 Конвенции. Предопределяя действия высшего органа конституционного контроля и указывая на то, в

¹⁰ См., например: Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. С. 474 и след. ; Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М. : Юрист, 2013.

¹¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04 и 15162/05) (Первая секция) // СПС «КонсультантПлюс».

каком аспекте должно быть дано толкование норм Конституции РФ, ЕСПЧ вышел за пределы конвенционных полномочий.

В постановлении от 14.07.2015 Конституционный Суд изложил национальный конституционно обоснованный подход к разрешению коллизий между правовыми позициями ЕСПЧ и положениями Конституции РФ, которые должны разрешаться в порядке конституционного судопроизводства¹². Конституционный Суд признал положения указанных в запросе федеральных законов соответствующими Конституции Российской Федерации. Суд подтвердил обязательность исполнения вынесенных в отношении Российской Федерации постановлений ЕСПЧ. Вместе с тем в правовых позициях высшего органа конституционного контроля изложен конституционно выверенный механизм исполнения решений Европейского Суда по правам человека.

В данном постановлении Конституционный Суд РФ определил следующее. Суды Российской Федерации, осуществляющие производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта на основе заявления лица, по жалобе которого ранее Европейским судом принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, обязаны приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации. В случае, если Конституционный Суд РФ придет к выводу, что в постановлении Европейского Суда по правам человека дано толкование Конвенции, противоречащее положениям Конституции РФ и оно не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению.

Органы государственной власти и государственные органы, обеспечивающие выполнение Российской Федерацией международных договоров, в случае если вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ в части, обязывающей Российскую Федерацию принять меры индивидуального и общего характера, в истолковании приводит к их расхождению с Конституцией РФ, правомочны обратиться в Конституционный Суд для решения вопроса о возможности исполнения постановления ЕСПЧ. Если Конституционный Суд РФ придет к выводу, что постановление ЕСПЧ в истолковании, противоречащем Конституции РФ, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению.

Опыт взаимодействия международного (европейского) и российского конституционного правопорядка продемонстрировал, с одной стороны, возможности правового диалога, с другой — необходимость и важность для национального правопорядка особого механизма имплементации норм международного права, а также решений международных судов.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», пунктов 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей 1 и 4 ст. 11, пункта 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, частей 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, частей 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ и п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

Наиболее существенный результат коллизии решений ЕСПЧ и правовых позиций Конституционного Суда РФ заключался в вопросе авторитетности Конституции РФ. Правовые позиции Конституционного Суда, изложенные в вышеуказанном постановлении, установили процедуры имплементации международного права (правовых позиций конвенционного судебного органа) и обеспечили авторитетность Конституции России.

В современный период, отягощенный глобальными кризисами и столкновениями цивилизационных, региональных, национальных правопорядков, проблема суверенитета проявилась наиболее явно. Полагаю, для России, в основе понимания суверенитета должна быть идея национального суверенитета как юридическая способность к правовому самоопределению и, что особо важно, к самоограничению на основе действующей Конституции Российской Федерации. При этом осуществление (реализация, применение) конституционных положений должно исходить из ценностей как особо значимых правовых феноменов для обеспечения конституционного правопорядка.

БИБЛИОГРАФИЯ

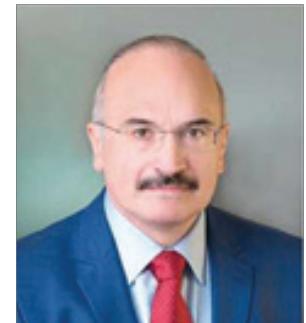
1. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. — М. : Юрист, 2013. — 176 с.
2. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. — М. : Норма ; Инфра-М, 2011. — 544 с.
3. Дудко И. Г. Законодательство субъектов Российской Федерации. Проблемы теории и практики. — Саранск : Изд- во Мордов. ун-та, 2004. — 296 с.
4. Еллинек Г. Право современного государства. Т. 1. Общее учение о государстве. СПб. : Изд. Товарищества «Общественная Польза». 1903. — 532.
5. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. — М. : Норма, 2017. — 592 с.
6. Кистяковский Б. А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В. В. Сапова. — СПб. : РХГИ, 1998. — 800 с.
7. Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. — М. : Норма ; Инфра-М, 2016. — 240 с.
8. Кутафин О. Е. Российский конституционализм — М. : Норма, 2008. — 544 с.
9. Эбзеев Б. С. Философия российского конституционализма: очерки. — М. : Проспект, 2023. — 496 с.

Об основных задачах современной российской юриспруденции

Аннотация. Вопросы научной юриспруденции находятся в центре проблем социально-государственного развития. Право служит всеобщим регулятором, важнейшей консолидирующей силой общества, скрепляющей его на базе общих идеалов, взаимного доверия и диалога. От качества правового регулирования, его научной обоснованности зависит состояние всех сфер общественных отношений. Обеспечение суверенитета России и благополучия граждан, формирование справедливого многополярного мира требуют серьезного переосмысливания ценностей, самой методологии и парадигмы правового мышления. В их основе, по мнению автора, должны лежать прежде всего четкое понимание социокультурной и нравственной обусловленности права, реализация его преобразующих свойств с опорой на традиции, воспринятые от предков. В статье делается вывод, что в качестве наиболее значимых категорий, на которых должно происходить обновление отечественной правовой методологии, следует рассматривать патриотизм, государственно-правовую преемственность и конституционный диалог. Определяются приоритеты российской научной и учебной юриспруденции.

Ключевые слова: национальная идентичность; традиционные духовно-культурные ценности, правовая методология, патриотизм, государственно-правовая преемственность, конституционный диалог

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.027-033

Сергей Владимирович
КАБЫШЕВ,
профессор кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
svkabyshev@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Sergey V. KABYSHEV,

Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

svkabyshev@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

On the main tasks of modern Russian jurisprudence

Abstract. Issues of academic jurisprudence are at the core of socio-governmental development. Law serves as a universal regulator, a crucial consolidating force for society, anchoring it on the foundation of shared ideals, mutual trust, and dialogue. The state of all spheres of social relations depends on the quality of legal regulation and its scientific validity. Ensuring Russia's sovereignty and the well-being of its citizens, and the formation of a just, multipolar world, require a serious rethinking of the values, methodology, and paradigm of legal thinking. According to the author, this should be based, first and foremost, on a clear understanding of the socio-cultural and moral

© Кабышев С. В., 2025

determinacy of law, embracing its transformative properties while building on traditions inherited from ancestors. The article concludes that patriotism, state and legal continuity, and constitutional dialogue should be considered the most significant categories for updating Russian legal methodology. Priorities for Russian academic and academic jurisprudence are identified.

Keywords: national identity; traditional spiritual and cultural values, legal methodology, patriotism, state and legal continuity, constitutional dialogue

На современном этапе исторического развития России ключевое значение для нашей социогуманитарной сферы, определяющей в ценностно-идеологическом и нормативном плане качество реализации потенциала всех материальных сил народа, имеет переход к национальной интеллектуальной модели юриспруденции. Речь идет о необходимости осмыслиения, обоснования и реализации определенного самобытного образа правового мышления, стремящегося к эффективной, созидающей гармонии интересов (свободы и долга, личного и публичного, государственного и общественного, общенационального и территориально-локального), к единению государственной нормативности и моральности. И такая интеграция должна обуславливаться и достигаться не посредством логики абстрактного гуманизма, а через органическую принадлежность к естественному контексту отечественной социокультуры.

В плане практической методологии важно, чтобы формирование приоритетов российской научной и учебной юриспруденции не было данью актуальному pragmatizmu, а было фундаментально обоснованным и выверенным с позиции исторически обусловленных и имеющих стратегическое значение национальных интересов.

Необходимо с опорой на цивилизационное наследие, исходя из понимания больших вызовов и национальных целей развития, определить идеально-смысловой, ценностный образ нашего суверенного будущего, вписать его в систему справедливой многополярности, определить сценарные модели его достижения. От качества, степени научной проработанности права как ведущего социального регулятора зависят во многом национальная безопасность и эффективное сбалансированное развитие всех сфер жизни.

1. Прежде всего необходимо искать пути выхода из глобального ценностно-мировоззренческого кризиса, который напрямую связан с кризисом правопонимания, духовно-нравственной дезориентацией (а порой — с выхолащиванием) юриспруденции. Выстраданные правовые ценности оказались поколеблены политикой «центрированной» глобализации, которая породила своеобразную нормативную воронку, сосредоточивающую и поглощающую ресурсы человечества для обслуживания интересов группы стран западной цивилизации, что поставило под сомнение национальную идентичность, право каждого народа на суверенное самоопределение в своем отечестве. В итоге в мире не просто вновь растет мода на право силы, а возникает угроза воцарения слепого культа силы, противопоставленной праву, доверие к которому серьезно подорвано. Вошедшие в международный обиход методы диктата, односторонних санкций, гибридных форм проявления агрессии, основанные на представлениях об исключительности

и господство определенной формы правовой культуры и цивилизации, разрушают равенство суверенных государств и плоды цивилизационного развития.

На повестке дня двуединая задача: по формированию новой глобальной правовой парадигмы с опорой на общепризнанные принципы международного права, уважение национальной идентичности, а вместе с этим и по обоснованию самоценности отечественного права как нормативного воплощения российской цивилизации. Отечественная фундаментальная юриспруденция должна предложить оригинальное конкурентное видение мирового правопорядка, связав право и этику, традиционные духовно-нравственные ценности и стремление к социальному и технологическому прогрессу.

2. Главный вопрос, стоящий перед отечественной юриспруденцией, сводится к развитию современной научной методологии понимания права и государственности на основе патриотических позиций.

К сожалению, если говорить о реалиях, то можно видеть серьезное размывание фундаментальной базы современного российского обществоведения в целом. Более того, ощущаются признаки своеобразной методологической фрустрации, при которой некритически воспринятые зарубежные подходы не срабатывают и даже вредят, но всё же сохраняют серьезную инерцию при отсутствии собственных сильных альтернатив, которые пока не проявили себя. При этом некоторая (и, можно предположить, немалая) часть представителей фундаментальных юридических дисциплин занимает, скорее, выжидательную позицию.

Негативными тенденциями современной отечественной юриспруденции являются как уход в узкоутилитарное мелкотемье, так и, напротив, оторванное от реальности, социально бесплодное интеллектуальное парение. Заметна и «фасадная» изобретательность, когда теоретический тезаурус расцвечивается новеллами на злобу дня, не имеющими, однако, ни глубокого обоснования, ни регулятивно-практического эффекта.

Нужно обратить внимание на то, что в соответствии с Указом Президента РФ от 18.06.2024 № 529 к числу важнейших научноемких технологий, имеющих критическое значение, отнесена разработка современного инструментария исследования и укрепления цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, включая историко-культурное наследие¹.

Этим определяются основные требования, предъявляемые к развитию отечественной правовой методологии, которая должна выстраиваться, исходя из понимания социокультурной, ценностной и исторической обусловленности права. Необходимо достоверное развернутое и всестороннее обоснование генезиса, системы и форм реализации идеально-смысловых доминант нашей общественно-государственной жизни, того мировоззренческого вектора, который стратегически определяет наше историческое и цивилизационное единство, национальную идентичность и образ будущего.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших научноемких технологий» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

3. Представляется, что наиболее значимые категории, на которых должно происходить обновление отечественной правовой методологии, — это патриотизм, государственно-правовая преемственность и конституционный диалог.

Патриотизм следует рассматривать как вечное и неизменное ценностное основание, цель и одновременно рамку юриспруденции, которая должна служить Отечеству, выражать политico-правовое содержание Родины, не может следовать принципам и подходам, которые вели бы к деформации или разрушению структуры, поддерживающей единство общества.

Государственно-правовая преемственность указывает на то, что источник права — прежде всего история. Уважение к заветам предков, как и ответственность перед будущими поколениями — это то, что характеризует добросовестный поиск лучших правовых решений сегодняшнего дня.

Конституционный диалог, в свою очередь, обязывает к тому, чтобы через рефлексию и обсуждение обеспечить баланс социальных ценностей и интересов, не копировать чужой или даже свой собственный опыт, а творчески развивать и обогащать его в преломлении к современным потребностям.

Иными словами, важно не только осмыслить собственные правовые традиции как объективное выражение особенностей цивилизационного типа российской государственности, который складывался через активное взаимодействие с культурами Востока и Запада, но и обеспечить их реалистическое, жизненное восприятие в условиях современного исторического контекста и национальных приоритетов. Нужно уйти от западно-ориентированных трактовок фундаментальных правовых категорий, включая сами понятия государства, права, а также свободы, справедливости, равенства, ответственности, собственности, таких политico-правовых конструкций, как парламентаризм, плюрализм и им подобных.

В русле, пропложенном западной правовой традицией, такое важнейшее понятие, как конституционализм довольно часто трактуется у нас с позиции ограничения произвола и политической власти, а тем самым редуцируется и существенноискажается. В действительности категория конституционализма, воспринятая в многообразном цивилизационном контексте, служит формой познания и упорядочения социально-правовой, а опосредованно, через формирование общих ценностно-мировоззренческих нормативных установок человека, — и более широкой жизненной реальности, ее организации на основе баланса всей совокупности наиболее значимых ценностей и интересов, обеспечивающих преемственность и устойчивое воспроизведение государства и общества с учетом естественных (природных, исторических и иных) предпосылок и факторов его развития в гармонии с окружающей средой.

В свое время Михаил Давидович Шаргородский высказал суждение, что «подлинная наука начинается там, где она говорит закону (практике) нет»². Юридическая наука действительно должна иметь возможность и быть способной сказать законодателю «нет», но вряд ли именно несогласие с законодателем должно полагаться в основу жизненности подлинной науки. При всей важности ее цензурирующей, ограничивающей роли научная юриспруденция не может быть

² Скрипилёв Е. А. К разработке истории советского правоведения // Государство и право. 1992. № 12. С. 33.

подчинена идее отыскания недостатков, ее прогностический, созидательно-конструирующий, обосновывающий потенциал, имеющий колossalное значение, должен развиваться и действоваться в полной мере. Более того, критика как самоцель — разрушительна. Критику законодательства нужно представлять как особую разновидность диалога³. Основное рутинное назначение науки состоит в том, чтобы говорить законодателю почему и как. Право должно не только определять рамки допустимых решений, но и в первую очередь формировать основания для эффективных преобразований в интересах всего общества. Правовую науку необходимо сделать наукой социального прогресса⁴.

Несмотря на развернутую против нашей страны беспрецедентную санкционную войну, российская научная юриспруденция пока не уделяет должного внимания разработке правовых механизмов реагирования на недружественные действия (включая, например, категорирование таких действий, связанных с ними угроз и формирование дифференцированных ответных правовых режимов).

Искаженные, не учитывающие национальных традиций трактовки фундаментальных и конституционных категорий деформируют правовое регулирование, разрушают общество. Находясь в плenу неолиберального идеализма, мы восприняли деструктивный рыночно-сервисный подход к образованию, отожествив его с услугой, что привело к деградации таких важнейших составляющих классической российской системы образования, как фундаментальность, воспитание, дисциплина. Возникло опасное заблуждение, что сфера образования подчинена той же логике, что и товарно-денежные отношения, функционирует на принципах рыночной конкуренции при главенствующей роли потребителя.

Шаг за шагом мы преодолеваем эту модель, раскрывая в законодательстве суть образования как общественного блага и государственной функции, но это непростой путь. Нельзя не сказать, например, о том, что применительно к платному приему в вузы сегодня продолжает использоваться рыночно-сервисная терминология. Однако суть образования — единая, не зависит от источника финансирования, и она ни в коей мере не может, не должна отождествляться с коммерцией. Вуз — это храм знаний, источник нравственного роста, а не супермаркет. К сожалению, это не учитывается, когда работа вуза выстраивается по маркетологическим принципам, в логике агрессивного капитализма, когда приписываемую вузам сервисную роль пытаются не ревизовать, а просто переориентировать со студента на работодателя, т.е. превращают образование в некий призводитель экономики.

Стратегической целью является преемственное, гармоничное и эффективное развитие национальной системы образования сообразно современным и прогнозируемым вызовам и потребностям личности, общества и государства, обеспечивающее на основе новаторства, продуктивного использования новейших технологий (не в ущерб определяющей роли личности педагога) создание условий для сохранения и созидательного освоения цивилизационной уникальности России, устойчивого экономического роста и технологического лидерства страны.

³ Баранов В. М., Ремизов П. В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника. М., 2018. С. 296.

⁴ Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи. М., 2025. С. 8.

4. Серьезным вызовом для отечественной фундаментальной юриспруденции, который отнюдь не сводится к поиску эффективных регулятивных решений, а связан с пониманием самой природы права в современном мире, является стремительный научно-технический прогресс, меняющий привычные представления и уклад.

С одной стороны, в ситуации сжатия исторического времени общественная практика зачастую опережает право, особенно в периоды социальной турбулентности и кризисов, правовые нормы либо не успевают сформироваться в ответ на общественные запросы, либо оказываются казуистичными (инцидентными) и нестабильными, в связи с чем в праве, чтобы оно сохраняло операционность, должны усиливаться интегральные категории (правовые принципы, презумпции, ценности и т. п.), формироваться новые подходы к регулятивному инструментарию.

Но это ни в коем случае не означает, что мы должны отказываться от основ, например размывать предназначение и существо закона через неограниченно широкие трактовки и применение концепции так называемого рамочного законодательства. Возрастающая в современных условиях потребность к выстраиванию многоуровневой и многоцентрической системы правового регулирования предполагает не принижение роли закона через ориентацию на установление определенных регулятивных рамок, а усиление его роли в определении основ, концептуально-содержательных параметров правового регулирования, реализуемого в единстве и взаимосвязи всех регулятивных уровней.

С другой стороны, появление технологий, способных модифицировать, заместить, превзойти, а потенциально и подчинить человека, с новой остротой ставит вопросы о свободе воли и самореализации, человеческой уникальности и идентичности, правосубъектности и равенстве, социальном благополучии, достигаемом собственным трудом, и т.д., предполагает, что право должно не только создавать благоприятные условия для научно-технологического развития, но и обеспечивать его человекосоразмерный, гуманистический характер, вводить его в рамки для сохранения нравственной сущности человека и естественной природной среды обитания.

Существующий в отечественной юриспруденции серьезный дефицит исследований как общих, так и предметно-профильных проблем и направлений научно-технологического развития осложняет построение надлежащей методологии и системы правового регулирования в данной сфере, формирование и развитие сбалансированных комплексных правовых режимов, не позволяет с необходимой полнотой и уровнем качества реализовать потенциал отраслевого нормативного инструментария, обеспечить определенность, правильное место в системе правового регулирования, а также непротиворечивую взаимосвязь законодательства о науке и правоприменительной практики.

Отечественная юридическая наука должна выработать методологию и стратегию правового развития био- и генетических технологий и биоэкономики, сформировать в рамках единой модели правового регулирования, соответствующей актуальным потребностям научной мобилизации и объективно сложившемуся централизованному механизму научного руководства в данной сфере, систему дифференцированных профильных правовых режимов с учетом специфики

конкретных потребностей и угроз, в частности, в области фармакологии, медицины, сельского хозяйства. Так, необходимо раскрывать понимание биологических коллекций с позиции не просто некоего имущественного комплекса, а как публичного достояния многонационального народа, которое служит прежде всего поддержанию биологического разнообразия, изучению и воспроизводству нашей естественной природной среды и естественных условий нашей национальной идентичности.

5. Обсуждение приоритетов российской научной и учебной юриспруденции должно предполагать формирование конкретного механизма по постановке исследовательских задач, направленных на решение важных для страны проблем. Нужно подумать над тем, как наиболее разумно обеспечить увязку тематик докторских исследований с реальными потребностями науки, государства и общества, обсудить вопрос установления персональной ответственности научных руководителей за качество докторских исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи. — М., 2025. — 272 с.
2. Баранов В. М., Ремизов П. В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника. — М., 2018. — 352 с.
3. Скрипилёв Е. А. К разработке истории советского правоведения // Государство и право. — 1992. — № 12. — С. 30—37.

Конституционное право России: стратегическая роль в условиях современности

Аннотация. Отражая процессы, которые происходят в экономической, социальной и политической жизни российского общества, конституционное право развивается. В статье исследуются функции конституционного права, обеспечивающие отрасли актуальный системообразующий характер. С опорой на уже устоявшиеся в науке содержание классические функции конституционного права проведена ревизия современного их наполнения. Конституционное право в данный момент формирует «правовую матрицу» цифровой трансформации в экономической, социальной, политической, культурной сферах на основе гарантированности прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. В условиях взрывного развития технологий, изменений в geopolитическом поле, возникновения угроз, которые в период формирования конституционного права России могли рассматриваться как фантастические, возникает необходимость переосмысления классических функций конституционного права в контексте усиления его стратегической роли.

Ключевые слова: конституционное право, функции конституционного права, стратегия развития государства, стратегическая функция конституционного права

Мария Викторовна
ВАРЛЕН,
директор Института
«Аспирантура
и докторантура»
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент
mvvarlen@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.034-043

Maria V. VARLEN,
Director of the Institute «Postgraduate and Doctoral Studies»
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
mvvarlen@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Constitutional law of Russia: strategic role in modern conditions

Abstract. The article examines the functions of constitutional law that ensure the system-forming nature of the industry. In the context of the explosive development of technology, changes in the geopolitical field, and the emergence of threats that could be considered fantastic during the formation of Russia's constitutional law, there is a need to rethink the classical functions of constitutional law in the context of strengthening its strategic role.

Keywords: Constitutional law, functions of constitutional law, state development strategy, strategic function of constitutional law

Конституционное право — системообразующее ядро российского права и государственности

Современная доктрина единодушно признает за конституционным правом роль центральной отрасли российского права. Эта концепция стала неотъемлемой частью отечественной науки государства и права, которая традиционно обосновывает особый статус отрасли конституционного права через систему устоявшихся характеристик, получивших значение классических определений: «ведущая», «основополагающая», «фундаментальная». Конституционное право, пишет О. Е. Кутафин, «является ведущей отраслью права... оно регулирует отношения, которые являются основополагающими во всех областях жизни и служат основой формирования всех других общественных отношений»¹.

В настоящее время конституционное право, наряду с иными отраслями права, выполняет важнейшие общесоциальные и специально-юридические функции². Однако именно в природе конституционного права заложены ключевые, фундаментальные функции, которые позволяют ему выступать системообразующим стержнем российского права. Они носят учредительный, координирующий, охранительный характер, *задают стратегические ориентиры развития*.

В учредительной функции проявляется уникальная способность конституционного права юридически оформлять важнейшие институты государства и права. Эта функция выражается в определении основ конституционного строя и конституционного статуса личности; закреплении федеративного устройства России, ее состава; легитимации системы публичной власти. Конституционное право учреждает иерархию высших базовых ценностей публично-правового и личностно-правового свойства: суверенная демократия, правовое государство, защита человека и его прав, социальный паритет, экономический, политический, идеологический плюрализм.

В свою очередь, координационная функция обеспечивает системное единство правового пространства, что достигается установлением единых базовых принципов правового регулирования, разграничением предметов ведения и полномочий, механизмами разрешения юридических коллизий, иерархией правового регулирования. Конституционное право системным образом связано с иными отраслями права, интегрирует, создает «несущие конструкции» для отраслевого законодательства и посредством всего комплекса своих источников обеспечивает конституционализацию норм других отраслей. Например, в силу правовых позиций, выраженных в шести решениях Конституционного Суда РФ, были признаны не соответствующими Конституции (ч. 1, 2 ст. 19, ч. 1 ст. 39, ч. 3 ст. 55) нормативные положения пенсионного законодательства, распространяющиеся на работающих военных пенсионеров. Федеральному законодателю

¹ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 43.

² Подробнее см.: Умнова И. А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025. С. 32—33.

было предписано предусмотреть правовой механизм, гарантирующий выплаты указанной категории граждан³.

Охранительная (гарантирующая) функция конституционного права выполняет, на наш взгляд, роль юридического гаранта стабильности основ конституционного строя, прав и свобод человека. Эта функция реализуется через механизмы охраны Конституции, процедуры конституционного контроля. Система конституционных принципов и гарантий прав и свобод в дальнейшем имплементируется через систему отраслевого законодательства. К примеру, конституционный принцип неприкосновенности частной собственности (ст. 35 Конституции) находит свое развитие в ст. 209 ГК РФ (содержание права собственности), в институте виндикиации (ст. 301 ГК), в механизме защиты чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК). Конституционная гарантия права на отдых детализируется в нормах о продолжительности рабочего времени (ст. 91 ТК), в институте ежегодного оплачиваемого отпуска (ст. 114 ТК), в гарантиях выходных дней (ст. 111 ТК).

Стратегическая (целеполагающая) функция норм конституционного права задает долгосрочные ориентиры государственного развития. Она проявляется в закреплении национальных приоритетов, определении основных направлений политики. Например, ст. 7, 38, 67.1, 72 Основного закона служат базой для реализации нацпроектов «Семья», «Молодежь и дети». Конституция России (ст. 4, 67, 71) и принятые на ее основе Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Концепция внешней политики Российской Федерации, Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» определяют механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике.

Реализуя стратегическую функцию, конституционное право устанавливает механизмы сохранения конституционной идентичности в условиях глобальных трансформаций и адаптации к новым вызовам. В частности, заложенный в Конституции баланс свободы экономической деятельности (ст. 8), допустимость ограничения прав и свобод в конституционных целях (ст. 55), дискреция Президента РФ (ст. 80, 83, 86) и Правительства РФ (ст. 114), дополненные нормами соответствующего федерального законодательства, позволили Российской Федерации гибко реагировать на кризисы в условиях санкций (например, постановлением Правительства РФ от 9 апреля 2022 г. № 628 установлены особенности формирования и утверждения запросов на изменение паспортов национальных, федеральных и ведомственных проектов, связанных с реализацией мер, предусмотренных планом первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления⁴).

³ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 24 февраля 1998 г. № 7-П ; от 23 декабря 1999 г. № 18-П ; от 3 июня 2004 г. № 11-П ; от 23 декабря 2004 г. № 19-П ; определения Конституционного Суда РФ от 24 мая 2005 г. № 223-О ; от 11 мая 2006 г. № 187-О // СПС «Гарант» (дата обращения: 4 июня 2025 г.).

⁴ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2022 г. № 628 «Об особенностях реализации национальных проектов (программ), федеральных проектов, ведомственных

Таким образом, конституционное право России представляет собой сложный, многофункциональный правовой феномен, сочетающий качества инструмента правового регулирования, системообразующего фундамента правовой системы, стратегического ориентира государственного развития. Эти характеристики позволяют рассматривать конституционное право не просто как отрасль права, но как метаправовую систему, определяющую параметры развития всего национального правопорядка⁵.

Роль конституционного права в стратегии развития государства и правовой системы

Поскольку конституционное право составляет системообразующий каркас правовой системы и государства в целом, определяет их основные параметры развития, в будущем оно должно играть роль стратегической «дорожной карты», долгосрочного ориентира формирования правовой, политической и экономической системы.

Стратегия развития государства, правовых институтов, как и любая другая общественная стратегия, предполагает определение общего, главного направления достижения целей, это путь развития. Государственный менеджмент, реализующий стратегию, состоит из комплекса управленческих решений и конкретных действий, процессов, которые опираются на стратегический анализ, реагируют на изменение внешней и внутренней конъюнктуры. При этом каждые стратегические маневры должны соответствовать общему видению, миссии, иметь нормативно-ценостные ориентиры.

В этой связи полагаем, что *эволюционное развитие правовой системы, государственной политики должно осуществляться через призму норм именно конституционного права*. Проиллюстрируем сказанное на ряде сфер общественных отношений, составляющих национальные цели развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.⁶.

проектов и региональных проектов в условиях геополитического и санкционного давления на развитие российской экономики» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 11 апреля 2022 г. № 0001202204110059 (дата обращения: 6 июня 2025 г.).

⁵ Метакатегории находятся в разделе дискуссионных теоретических вопросов, однако полагаем необходимым, в силу перспективности их развития и необходимости продолжения междисциплинарных исследований, упомянуть их в настоящей статье.

⁶ Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» определяет следующие стратегические национальные цели: а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; в) комфортная и безопасная среда для жизни; г) экологическое благополучие; д) устойчивая и динамичная экономика; е) технологическое лидерство; ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики

1. Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи. Конституционное право создает фундамент правового регулирования для развития общественных отношений, в самом широком смысле охватываемых термином «здоровье». Конституция РФ декларирует здоровье как цель социальной политики государства, закрепляет конституционное право каждого человека на охрану здоровья, ответственность за информацию, угрожающую здоровью и благополучию, право на возмещение ущерба здоровью как цель при ограничении основных прав и свобод, что означает высокую степень значимости конституционной ценности «здоровье» как для отдельного человека, так и для государства и общества.

Развитие конституционного регулирования в сфере охраны здоровья перешло на качественно новый уровень в 2020 г., когда в п. «ж» ст. 72 Конституции появился термин «общественное здоровье» как вопрос, находящийся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Укрепление общественного здоровья, декларированное конституционной нормой, предполагает совершенно другой, всеохватывающий подход к регулированию данной сферы общественных отношений, поскольку общественное здоровье понимается:

- как важнейший экономический и социальный потенциал страны, обусловленный воздействием различных факторов окружающей среды и образа жизни населения, позволяющий обеспечить оптимальный уровень качества и безопасности жизни;
- такое качество общества, которое обеспечивает условия для образа жизни людей, не обремененных заболеваниями, физическими и психическими расстройствами;
- совокупное здоровье людей, проживающих на определенной территории или в государстве в контексте демографической ситуации, трудоспособности, активной жизнедеятельности, социального благополучия человека и семьи, затрат на лечение и предотвращение заболеваний;
- а также характеризует жизнеспособность общества⁷.

Общественное здоровье тесно связано с понятием «сбережение народа», которое признано в Стратегии национальной безопасности России национальным интересом и стратегическим долгосрочным приоритетом, а социально-экономическая политика государства направлена на «создание условий для укрепления здоровья граждан, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности» (п. 25, 26).

2. Развитие человека, воспитание патриотичной и социально ответственной личности как стратегическая цель развития государства основана прежде всего на конституционных принципах социальной функции Российского

и социальной сферы (п. 1) (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 7 мая 2024 г. № 0001202405070015 (дата обращения: 6 июня 2025 г.)).

⁷ Подробнее см.: Public health: policy priorities and regulatory strategy / Tatiana Arkhireyskaya, Yan Borisov, Anna Sokolova, Oksana Sokolova // XIII International Scientific and Practical Conference «Medico-biological and Pedagogical Foundations of Adaptation, Sports Activities and a Healthy Lifestyle» (MBFA 2024). 2024. Vol. 120. № 01028. 15 July.

государства, признания прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью, необходимости укрепления взаимного доверия государства и общества.

Развитие заложенных в преамбуле Конституции ценностных ориентиров⁸ произошло после внесения в текст Конституции ст. 75.1, в соответствии с которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство концептом солидарности — экономической, политической и социальной.

В этой совокупности важнейших характеристик социального государства определяются содержание и социализация разных сторон жизни общества, формирующих социальную политику, социальную экономику, социальную ответственность, основанных на новом положении, направленном на достижение баланса интересов личности и общества на основе принципа экономической, политической и социальной солидарности⁹.

Что касается принципа солидарности, то появление его в конституционном тексте стало логичным продолжением отраженного в правовых позициях Конституционного Суда РФ «начала, наделяемого свойствами неотъемлемого элемента системы конституционного регулирования, обретающего качества целостного нарратива, объемлющего всю правовую действительность»¹⁰.

На текущем этапе возрастает значение солидарности и в качестве ориентира правовой политики, судебного и административного правоприменения, и в качестве основы взаимодействия институтов гражданского общества и частных лиц. Это обусловлено, помимо прочего, встающими перед нашей страной серьезнейшими вызовами — демографическими, эпидемическими, технологическими, экологическими и, в переживаемых обстоятельствах, геополитическими. Поэтому представляется необходимым концептуальное переосмысление принципа солидарности в контексте современной правовой доктрины, предполагающее его интеграцию в систему базовых ценностей конституционного строя, а также разработку механизмов его имплементации в отраслевую нормотворческую и правоприменительную практику.

3. Стратегическая функция конституционного права в целом и норм Конституции в частности проявляется в закреплении целей для создания *комфортной и безопасной среды для жизни, экологического благополучия*.

⁸ Регулирующая функция преамбулы Конституции выражается в том, что заложенные в ней принципы являются ориентиром для органов законодательной, исполнительной власти, для отправления правосудия, толкования правовых норм.

⁹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / А. М. Дроздова [и др.] ; под ред. С. А. Комарова. М., 2025. С. 224—226.

¹⁰ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020—2023 годов)». Одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г. // СПС «Гарант».

Термин «безопасность» используется в Конституции РФ в различных контекстах: как безопасность государства, безопасность граждан, безопасность общества, безопасность труда, безопасность в отдельных сферах, таких как оборона и безопасность, информационная безопасность, международный мир и безопасность, общественная безопасность. Несмотря на общее критическое восприятие лаконичности Конституции в вопросах регулирования мира и безопасности, учеными отмечается, что ее отдельные положения все же затрагивают эти проблемы, составляя тем самым правовую основу для российского законодательства¹¹.

Достижение стратегической цели создания комфортной и безопасной среды для жизни и экологического благополучия связано в первую очередь с экологической безопасностью, которая в конституционном тексте упоминается в пп. «д» ст. 72, устанавливающей совместное ведение Федерации и субъектов, в том числе в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Кроме того, к конституционным нормам, создающим основу правового регулирования экологического благополучия, следует отнести и универсальные правовые гарантии, рамки ограничения прав и свобод в целом, цели и порядок введения чрезвычайного и военного положения как специальных правовых режимов (ст. 55 Конституции РФ).

Многочисленность актов создает сложность не только в проведении их обзора, она предопределяет еще большую сложность — в систематизации актов для их правоприменения. Федеральное законодательство России в сфере экологической безопасности чрезвычайно разветвленное, включает, по данным СПС «Гарант», более 21 тыс. правовых актов различных уровней. Конституционное право в этой связи может сыграть не только стратегическую, но и системообразующую функцию — через разработку для всех режимов в сфере экологической безопасности единого закона о гражданской защите¹².

4. *Технологическое лидерство, цифровая трансформация.* Современные вызовы требуют от России ускоренного развития технологического потенциала, цифровизации. Технологическое лидерство предполагает способность государства обеспечивать опережающее развитие критически важных технологий (искусственный интеллект, квантовые вычисления, биотех, робототехника и др.), их внедрение в экономику, государственное управление.

Конституционное право играет ключевую роль в создании правовых условий для такого развития, закрепляя стратегии, основы государственной политики в сфере технологического развития. В частности, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г.

¹¹ Умнова И. А., Алешкова И. А., Андриченко Л. В. Конституционно-правовой статус человека в Российской Федерации : учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025. С. 41.

¹² Подобные законы приняты в некоторых государствах Центральной Азии // Обзор законодательной и нормативной правовой базы в области гражданской обороны / гражданской защиты, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций стран Центральной Азии / Центр по чрезвычайным ситуациям и снижению риска стихийных бедствий стран // URL: <https://cesdrr.org/uploads/legal/07.08.2020%20-%20обзор%20законодательной%20и%20нпб%20стран%20ца.pdf> (дата обращения: 11 июня 2025 г.).

№ 145) определяет приоритеты (генетика, нейротехнологии и др.) на основе полномочий Президента РФ по стратегическому планированию (ст. 80 Конституции).

Конституционные механизмы стимулирования инноваций находят свое выражение в следующих положениях:

1) в государственной поддержке научно-технологического развития, сохранении и развитии научного потенциала — такая задача возложена на Правительство пунктом «в.1» ст. 114 Конституции и реализуется через нацпроекты («Новые материалы и химия», «Экономика данных и цифровая трансформация», «Развитие космической деятельности» и др.);

2) в принципе технологического развития (п. «в» ст. 71). Отнесение информационных технологий к федеральному ведению создает единое правовое пространство для цифровизации;

3) в защите прав разработчиков и инвесторов. Конституционная свобода предпринимательства (ст. 34) позволяет создавать стартапы и венчурные фонды в сфере высоких технологий, защита частной собственности включает интеллектуальные права на ПО и изобретения.

Для воплощения конституционных принципов принят ряд относящихся к источникам конституционного права федеральных законов, создающих «правовые песочницы» для инноваций. К примеру, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» позволяет тестировать новые технологии (в частности, БПЛА). При этом важно отметить, что в числе принципов экспериментального правового режима выступают недопустимость ограничения конституционных прав и свобод граждан и нарушения единства экономического пространства или иного умаления гарантий защиты прав граждан и юридических лиц, обеспечение безопасности личности, общества и государства (п. 1, 2 ст. 4).

Дистанционное электронное голосование (ДЭГ), реализующее конституционное право граждан избирать и быть избранным, эволюционирует от экспериментальной формы к неотъемлемому элементу современной избирательной системы. На текущем этапе развития данная технология прошла апробацию в 37 субъектах РФ (Курсской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской, Ярославской областях, в городах федерального значения Москве и Севастополе и др.), что свидетельствует о постепенной интеграции ДЭГ в общенациональную избирательную практику. По прогнозам Э. Памфиловой, к 2026 г. количество регионов с опытом применения ДЭГ увеличится до 40—45¹³.

Протестировать в试点ном режиме регуляторные модели, которые в дальнейшем могут быть масштабированы на всю территорию России, позволяет, например, пятилетний московский экспериментальный правовой режим по внедрению искусственного интеллекта, созданный в целях повышения качества жизни населения, эффективности государственного или муниципального управления (Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых

¹³ К думским выборам технологию ДЭГ могут распространить на половину субъектов // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/12/19/1082288-k-dumskim-viboram-tehnologiyu-dega-mogut-rasprostranit> (дата обращения: 7 июня 2025 г.).

условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”).

Конституционное право формирует правовую матрицу для цифровой трансформации в социальной сфере, сочетая принципы инновационного развития с гарантиями прав личности. Принцип социального государства подразумевает доступ граждан к цифровым сервисам, высокотехнологической медицине, образованию (ст. 7, 41, 43 Конституции). Ключевые положения конституционного права обязывают государство создавать условия для цифрового равенства, защиты приватности и персональных данных. С комплексного осмысления позиций конституционного права требуется рассматривать риски цифровых манипуляций и дискредитаций, киберугроз, кибермошенничества и кибервмешательства, использования deepfake-технологий.

5. *Устойчивая и динамичная экономика* выступает не только стратегической целью развития Российского государства, но и одним из ключевых условий, гарантирующих его суверенитет. В связи с этим в современных условиях конституционное право закладывает фундамент новейших и сложноорганизованных финансовых институтов — цифровых финансовых активов, оборота цифровой валюты, майнинга, криптобиржи, которые, безусловно, требуют императивного правового регулирования.

Ввиду появления новых комплексных институтов, сочетающих финансовую составляющую с технологиями, энергетикой, искусственным интеллектом и др., отчетливо проявляется тенденция увеличения дискреционных полномочий в области публичной финансовой деятельности, о чем пишет А. В. Савина¹⁴.

Основополагающим и приоритетным принципом при разработке этого регулирования должно выступать его безусловное соответствие нормам об экономической деятельности, закрепленным в Конституции РФ. Например, правовое регулирование в сфере майнинга цифровой валюты¹⁵ опирается на конституционные положения о полномочиях Правительства и, в частности, на п. «б» ст. 114, устанавливающий полномочия Правительства по обеспечению проведения в Российской Федерации единой финансовой, кредитной и денежной политики, а также на ст. 19 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», в соответствии с которой Правительство принимает меры по регулированию рынка ценных бумаг.

¹⁴ Савина А. В. Легализация майнинга и криптобиржи в России: риски и пределы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 5. С. 68.

¹⁵ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 31 июля 2020 г. № 0001202007310056 (дата обращения: 17 июня 2025 г.).

Проведенное исследование может быть подытожено следующими выводами.

1. В природе конституционного права заложены ключевые, фундаментальные функции, которые позволяют ему выступать системообразующим стержнем российского права — они носят учредительный, координирующий, охранительный характер, задают стратегические ориентиры развития.
2. Конституционное право как стратегическая основа государственного развития формирует правовую матрицу для наиболее чувствительных сфер общественных отношений: здравоохранения, экологии, цифровизации, технологического лидерства.
3. Представляется необходимым концептуальное переосмысление принципа солидарности в контексте современной правовой доктрины, предполагающее его интеграцию в систему базовых ценностей конституционного строя, а также разработку механизмов его имплементации в отраслевую нормотворческую и правоприменительную практику.
4. Возрастающая роль конституционного права как стратегического ориентира позволяет характеризовать его как метаправовую систему, определяющую стратегию развития государства, правопорядка и общества, а нормы конституционного права формируют правовые основы для ответа на современные вызовы, обеспечивая стабильность, инновационность и защиту конституционных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / А. М. Дроздова [и др.] ; под ред. С. А. Комарова. — М. : Юрайт, 2025. — 410 с.
2. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. — М. : Юрист, 2001. — 444 с.
3. Савина А. В. Легализация майнинга и криптобиржи в России: риски и пределы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 64—71.
4. Умнова И. А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2025. — 412 с.
5. Умнова И. А., Алешкова И. А., Андриченко Л. В. Конституционно-правовой статус человека в Российской Федерации : учебное пособие для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2025. — 45 с.
6. Public health: policy priorities and regulatory strategy / Tatiana Arkhireyskaya, Yan Borisov, Anna Sokolova, Oksana Sokolova // XIII International Scientific and Practical Conference «Medico-biological and Pedagogical Foundations of Adaptation, Sports Activities and a Healthy Lifestyle» (MBFA 2024). — 2024. — Vol. 120. — № 01028. — 15 July. — URL: <https://doi.org/10.1051/bioconf/202412001028>.

Вопросы конституционно-правового регулирования сферы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей

Тамара Владимировна ЗАМЕТИНА,
 заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор k_kmp@ssla.ru
 410056, Россия, г. Саратов,
 ул. имени Н. Г. Чернышевского,
 д. 104

Аннотация. Традиционные ценности играют значительную роль в формировании культурного и исторического наследия, генерируют основу культурной и социальной жизни общества. Неслучайно сохранение и укрепление традиционных ценностей относится к числу национальных интересов России, стратегических национальных приоритетов. Осмысление культурных процессов на основе традиционных ценностей является важной составной частью сохранения и воспроизведения социокультурных связей, общероссийской гражданской идентичности. В статье рассматривается понятие российских традиционных духовно-нравственных ценностей,дается анализ содержания Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей с позиции полноты их правовой формализации, выявляются недостатки правового регулирования. Автор обращается к изучению правовых актов и фундаментальных работ российских ученых-конституционалистов, отмечая, что конституционные ценности, как непосредственно закрепленные в Конституции, так и установления имплицитного характера, оказывают влияние на сознание людей, их жизненную позицию и приоритеты поведения, а также политические, экономические, социальные отношения современного российского общества, социоструктурную организацию последнего в целом.
Ключевые слова: Конституция РФ, российские традиционные духовно-нравственные ценности, национально-культурная автономия, историческая память и историческая правда, традиции коренных малочисленных народов

DOI: [10.17803/2311-5998.2025.133.9.044-051](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.133.9.044-051)

Tamara V. ZAMETINA,

Head of the Department of Constitutional Law named
after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev,
Saratov State Law Academy
Dr. Sci. (Law), Professor
k_kmp@ssla.ru

104, ul. Chernyshevskogo N. G., Saratov, Russia, 410056

Issues of constitutional and legal regulation of the sphere of preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values

Abstract. Traditional values play a significant role in shaping the cultural and historical heritage, and they form the basis of the cultural and social life of society. It is no coincidence that the preservation and strengthening of traditional values is one of Russia's national interests and strategic national priorities. Understanding cultural processes based on traditional values is an important component of preserving and reproducing sociocultural ties and national identity. This article explores the concept of Russian traditional spiritual and moral values, analyzes the content of the Fundamentals of State Policy on the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values from the perspective of their legal formalization, and identifies gaps in legal regulation. The author turns to the study of legal acts and the fundamental works of Russian constitutional scholars, noting that constitutional values, both those directly enshrined in the Constitution and those of an implicit nature, influence people's consciousness, their attitudes and behavioral priorities, as well as the political, economic, and social relations of modern Russian society and its overall socio-structural organization.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, Russian traditional spiritual and moral values, national and cultural autonomy, historical memory and historical truth, traditions of indigenous peoples

Действующая Конституция РФ 1993 г., принятая на заре конституционно-правового развития современной России, заложила основы государственного территориального устройства, организации власти и правового положения личности, а также систему ценностей, определивших фундаментальные основы интеграции российского общества, не подверженные влиянию вызовов и угроз экономического, политического, международного характера, выполняющих ориентационную и регулятивную функции, связывающих в единый организм российский социум, обеспечивающих сохранение и воспроизведение базовых идеалов и традиций.

По справедливому замечанию Н. С. Бондаря, ценность — понятие универсальное и многомерное, которое «охватывает все области и уровни социальной жизнедеятельности, в том числе находящиеся в сфере конституционно-правового

воздействия»¹. Как отмечает С. В. Кабышев, фундаментальные идеи, закрепленные в преамбуле нашего Основного закона, «образуют внутреннее смысловое ядро ценностно-мировоззренческой системы Конституции России»².

Господствующие в обществе ценности оказывают влияние на сознание людей, их жизненную позицию и приоритеты поведения, а также политические, экономические, социальные отношения, социоструктурную организацию общества в целом. Осмысление культурных процессов на основе традиционных ценностей является важной составной частью сохранения и воспроизведения социокультурных связей, общероссийской гражданской идентичности. Традиционные ценности играют значительную роль в формировании культурного и исторического наследия, генерируют основу культурной и социальной жизни общества. Неслучайно сохранение и укрепление традиционных ценностей относится к числу национальных интересов России, стратегических национальных приоритетов.

Как отмечал В. Т. Кабышев, на переломных этапах развития России «важная роль принадлежит психологической переориентации как отдельных граждан, так и социальных групп»³. Принятие Президентом РФ Указа от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее — Указ Президента РФ № 809) способствовало введению в российское правовое поле дефиниции традиционных ценностей⁴.

В научной литературе традиционные ценности зачастую определяются как «набор нормативных требований»⁵, «принципов и норм, пришедших из глубины веков»⁶, или «совокупность интересов»⁷. Полагаем, что определение традиционных ценностей в качестве «нравственных ориентиров», закрепленное документом стратегического характера, является более удачным, поскольку отражает поддержку государством предпочтительных моральных установок в духовно-нравственной сфере, в отличие от законодательного способа закрепления обязательных для исполнения норм и принципов.

В пункте 5 Указа Президента РФ № 809 определяется перечень традиционных ценностей, анализ которых свидетельствует о том, что часть из них, например, «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу... крепкая семья,

¹ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика : монография. 2-е изд., перераб. М., 2020. С. 172.

² Кабышев С. В. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию). М., 2024. С. 7.

³ Кабышев В. Т. Психология власти в традиции русского конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2 (12). С. 10.

⁴ СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁵ URL: <https://bigenc.ru/c/traditsionnye-tsennosti-34c7a2> (дата обращения: 30 мая 2025 г.).

⁶ Карпович О., Смагина Л. Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2772> (дата обращения: 30 мая 2025 г.).

⁷ Диденко А. Н. Утверждение традиционных российских духовно-нравственных ценностей на региональном и местном уровне // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2024. № 3 (58). С. 20.

созидательный труд... справедливость... историческая память и преемственность поколений, единство народов России»⁸, получив непосредственное закрепление в тексте Основного закона, одновременно являются ценностями Конституции РФ (преамбула, ст. 2, 7, 17, 20, 21—44, 57—59, 67, 67.1, 68, 69, п. «в», «е» ст. 71, п. «б», «е», «ж», «ж. 1» ч. 1 ст. 72, 75, 75.1, п. «в», «в.2», «е.1», «е.2», «е.4», «е.5» ч. 1 ст. 114 и др.).

Что касается таких духовно-нравственных ценностей, как гуманизм, милосердие, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, приоритет духовного над материальным, то, хотя в Конституции и не имеется их дословного текстуального закрепления, эквивалентные им положения обнаруживаются в ходе системного толкования ее ст. 2, 7, 39, ст. 67.1, 75, 75.1.

Вместе в тем ученые называют недостатки перечня ценностей, закрепленных в Указе Президента РФ № 809. Например, по мнению Г. А. Борщевского, «некоторые ценности, по сути, дублируют друг друга (гуманизм и милосердие, патриотизм и гражданственность)», при этом отсутствуют такие ценности, как правда, свобода, красота, творчество, наука, образование, природа⁹. Полагаем, что творчество, образование и науку, безусловно, можно отнести к сферам деятельности, которые способствуют формированию мировоззрения человека, но вряд ли их можно считать универсальными нравственными идеалами и ориентирами. В этом смысле на роль традиционной ценности более подходит просвещение как устойчивый социальный идеал, отражающий процесс передачи знаний и стремление личности к образованию, науке и культуре.

По справедливому замечанию А. М. Осавелюка, упоминание в тексте Конституции РФ Бога (ст. 67.1) «дает возможность каждому человеку, обществу и государству ориентироваться на религиозно-нравственные постулаты»¹⁰. На наш взгляд, среди традиционных духовно-нравственных ценностей в п. 5 Указа Президента РФ следовало бы упомянуть мир как традиционную ценность (преамбула Конституции, ее ст. 79.1), подразумевая при этом мир с самим собой (бесконфликтное внутреннее состояние личности), внутри государства (гражданский мир и согласие), во взаимоотношениях с другими странами (международный мир), а также добро (преамбула Конституции), и историческую правду (ч. 3 ст. 67.1).

Если рассматривать историческую память (которая называется в качестве традиционной ценности) как представление общества о прошлом, а историческую правду как информацию, соответствующую исторической действительности, то надо отметить, что эти понятия — не совсем одно и то же. В современных условиях и на фоне продолжающихся попыток фальсификации истории Второй

⁸ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁹ Борщевский Г. А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития. 2023. № (111). С. 82.

¹⁰ Осавелюк А. М. Религиозно-нравственные ценности в конституционном пространстве России. М., 2025. С. 30.

мировой войны¹¹, реабилитации нацизма и отрицания решающего вклада советского народа в победу над фашистской Германией, историческая правда превращается в значимую духовно-нравственную ценность, подлежащую правовой формализации не только на уровне Основного закона.

Размышая о национальной идее, Г. Н. Чеботарев приходит к выводу, что ее стержнем «должны стать традиционные духовно-нравственные ценности многонационального народа России и прежде всего — любовь и преданность Родине»¹². При этом п. 5 Указа Президента РФ № 809 не называет любовь в качестве традиционной духовно-нравственной ценности, хотя любовь и уважение к Отечеству упоминается в преамбуле Конституции РФ 1993 г. Как справедливо отмечает Б. С. Эбзеев, «конституционный правопорядок призван установить баланс между индивидуальным и коллективным в их различных аспектах, включая отношения между личностью и обществом, гражданином и государством, трудом и капиталом, частным интересом и общим благом, личной свободой и ответственностью за поддержание гражданского мира и согласия»¹³. Этой задаче служит и Указ Президента РФ № 809.

С философской точки зрения важным является вопрос об объективной или субъективной природе традиционных ценностей. Первый подход влечет за собой признание универсальности этих ценностей, второй — допускает возможность их индивидуально выстроенного иерархии, отражающей возрастные, религиозные, национальные и иные особенности и предпочтения личности.

По мнению В. Д. Зорькина, фундаментальная культурная специфичность России обусловлена тем, что «нашу культуру, а значит, и народ объединяют особое стремление к универсальному и особое же отторжение всего, что связано с унификацией жизни»¹⁴. Размышая о роли нравственных ценностей при столкновении различных культур и цивилизаций в условиях глобализации, А. Джагарян, приходит к выводу, что «институционализация традиционных нравственных ценностей как фактора государственно-правовых отношений требует проявления к ним уважения, но не означает непосредственную всеобщую поддержку»¹⁵.

¹¹ Заявление Государственной Думы «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» // URL: <http://duma.gov.ru/news/56676/> (дата обращения: 30 мая 2025 г.) ; Сенаторы приняли Обращение к зарубежным парламентам о недопустимости фальсификации истории Второй мировой войны и реабилитации нацизма // URL: <http://council.gov.ru/events/committees/165780/> (дата обращения: 30 мая 2025 г.).

¹² Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации : монография / Н. С. Бондарь, В. И. Крусс, Г. Н. Чеботарев [и др.] ; под ред. Г. Н. Чеботарева ; Тюменский государственный университет ; Институт государства и права. Тюмень, 2024. С. 64.

¹³ Эбзеев Б. С. Конституция как модель социальной конвергентной технологии // Государство и право. 2023. № 12. С. 33.

¹⁴ См.: Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен : монография. М., 2013. С. 14.

¹⁵ Джагарян А. Нравственная утопия современного конституционализма: государство и традиционные ценности в условиях глобализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4 (101). С. 66.

Г. А. Гаджиев отмечает, что «для сферы правовой реальности важно найти меру юридизации этических по своей природе ценностей»¹⁶.

Государственная национальная политика в России имеет особое значение. Российское государство — это уникальное единое многонациональное сообщество, имеющее многовековой опыт в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений. В связи с этим возникает вопрос о том, как приведенный в п. 5 Указа Президента РФ № 809 перечень традиционных духовно-нравственных ценностей согласуется с принципом *культурного многообразия* России (ч. 2 ст. 69 Конституции РФ). Традиционные ценности, перечисленные в Указе Президента РФ № 809 могут не охватывать все национально-культурные особенности этносов, проживающих на территории Российской Федерации.

Например, в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», лица, относящиеся к малочисленным народам, объединения малочисленных народов в целях сохранения и развития своей самобытной культуры вправе «соблюдать свои традиции и совершать религиозные обряды», при условии их непротиворечия российскому законодательству¹⁷. По мнению В. А. Кряжкова, право указанных общностей на традиционный образ жизни «определенается как ценность и такое право, которое может быть вписано в каталог основных прав и свобод человека и гражданина»¹⁸.

Стратегические документы в исследуемой сфере демонстрируют терминологическое разнообразие. Например, помимо понятия российские традиционные духовно-нравственные ценности¹⁹, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации²⁰ употребляется термин «традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности», в Стратегии государственной национальной политики РФ²¹ содержится перечень единых принципов и ценностей, который не включает некоторые ценности, закрепленные Указом Президента № 809 (жизнь, достоинство, приоритет духовного над материальным и др.).

Кроме того, в п. 11 Стратегии государственной национальной политики вместо российской традиционной духовно-нравственной ценности «справедливость» употребляется понятие «социальная справедливость», что вряд ли можно считать

¹⁶ Гаджиев Г. А. Онтология права : (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М., 2013. С. 115.

¹⁷ С3 РФ. 1999. № 18. Ст. 2208 ; 2020. № 29. Ст. 4504.

¹⁸ Кряжков В. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. 2017. № 12. С. 55.

¹⁹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // С3 РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

²⁰ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // С3 РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

²¹ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 15 января 2024 г.) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // С3 РФ. 2012. № 52. Ст. 7474 ; 2024. № 4. Ст. 504.

правовым эквивалентом «справедливости» как более широкого понятия, охватывающего все аспекты соответствия действия субъекта и воздаяния за него.

Обращает также на себя внимание замена в основных направлениях целеполагания Стратегии государственной национальной политики традиционной ценности «единство народов России» на несколько иное понятие — «единство многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». Употребление последнего, на наш взгляд, более адекватно имеющемуся правовому регулированию в данной области²², однако возникает вопрос о корреляции понятийно-категориального аппарата указанной стратегии с другими актами стратегического характера в области сохранения духовно-нравственных ценностей.

Содержательное наполнение понятия «духовные ценности» в Основах государственной культурной политики²³ оказывается шире перечня традиционных духовно-нравственных ценностей, закрепленного в Указе Президента № 809. Термин «духовные ценности», по сути, охватывает не только этические и гражданские (такие, например, как гуманизм, милосердие, гражданственность, патриотизм), но и эстетические и интеллектуальные идеалы. В этом контексте такие эстетические ценности, как красота, творчество и интеллектуальные ценности — наука, образование, просвещение, безусловно, относятся к категории духовных ценностей, но не ранжируются Указом Президента РФ № 809 в качестве российских традиционных духовно-нравственных ценностей.

В корреляции с положениями Указа Президента РФ № 809 нуждается и федеральное законодательство. Важным звеном в формировании и функционировании современного гражданского общества выступают этнокультурные автономии как экстерриториальная форма национальной самоорганизации. Однако положения Федерального закона от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии» никак не отражают их задачу по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей²⁴.

Подводя итог, следует отметить, что в современных условиях концепцию традиционных ценностей можно рассматривать в качестве инструмента «мягкой силы» в целях формирования конструктивных форм социального взаимодействия, социализации индивида, его приобщения к национальной культуре. Традиционные ценности выступают в виде некой матрицы духовно-нравственных ориентиров, единых морально-нравственных критериев и установок существования и функционирования общества.

Реализация Указа Президента РФ № 809 определяет необходимость совершенствования понятийного аппарата федерального и регионального законодательства, законодательной формализации российских традиционных духовно-нравственных ценностей, создания организационных структур

²² См., например: Указы Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2339 ; от 24 декабря 2014 г. № 808 (ред. от 25 января 2023 г.) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753 ; 2023. № 5. Ст. 777 и др.

²³ Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 (ред. от 25 января 2023 г.).

²⁴ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2965 ; 2022. № 14. Ст. 2202.

межведомственного характера, призванных обеспечивать осуществление государственной политики в этой сфере.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика : монография. — 2-е изд., перераб. — М. : Норма ; Инфра-М, 2020. — 528 с.
2. Борщевский Г. А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития. — 2023. — № 4 (111). — С. 67—93.
3. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. — М. : Норма ; Инфра-М, 2013. — 320 с.
4. Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации : монография / Н. С. Бондарь, В. И. Крусс, Г. Н. Чеботарев [и др.] ; под ред. Г. Н. Чеботарева ; Тюменский государственный университет ; Институт государства и права. — Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. — 240 с.
5. Джагарян А. Нравственная утопия современного конституционализма: государство и традиционные ценности в условиях глобализации // Сравнительное конституционное обозрение. — 2014. — № 4 (101). — С. 57—74.
6. Диденко А. Н. Утверждение традиционных российских духовно-нравственных ценностей на региональном и местном уровне // Вестник Воронежского государственного университета. — Серия : Право. — 2024. — № 3 (58). — С. 19—32.
7. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен : монография. — М. : Норма, 2013. — 496 с.
8. Кабышев С. В. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию). — М. : ИЦ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — 87 с.
9. Кабышев В. Т. Психология власти в традиции русского конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. — 2019. — № 2 (12). — С. 9—17.
10. Карпович О., Смагина Л. Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2772> (дата обращения: 30.05.2025).
11. Кряжков В. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовой измерении // Государство и право. — 2017. — № 12. — С. 44—55.
12. Осаевлюк А. М. Религиозно-нравственные ценности в конституционном пространстве России. — М. : Норма ; Инфра-М, 2025. — 192 с.
13. Эбзеев Б. С. Конституция как модель социальной конвергентной технологии // Государство и право. — 2023. — № 12. — С. 21—39.

Алексей Валерьевич ШАПОШНИКОВ,
доцент кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель Московской городской Думы, кандидат юридических наук
predsedatel@duma.mos.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Проблемы конституционализации использования цифровых технологий в политическом процессе

Аннотация. Представленное исследование посвящено изучению вопроса о проблемах конституционализации применения цифровых технологий в политическом процессе. В роли теоретических основ проведенных изысканий послужили процессуальная концепция конституционализации, выработанная представителями школы российского конституционализма, конструкционистский подход к пониманию конституционализма, а также плюралистическая вариация теории функционального представительства, дополненная элементами теории рационального выбора Коулмена и теории общественного выбора Бьюкенена. Автор приходит к выводу, что ключевые проблемы конституционализации использования цифровых технологий в политическом процессе обусловлены отраслевой спецификой цифрового права. Высокая изменчивость предмета регулирования порождает ориентацию законодателя на использование реактивного подхода.

Ключевые слова: конституционализация, конституционализм, цифровые технологии, цифровое право, политический процесс, проблемы, перспективы

DOI: [10.17803/2311-5998.2025.133.9.052-062](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.133.9.052-062)

Alexey V. SHAPOSHNIKOV,

Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Chairman of the Moscow City Duma,
Cand. Sci. (Law)
predsedatel@duma.mos.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Problems of constitutionalization of the use of digital technologies in the political process

Abstract. The presented study is devoted to the study of the issue of the problems of constitutionalization of the use of digital technologies in the political process. The procedural concept of constitutionalization developed by representatives of the school of Russian constitutionalism, the constructionist approach to understanding constitutionalism, as well as the pluralistic variation of the theory of functional representation, supplemented by elements of Coleman's theory of rational choice and Buchanan's theory of public choice served as theoretical foundations for the conducted research. The author concludes that the key problems of constitutionalization of the use of digital technologies in the political process are due to the industry specifics of digital

law. The high variability of the subject of regulation gives rise to the legislator's orientation towards the use of a reactive approach.

Keywords: constitutionalization, constitutionalism, digital technologies, digital law, political process, problems, prospects

Интерпретация понятия «конституционализация»

Приступая к освещению выбранной темы, в первую очередь необходимо затронуть вопрос об авторской интерпретации ключевых понятий, используемых в данном исследовании. Зачастую термин «конституционализация» подвергается истолкованию в узком смысле, с точки зрения этимологического подхода, за счет чего содержание данного понятия сводится к закреплению определенных положений в тексте основного закона и приданю им конституционной силы¹. Однако обращение к этимологическому подходу автоматически выводит за рамки предмета исследования такие вопросы, как решение проблемы согласования конституционной теории и практики, унификация правотворчества, правопонимания и правоприменения, согласование действующего законодательства и конституционных ценностей, приведение отраслевых норм права в соответствие с конституционными, а также конкретизация и расширение принципов, ценностей и норм конституции.

В представленном исследовании используется процессуальный подход к интерпретации указанного термина, сформулированный в работах Т. Я. Хабриевой, В. И. Крусса и В. В. Комаровой². Конкретнее автор обращается к интерпретации понятия «конституционализация» представителями научной школы российского конституционализма. Выбор в пользу данного варианта истолкования понятия обусловлен, с одной стороны, тем, что он носит комплексный характер. Последнее позволяет объединить сущностные элементы всех прочих подходов к интерпретации термина.

С другой стороны, избранный автором подход к интерпретации термина включает в себя положение о закреплении в конституции национальной модели конституционализма. Объем этого понятия охватывает все наиболее значимые для государства и социума общественные отношения, включая принципиально новые системы интеракций, порожденных технологическими изменениями.

¹ Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М. ; Новосибирск : ЮКЭА, 2002. С. 153—154 ; Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина : монография / рук. авт. кол. и отв. ред. В. В. Комарова. М., 2023. С. 32.

² Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 16 ; Хабриева Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 25—30 ; Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина. С. 33.

Последнее автоматически обеспечивает высокую релевантность обозначенного подхода задаче описания и анализа правовых отношений, возникающих в связи с внедрением цифровых технологий в политический процесс.

В соответствии с точкой зрения представителей школы российского конституционализма конституционализация представляет собой комплексный процесс, охватывающий одновременно юридификацию новых общественных отношений в рамках конституции, конкретизацию норм основного закона в структуре отраслевого законодательства и гармонизацию правопонимания и правоприменения на основе базовых принципов и ценностей конституции и ее национальной модели. Целью процесса конституционализации является выстраивание конституционализма³.

Термин «конституционализм» используется автором представленного исследования в рамках варианта интерпретации, предложенного представителями конструкционистского подхода, настаивавшими на необходимости включения в объем данного понятия как теоретико-правовой доктрины выстраивания демократического и справедливого государства, организованного на базе принципов соблюдения и должного обеспечения естественных прав человека, так и результатов ее реализации (О. Е. Кутафин, Н. А. Богданова, Л. В. Сонина)⁴. По справедливому замечанию В. В. Комаровой, построение конституционализма осуществляется посредством создания системы гарантий прав и свобод, а также обеспечения их конституционности и реализуемости благодаря закреплению соответствующих ценностей и ориентиров в конституции и подтверждению высшей ценности основного закона⁵.

К числу конечных объектов конституционализации в соответствии с избранным нами подходом относятся законодательство, общество и государство⁶. В качестве ключевых акторов процесса конституционализации выступают основные субъекты конституционно-правовых отношений. С учетом специфики выбранного нами подхода к интерпретации понятия «конституционализация» круг основных субъектов конституционно-правовых отношений включает в себя народ, человека (личность), государство и сформированные им субъекты и общество.

³ Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина. С. 35.

⁴ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. С. 44 ; Богданова Н. А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения. М., 1999. С. 135—138 ; Сонина Л. В. Конституционализм в Российской Федерации как политico-правовой режим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 11—17.

⁵ Комарова В. В. Конституционные ценности в современной экономике (некоторые аспекты воздействия конституционной реформы 2020 г.) // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : материалы конференций в рамках X Московской юридической недели: XVIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), XXI Ежегодной международной научно-практической конференции юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (МГУ) : в 5 ч. М., 2021. Ч. 2. С. 7—13.

⁶ Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина. С. 37.

Включение этих элементов в число основных субъектов конституционно-правовых отношений и процесса конституционализации обусловлено, с одной стороны, природой отрасли конституционного права, сформировавшейся в результате попыток урегулирования взаимоотношений между системой публичной власти, обществом и отдельно взятой личностью. С другой стороны, сказывается то обстоятельство, что народ выступает в качестве единственного источника власти, при помощи прямого волеизъявления делегирующего собственный суверенитет органам государственной власти, реализующим базовые конституционно-правовые функции на регулярной основе⁷.

Интерпретация понятия «политический процесс» и его связь с конституционализацией

Традиционные подходы, наиболее распространенные в политологии и социологии в ключе решения задачи концептуализации политического процесса (концепция функционального представительства, системный, структурно-функциональный, институциональный подходы и т.д.), подразумевают, что политический процесс достаточно слабо связан реализацией базовых принципов и ценностей конституции и обеспечением прав и свобод граждан в целом. Большинство исследователей сводят его суть, скорее, к обеспечению интересов отдельных общественных групп либо властных структур, в первую очередь — в рамках борьбы за доступ к материальным и властным ресурсам и контроль над процессом выработки и принятия решений⁸.

В данных обстоятельствах дальнейшее использование концепта «политический процесс» требует синтеза классических подходов к его интерпретации, сформулированных в рамках гуманитарных и общественных наук, с теоретическими представлениями о сущности конституционализации.

Как уже было указано выше, «конституционализм» (построение которого является целью конституционализации) интерпретируется нами как комплексная категория, объединяющая теорию и построение демократического справедливого государства, организованного в соответствии с концепцией естественных прав человека, и сформированный в соответствии с ней государственный строй. Последнее позволяет рассматривать формирование данной системы государственного устройства в качестве конечной цели и политического процесса.

⁷ Комарова В. В. Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития. М., 2018. С. 51—52.

⁸ Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М., 2012 ; Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. 2 : Зарубежная политическая мысль XX в. С. 630—634, 637—641 ; Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика. М., 2005. С. 53—55 ; Латрушинев С. В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. 2009. № 3. С. 5—19 ; Almond G. A. Political Development. Essays in Heuristic Theory. Boston, 1970. P. 181—220 ; Truman D. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. New York, 1951. P. 21—22.

При этом наполнение политического процесса должно быть тождественно конституционализации. Однако обозначенные выше традиционные подходы чаще всего предполагают исключение из числа его акторов народа и отдельно взятого гражданина, которые являются субъектами конституционализации. С одной стороны, последнее обуславливает необходимость интерпретировать политический процесс с точки зрения такой вариации концепции функционального представительства, как плюрализм, наделяющий субъектностью государство, общество и народ, и в то же время признающий высокую степень политической автономии частного лица⁹.

С другой стороны, политический процесс следует рассматривать с учетом положений теоретических концепций, объясняющих индивидуальное и групповое политическое поведение, таких как теория рационального выбора Дж. Коулмана и теория общественного выбора Д. Бьюкенена. В соответствии с их базовыми положениями вовлеченные в структуру групп интересов люди чаще всего выстраивают свое поведение в соответствии с принципом рациональности, т.е. так или иначе руководствуются личными целями в порядке максимизации выгоды на основе адекватной оценки имеющихся ресурсов, пользы и издержек, а также наличия альтернативных решений. Групповые интересы начинают вытеснять частные лишь на макроуровне политического процесса, когда взаимодействовать между собой начинают именно крупные социальные группы, обменивающиеся ресурсами в формате передачи разнообразных прав и полномочий (путем формирования системы правовых норм и санкций, формализующих взаимодействие субъектов)¹⁰.

Последнее дает нам возможность включить в перечень субъектов политического процесса и отдельно взятого человека. За счет этого перечни субъектов конституционализации и политического процесса полностью совпадают. Это дает нам возможность расширить трактовку сущности политического процесса. Она не исчерпывается давлением различных групп на систему государственной власти с целью реализации собственных интересов, конкуренцией между группами интересов в рамках борьбы за доступ к ресурсам и контролем над процедурами выработки и принятия решений.

Конкуренция групп интересов, в силу их многочисленности, гетерогенности и неустойчивости, а также стремления частных лиц реализовать собственные интересы за счет доступа к коллективным ресурсам, включает в себя в качестве составных элементов и борьбу за реализацию прав личности, и в то же время — отстаивание консенсусных ценностей и интересов общества в целом, в том числе за счет сохранения исключительного правосубъектного статуса народа.

⁹ Waarden F. Dimensions and types of policy networks // European Journal of Political Research. 1992. №21. Р. 39—40.

¹⁰ Бьюкенен Дж. Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. СПб. : Экономическая школа, 2004. Т. 4. С. 417—434 ; Коулман Дж. Введение социальной структуры в экономический анализ // Экономическая социология. Т. 10. № 3. С. 33—40.

В итоге мы можем рассматривать политический процесс (с точки зрения задачи построения конституционализма) как явление, связанное преимущественно с областью избирательного права, поскольку именно электоральные процедуры позволяют в демократическом обществе реализовать функции политического представительства и участия в борьбе за доступ к различным ресурсам, являются основным форматом приобретения публичной власти легальным путем и наиболее общедоступной формой политического участия (в том числе через представительное правление) для граждан, малых и больших групп интересов. В то же время следует подчеркнуть, что политический процесс неразрывно связан и с использованием различных механизмов прямой демократии. Также важно отметить, что одними из ключевых составляющих политического процесса являются выработка, обеспечение и развитие гарантий соблюдения политических прав граждан.

В соответствии с позицией автора в рамках данной трактовки политического процесса можно выделить шесть основных направлений деятельности.

В их число входят:

- давление на систему государственной власти с целью реализации групповых интересов;
- конкуренция за доступ к ресурсам и контролем над процедурами выработки и принятия решений;
- борьба за сохранение, расширение и реализацию прав и интересов личности;
- отстаивание консенсусных ценностей и интересов общества в целом;
- сохранение исключительного правосубъектного статуса народа;
- гармонизация интересов групп влияния и их интеграция за счет выработки конвенциональных норм взаимодействия и обеспечения их правоприменения.

Каждое из перечисленных направлений связано с определенными формами конституционализации. Например, такому направлению деятельности в рамках политического процесса, как гармонизация интересов групп влияния и их интеграция за счет выработки конвенциональных норм взаимодействия и обеспечения их правоприменения, соответствуют две формы конституционализации: юридификация новых механизмов и процедур согласования интересов и конкретизация элементов отраслевого законодательства в плане усовершенствования механизмов и процедур гармонизации интересов заинтересованных групп и лиц.

Применение цифровых технологий в рамках политического процесса

Уточнив значение понятий «конституционализация» и «политический процесс», а также вскрыв взаимосвязь между ними, обратимся к вопросу о содержании понятия «цифровые технологии». На правовом уровне оно закреплено в ГОСТ Р 33.505-2003. Согласно его положениям, при помощи данного понятия обозначаются технологии, построенные на использовании электронно-вычислительной

аппаратуры с целью записи кодовых импульсов в рамках заданного алгоритма с определенной частотой¹¹.

В целом цифровые технологии, реально используемые в политическом процессе в России либо потенциально пригодные для этого, можно условно разделить на две группы на основании такого критерия, как степень институционализации.

К группе цифровых технологий с высокой степенью институционализации относятся базовые технологии автоматизации политических процедур, такие как система ГАС «Выборы», прочие тесно интегрированные с ней государственные автоматизированные информационные системы и привязанные к ним механизмы (платформы для дистанционного электронного голосования, механизмы для сбора подписей граждан в поддержку выдвижения кандидата посредством портала «Госуслуги», система «Мобильный избиратель» и модули автоматизированного приема и проверки подписных листов).

К группе цифровых технологий с низкой степенью институционализации относятся перспективные технологические решения, для которых на текущий момент фиксируется отсутствие проработанной нормативно-правовой базы регулирования их возможного использования в политическом процессе. В частности, к ним относятся цифровые технологии больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (ИИ), квантовых сетей, систем распределенного реестра (блокчейн), интернета вещей и облачных и туманных вычислений.

Актуальные проблемы конституционализации использования цифровых технологий в политическом процессе

Проблемы использования цифровых технологий в политическом процессе в рамках совершенствования правовых основ выборочных процедур, применения механизмов прямой демократии и в целом организации политического процесса связаны в первую очередь с особенностями такой сравнительно недавно возникшей правовой отрасли, как цифровое право.

Современная правовая система объективно не способна достаточно оперативно реагировать на изменение цифровых технологий в силу аномально высоких темпов их совершенствования. Ситуацию усугубляет то, что соответствующие механизмы действия правовых норм утрачивают эффективность при условии дисфункциональности технических стандартов. Некоторые цифровые технологии, как, например, искусственный интеллект, не могут регулироваться только за счет правовых средств. Следствием этого стала необходимость формирования системы комплексного регулирования, выстроенного на основе учета специфики

¹¹ ГОСТ Р 33.505—2003: Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=otn&n=9052&dst=100049&demo=1> (дата обращения: 30.03.2025).

не только правовых, но и этических и технических аспектов, связанных с разработкой и применением цифровых технологий¹².

Зачастую законодательное регулирование и разработка цифровых технологий в России протекают в отсутствие четкого понимания роли и возможностей конкретных регуляторов. Имеет место фокусирование на заимствовании зарубежного опыта, без учета особенностей национальной системы и технологий правотворческого процесса¹³.

Равным образом правовое регулирование цифровизации политического процесса еще не обеспечено должным образом с точки зрения формирования научно-методической, организационной, идеологической, материально-технической, информационной и образовательной основ. Как результат, отраслевое законодательство развивается преимущественно в части регулирования использования отдельных цифровых технологий (хотя законодатель также уделяет внимание общим вопросам развития отрасли, таким как экспериментальные правовые режимы, вопросы идентификации и аутентификации и т.д.). Значимым недостатком системы регулирования цифровых технологий остаются и относительно низкая степень учета теории и методологии информатики, выстраивание регламентации вне контекста использования технико-юридического метода¹⁴.

О. С. Гринь и Л. А. Рейнгольд выделяют среди актуальных проблем развития цифрового права требование более высокого уровня формализации нормативных правовых актов (что обусловлено внедрением средств автоматизации на всех этапах жизненного цикла), а также необходимость наращивания их алгоритмизации и адаптивности для использования в рамках во все более «самостоятельной» цифровой среды. Также отмечается необходимость создания новых средств разработки, механизмов контроля и оценки эффективности нормативных правовых актов¹⁵.

Как отмечают А. А. Ефремов и А. В. Минбалаев, значительным препятствием для развития цифрового права служит широко распространенный среди российских юристов подход к пониманию специфики регулирования цифровых технологий. Его сущность заключается в признании того, что систему регулирования отношений в рамках разработки, внедрения и применения цифровых технологий следует выстраивать лишь после того, как начнется их использование и фактически проявятся угрозы, защиту от которых должны обеспечить изменение действующего законодательства либо принятие новых норм¹⁶.

¹² Минбалаев А. В. Основные направления трансформации правового регулирования под влиянием цифровых технологий // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт. М., 2021. С. 265—278.

¹³ Минбалаев А. В. Указ. соч.

¹⁴ Минбалаев А. В. Указ. соч.

¹⁵ Гринь О. С., Рейнгольд Л. А., Рейнгольд Е. А., Соловьев А. В. Жизненный цикл правовой деятельности в условиях развития цифровых технологий // Информационные технологии и вычислительные системы. 2020. № 2. С. 10—20.

¹⁶ Минбалаев А. В., Ефремов А. А., Добробаба М. Б., Чубукова С. Г. Методы и подходы к регулированию формирующейся отрасли квантовых коммуникаций в условиях современного информационного общества // Информационное общество. 2024. № 4. С. 112—120.

Значимой проблемой остается и практика калькирования чисто технических норм при переносе терминов из области технического регулирования в собственно правовую область без учета возможности возникновения проблем в рамках дальнейшего правоприменения. Последнее приводит к тому, что значение перенесенных в законодательство терминов постоянно корректируется в связи с высокими темпами обновления информационных технологий и сопутствующим изменением их правового восприятия¹⁷.

Заключение

По мнению автора, аномально высокая скорость процесса развития цифровых технологий диктует необходимость перехода к превентивному регулированию соответствующих отношений, что требует в первую очередь тесного сопряжения правового и технического регулирования на основе использования технико-юридического метода, т.е. экстраполяции технических регуляторных механизмов и норм в новые модели регулирования отношений, возникающих в рамках цифровизации и цифрового перехода. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о механическом переносе технических понятий в нормативно-правовую базу, а об их заимствовании при условии предварительной адаптации к регуляторной среде с учетом специфики правил законодательной техники и особенностей формулирования определения правовых дефиниций¹⁸.

Однако необходимо подчеркнуть, что использование превентивного подхода к регулированию цифровых технологий предполагает повышенные требования к качеству разработки регулятивных моделей и реализации конкретных правовых решений, поскольку наличие значимых юридико-технических ошибок потенциально способно породить крупномасштабные негативные эффекты, дискредитирующие саму идею использования цифровых технологий в рамках политического процесса.

Особенности цифрового права обусловливают необходимость широкого использования специального (субординированного) регулирования. В первую очередь это проявляется посредством активного использования механизма экспериментальных правовых режимов («правовой песочницы»). Его использование дает возможность вводить специальное правовое регулирование по отношению к действующим нормам, включая закрепленные на уровне федеральных законов. Применение данного механизма отчасти противоречит базовым принципам и подходам правовой системы РФ, однако возникновение упомянутых противоречий можно считать неизбежным в силу наличия указанных выше особенностей цифрового права.

В пользу необходимости соответствующих мер говорит, например, опыт правового регулирования квантовых коммуникаций или квантовых сетей. Последние еще не получили четкого определения в рамках российского законодательства. Более того, сам механизм правового регулирования их применения в сфере

¹⁷ Минбайеев А. В., Ефремов А. А., Добробаба М. Б., Чубукова С. Г. Указ. соч.

¹⁸ Минбайеев А. В., Ефремов А. А., Добробаба М. Б., Чубукова С. Г. Указ. соч.

публичной политики в настоящее время лишь разрабатывается. Имеют место лишь попытки его апробации, ориентированные на внедрение технологий в обеспечение политического процесса без избыточных административных процедур (но при условии соблюдения необходимых мер безопасности и контроля со стороны профильных государственных органов). Фактически речь идет именно об использовании экспериментальных правовых режимов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. — М., 2012.
2. Богданова Н. А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения. — М., 1999. — С. 135—138.
3. Бьюкенен Дж. Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. — СПб., 2004. — Т. 4. — С. 417—434.
4. Гринь О. С., Рейнгольд Л. А., Рейнгольд Е. А., Соловьев А. В. Жизненный цикл правовой деятельности в условиях развития цифровых технологий // Информационные технологии и вычислительные системы. — 2020. — № 2. — С. 10—20.
5. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. — М., 1997. — Т. 2 : Зарубежная политическая мысль XX в.
6. Комарова В. В. Конституционные ценности в современной экономике (некоторые аспекты воздействия конституционной реформы 2020 г.) // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : материалы конференций в рамках X Московской юридической недели: XVIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), XXI Ежегодной международной научно-практической конференции юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (МГУ) : в 5 ч. — М., 2021. — Ч. 2. — С. 7—13.
7. Комарова В. В. Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития. — М., 2018.
8. Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина : монография / рук. авт. кол. и отв. ред. В. В. Комарова. — М., 2023.
9. Коулман Дж. Введение социальной структуры в экономический анализ // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10. — № 3. — С. 33—40.
10. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). — М. ; Новосибирск : ЮКЭА, 2002.
11. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. — М. : Норма, 2008.
12. Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. — М. : Норма ; Инфра-М, 2016. — 240 с.

14. Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика. — М., 2005. — С. 53—55.
15. Минбалиев А. В. Основные направления трансформации правового регулирования под влиянием цифровых технологий // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт. — М., 2021. — С. 265—278.
16. Минбалиев А. В., Ефремов А. А., Добробаба М. Б., Чубукова С. Г. Методы и подходы к регулированию формирующейся отрасли квантовых коммуникаций в условиях современного информационного общества // Информационное общество. — 2024. — № 4. — С. 112—120.
17. Патрушев С. В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. — 2009. — № 3. — С. 5—19.
18. Сонина Л. В. Конституционализм в Российской Федерации как политico-правовой режим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2001.
19. Хабриева Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. — 2013. — № 6. — С. 25—30.
20. Almond G. A. Political Development. Essays in Heuristic Theory. — Boston, 1970.
21. Truman D. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. — New York, 1951.
22. Waarden F. Dimensions and types of policy networks // European Journal of Political Research. — 1992. — № 21. — Р. 29—52.

Права человека в конституционном праве

Нравственная основа прав человека в свете поправки в Конституцию России 2020 года

Аннотация. В статье представлены результаты исследования современных тенденций развития научных исследований, конституционно-правового законодательства и правовых позиций Конституционного Суда РФ, которые подготовили правовую базу для включения в Конституцию России в 2020 г. поправки, инициированной Президентом РФ В. В. Путиным. Автор отмечает, что конституционная новелла 2020 года стимулировала повышение эффективности правового регулирования прав и свобод человека, с опорой на нормы нравственности, расширение взаимодействия с институтами гражданского общества. В числе основных современных тенденций развития законодательства автор называет последовательное расширение отношений социальной солидарности, особенно в сфере образования. Отмечается не только существенное восстановление многих национальных традиций в области религиозно-нравственного и правового регулирования прав и свобод человека, но и сближение современного конституционно-правового регулирования в указанной сфере с другими демократическими светскими государствами.

Ключевые слова: поправка в Конституцию, национальные традиции, нормы религии, нравственность, права человека

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.063-069

Алексей Михайлович
ОСАВЕЛЮК,
профессор кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
amosavelyuk@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Alexey M. OSAVELYUK,

Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor

amosavelyuk@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The moral basis of human rights in the light of the 2020 amendment to the Russian constitution

Abstract. The article presents the results of a study of current trends in the development of scientific research, constitutional and legal legislation, and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which prepared the legal basis for the inclusion of the amendment initiated by the President of the Russian Federation V. V. Putin in the Russian Constitution in 2020. The author notes that the constitutional novelty of 2020

has stimulated an increase in the effectiveness of legal regulation of human rights and freedoms, based on moral norms, and expanded interaction with civil society institutions.

Among the main current trends in the development of legislation, the author mentions the consistent expansion of social solidarity relations, especially in the field of education. There is not only a significant restoration of many national traditions in the field of religious, moral, and legal regulation of human rights and freedoms, but also a convergence of modern constitutional and legal regulation in this area with other secular states.

Keywords: constitutional amendment, national traditions, religious norms, morality, human rights

В современном мире подавляющее большинство существующих концепций прав и свобод человека и гражданина сходятся в одном — в секулярном подходе к их регулированию¹, который не только не отражает все многообразие различных национальных, исторических и других особенностей прав человека в современных государствах, но и искажает саму суть правового регулирования, разрушает национальные особенности и традиции в обеспечении правового статуса человека. Например, Д. И. Луковская считает, что «многообразие культур не исключает, а предполагает универсальность прав человека как общечеловеческой ценности»². В качестве примера такой общечеловеческой ценности некоторые авторы нередко приводят как аргумент положения ст. 2 Конституции РФ.

Противники подобной универсализации утверждают, что она есть не что иное, как «плохо скрываемое стремление под флагом защиты универсальных прав человека обеспечить возможность “на законных основаниях” не только в принудительном порядке насаждать содержащиеся в них сугубо прозападные — либеральные и неолиберальные представления о правах»³.

Принципиальное значение для прекращения подобного рода споров по вопросам повышения качества регулирования прав и свобод человека в Российской Федерации имеет поправка, включенная по инициативе Президента России В. В. Путина в Конституцию России в 2020 г. Особую ценность для достижения цели в правовом регулировании по рассматриваемому вопросу представляют новые статьи 67.1 и 75.1, включенные в Основной закон, которые, в отличие от

¹ См., например: Балаян Э. Ю., Сычев С. С. Международно-правовые принципы защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях глобализации // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 18—21 ; Луковская Д. И. Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права. 2007. № 12. С. 32—36.

² Луковская Д. И. Указ. соч. С. 32.

³ См., например: Рогожин С. Права человека, или идеологическая манипуляция Запада в России // Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 35 ; Величко А. М. Нравственные и национальные основы права. СПб., 2002. С. 64 ; Trundle R. Has Global Ethnic Conflict Superseded Cold War Ideology? // Studies in Conflict and Terrorism. 1996. № 1. Р. 93—105.

идеи универсализации, возвращают наше общество и государство к тысячелетней истории и традициям наших предков.

В частности, ст. 67.1 Конституции РФ прямо устанавливает приверженность Российской Федерации сохранению памяти тысячелетней истории предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственности исторически сложившегося государственного единства и развития Российского государства⁴.

Статья 75.1 Конституции развивает указанную конституционную новеллу, провозглашая создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества посредством сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства и социальной солидарности.

Следует признать, что до включения в 2020 г. в Конституцию указанных статей в ней были нормы, связанные с моралью (ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 19, ст. 28, ч. 2 ст. 29, ч. 3 ст. 50, ст. 51, ч. 3 ст. 55), не совсем отвергались и отношения с религией. Но дело в том, и об этом наглядно свидетельствует тысячелетняя история нашего государства, что нравственность без религии — путешествие в тумане без надежного проводника и компаса. А секулярное право, отделившееся от нравственности и религии, многократно усугубляет проблему. Об этом свидетельствуют не только многочисленные факты из истории нашего государства, но и предупреждения многих известных наших соотечественников⁵.

Например, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) предупреждал, что «придавать формальному праву самодовлеющее значение — гибельная ошибка! Еще хуже, когда говорят, что право должно фиксировать существующее положение вещей, “естественные” человеческие запросы. Таким образом, подспудно признается законность, легальность страстей, греховных язв, равно гибельных для духовного здоровья личности и основ государственной безопасности. “Настроив” правовую систему определенным образом, можно... развалить изначально прочную страну, растлить здравый и нравственный народ»⁶.

Он же предупреждал и об опасности чрезмерного упования современного общества на так называемые светские права человека: «Благородная, на первый взгляд, идея абсолютизации “прав” питает гордыню, высокоумие и тщеславие, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном

⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // С3 РФ. 2014. № 31. Ст. 4398 ; 2020. № 11. Ст. 1416.

⁵ См.: Величко А. М. Указ. соч. С. 64 ; Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М. : СГУ, 2008. С. 407 ; Осавелюк А. М. Идеалы и вера в Бога, переданные нам предками, в содержании новой редакции Конституции Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1 (19). С. 11—25 ; Селюков Ф. Т. Происхождение действующего права. М., 1997. С. 34, 132—133.

⁶ Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония. СПб. : Царское дело, 2001. С. 344—345.

счете, к сословной и классовой вражде, к войне “всех против всех”, по живому рассекающей народное тело»⁷.

В связи с указанным возникает закономерный вопрос: к каким российским традициям и к каким ценностям следует возвращаться? К дореволюционным? Насколько? Ко всем ли дореволюционным ценностям стоит возвращаться? К советскому коллективизму и моральному кодексу строителя коммунизма?

Да, в дореволюционное время были сильны религиозность и высокие нравственные устои подавляющего большинства подданных, сильно было также влияние Церкви. Но сама Церковь в синодальный период (с 1721 по 1917 г.) испытывала (если мягко сказать) сильное давление государства. Вместе с тем Русскую православную церковь не радует и современное состояние прав человека и нравственности: «В современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Его сотрудничество с Церковью ограничено рядом областей и основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга...»⁸.

Смеем предположить, что правильный ответ дан совместными усилиями — соборно и в русле новой ст. 75.1 Конституции, предвосхищая ее включение в Конституцию. Прежде всего крупнейшие религиозные объединения страны активно занимались и занимаются выработкой соответствующей позиции по регулированию прав и свобод, организуют и развиваются не только межрелигиозный диалог, но и взаимодействие с другими институтами гражданского общества и государства, что дает определенные результаты.

Только находясь в постоянном контакте с лидерами других религий, будучи с ними не только в диалоге, но в полномасштабном сотрудничестве, Русская православная церковь способствует сохранению и развитию преемственности тысячелетней российской государственности. В частности, еще в 2008 г. Церковь официально провозгласила: «Права человека не должны противоречить любви к Отечеству и к согражданам. Творец вложил в человеческую природу необходимость общения и единения людей, о чем Он сказал: “Нехорошо быть человеку одному” (Быт. 2:18). Любовь к своей семье и другим близким людям не может не распространяться на народ и страну, в которой человек живет...»⁹.

Помимо религиозных объединений, значительный вклад в подготовку почвы для включения в Конституцию поправки в 2020 г., а также правильного ответа на вопрос о том, каким национальным традициям следовать, внесли многие другие общественные организации, а также многие ученые. Помимо упомянутых выше позиций известных ученых, приведем еще одну: «Свобода без нравственности, без ее социализированной одухотворенности вряд ли может рассматриваться как абсолютная, конституционного масштаба, тем более высшая ценность. Свобода на растление, порнографию, мордобой и убийство, в том числе зарождающейся

⁷ Митрополит Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 344.

⁸ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Приняты Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года. С. 6—7 // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/>.

⁹ Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека от 2 июля 2008 г., (разд. III.2, III.3) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/>.

в материнском чреве человеческой личности, трудно признать за высшую ценность»¹⁰.

Значительный вклад в развитие национальных традиций внесли законодатели и правоприменители, и в первую очередь Конституционный Суд Российской Федерации. С начала 2010-х гг. в российском законодательстве и правоприменении произошли существенные изменения¹¹. Все больше и чаще в отечественном законодательстве стали появляться нормы, нацеленные на учет национальных традиций, нравственности, преемственности опыта тысячелетней российской государственности.

Например, положениями ч. 2 ст. 87 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹² частично были ослаблиены атеистические положения ст. 28 Конституции РФ, устанавливающие право каждого, включая и несовершеннолетних детей, «свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения»¹³. Указанная статья Закона не только уточняет порядок выбора религии и ознакомления с ее основами детей, но и устанавливает право родителей и лиц, их замещающих, на активное участие в данном процессе: «Выбор одного из учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), включенных в основные общеобразовательные программы, осуществляется родителями (законными представителями) обучающихся»¹⁴.

Сказанное выше в полной мере касается и Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях», поскольку в его ст. 5 в 2013 и в 2015 гг. были включены положения, которые непосредственно касаются религиозного образования в Российской Федерации.

Следовательно, конституционная поправка появились в 2020 г. не спонтанно, и не на пустом месте, а была подготовлена изменениями отраслевого законодательства, правоприменительной практикой, а также совместными усилиями известных философов, теоретиков права, ученых-конституционалистов, активной и плодотворной деятельностью институтов гражданского общества, включая в первую очередь религиозные организации, а также изменениями законодательства, произведенными в 2000-е гг.

Таким образом, за несколько лет до формального включения в Конституцию РФ ч. 2 ст. 67.1 в отечественном законодательстве появилась норма, дающая право заинтересованным лицам — родителям и законным представителям обучающихся — участвовать в приобщении своих детей к религии и получать соответствующие знания в данной сфере.

¹⁰ Якунин В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценостный подход // Государство и право. 2007. № 5. С. 7.

¹¹ В частности, за время своей деятельности Конституционный Суд РФ вынес 21 постановление и 66 определений, которые затрагивают те или иные аспекты вопросов свободы вероисповедания // URL: <https://www.ksrf.ru/decision/extpos/documents/право%20на%20свободу%20вероисповедания.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

¹² С3 РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

¹³ С3 РФ. 2014. № 31. Ст. 4398 ; 2020. № 11. Ст. 1416.

¹⁴ С3 РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

Более того, предоставлением права централизованным религиозным организациям проводить профессиональную экспертизу соответствующих учебных дисциплин и участвовать в подборе преподавателей указанных учебных дисциплин законодатель создал правовую основу для гармоничного сотрудничества и взаимодействия родителей и законных представителей обучающихся, специалистов в вопросах религии и образовательных организаций, с тем чтобы совместными усилиями воспитывать у подрастающего поколения религиозно-нравственные ценности.

Указанная законодательная новелла не только способствует всесторонней консолидации общества (по возрастному критерию — родителей и детей; по роду занятий — родителей с образовательными организациями и религиозными объединениями; по социальной сфере — граждан с институтами гражданского общества и органами публичной власти), но и своеобразно предвосхитило включение в Конституцию в 2020 г. статей 67.1 и 75.1.

Следовательно, поправка в Конституцию России, предложенная Президентом РФ В. В. Путиным и принятая на всенародном голосовании в 2020 г., не только обобщила накопленный за почти 30-летний период действия Конституции и отраслевого правового регулирования и правоприменения в данной сфере, «сочединив» его с древними накопленными традициями и практикой, но и подняла его на более высокий — конституционный уровень.

Помимо федерального законодательства, в развитие конституционных изменений 2020 года включились другие органы государственной власти. Например, 2 июля 2021 г. Президентом РФ был издан Указ № 400, утвердивший Стратегию национальной безопасности Российской Федерации¹⁵. Стратегией не только проанализированы в качестве национальных интересов и стратегических национальных приоритетов традиционные российские духовно-нравственные ценности, защита культуры и исторической памяти, но и намечен долговременный комплекс мер по конкретизации и развитию новых положений, включенных в Конституцию Российской Федерации.

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹⁶ конкретизировал положения Стратегии национальной безопасности, где впервые подробно была затронута тема защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Важно отметить еще один аспект конституционных новелл 2020 г. и развивающегося их законодательства в вопросах укрепления нравственности и национальных традиций. Прежде всего были восстановлены иерархическая система и взаимодействие национальных (традиционных) социальных регуляторов: религия — нравственность — право, которая существенно расширила диапазон социального регулирования посредством подключения к упорядочению отношений в указанной сфере корпоративных источников различных общественных объединений, содержащих нормы нравственности.

¹⁵ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

¹⁶ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

Хотя ни поправка в Конституцию 2020 года, ни последующие изменения в отраслевом законодательстве (в отличие от других светских государств¹⁷) никак не обозначили нациеобразующую (традиционную, исключительную, играющую особую роль и т.д.) религиозную организацию, дифференциация религиозных объединений Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» на религиозные организации (местные и централизованные), религиозные группы, представительства иностранной религиозной организации и др. (ст. 7, 8, 13), как нам представляется, сделала шаг в этом направлении, а также в восстановлении одной из важнейших национальных религиозно-нравственных отечественных традиций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балаян Э. Ю., Сычев С. С. Международно-правовые принципы защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях глобализации // Российская юстиция. — 2019. — № 11. — С. 18—21.
2. Величко А. М. Нравственные и национальные основы права. — СПб., 2002. — 156 с.
3. Луковская Д. И. Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права. — 2007. — № 12. — С. 32—36.
4. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. — М. : СГУ, 2008. — 550 с.
5. Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония. — СПб. : Царское дело, 2001. — 493 с.
6. Осавелюк А. М. Идеалы и вера в Бога, переданные нам предками, в содержании новой редакции Конституции Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. — 2021. — № 1 (19). — С. 11—25.
7. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека от 2 июля 2008 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/>.
8. Рогожин С. Права человека, или Идеологическая манипуляция Запада в России // Московский журнал международного права. — 2001. — № 1. — С. 35—41.
9. Селюков Ф. Т. Происхождение действующего права. — М., 1997.
10. Якунин В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценостный подход // Государство и право. — 2007. — № 5. — С. 3—12.
11. Trundle R. Has Global Ethnic Conflict Superseded Cold War Ideology? // Studies in Conflict and Terrorism. — 1996. — № 1. — Р. 93—105.

¹⁷ См., например, ст. 18 Конституции Республики Армения, ст. 8 Конституции Республики Грузия, ст. 5 Закона Литовской Республики «О религиозных общинах и сообществах».

Галина Дмитриевна САДОВНИКОВА,
профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
gdsadovnikova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Конституционная поправка 2020 года и развитие правовой основы экономических, социальных, экологических прав граждан¹

Аннотация. В статье на основе анализа общих положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» выделяются нравственно-ценостные начала, определяющие вектор развития правовой основы социальных, экономических, экологических прав граждан. Разбор содержания отдельных статей Закона, новых конституционных терминов позволяет сделать вывод о новом качестве правовой основы указанных групп прав человека, что дает мощный импульс развитию законодательства, усиливает гуманистические начала в правоприменении. Особое внимание уделяется институту социальной солидарности, впервые нашедшему отражение в тексте Конституции, и его влиянию на содержание законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: Конституция, правовая основа, развитие, конституционная поправка, влияние, социальные права, экономические права, экологические права, гарантии, ценности

DOI: [10.17803/2311-5998.2025.133.9.070-077](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.133.9.070-077)

Galina D. SADOVNIKOVA,

*Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Dr. Sci. (Law), Professor

gdsadovnikova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The 2020 constitutional amendment and the development of the legal framework for economic, social, and environmental rights of citizens

Abstract. Based on the analysis of the general provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020, No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues Related to the Organization and Functioning of Public Power," the article highlights the moral and value principles that determine the direction of development of the legal framework for social, economic,

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

and environmental rights of citizens. By examining the content of individual articles of the Law and the new constitutional terms, the article concludes that the legal framework for these groups of human rights has undergone significant changes, which provides a powerful impetus for the development of legislation and enhances the humanistic principles in law enforcement. Special attention is paid to the institution of social solidarity, which was reflected in the Constitution for the first time, and its impact on the content of legislation and law enforcement.

Keywords: Constitution, legal framework, development, constitutional amendment, influence, social rights, economic rights, environmental rights, guarantees, values

Сложно назвать сферу общественных отношений, которую не затронула бы конституционная поправка 2020 года² (далее — Поправка 2020) — от морально-ценостных до публично-властных. Невозможно определить наиболее значимые для человека, общества, государства элементы Поправки: в своей совокупности они дают мощный толчок развитию традиционных для российского менталитета морально-нравственных ценностей и соответствующей им правовой основы социальной, экономической, политической и духовно-культурной сфер общественной жизни. Это, безусловно, оказывает определяющее влияние на законодательное регулирование и практическую реализацию прав и свобод человека и гражданина.

Экономические и социальные права являются насущными для каждого, поскольку их реализация связана с удовлетворением материальных, физиологических и социальных потребностей. В качестве отдельной группы дифференцированы экологические права, учитывая особую актуальность обеспечения здоровой и безопасной окружающей среды как условия выживания человечества.

Влияние Поправки 2020 на развитие правовой основы экономических прав состоит не только в конкретных установлениях. Очевидно, что такое влияние является системным и фундаментальным. Например, норма новой статьи 67.1 об исторически сложившемся государственном единстве подкрепляет основу конституционного строя о едином экономическом пространстве. На экономическую и социальную политику государства, содержание законов и правоприменительную практику безусловное влияние оказывают нормы о приоритете детей, о том, что государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. В среднесрочной и долгосрочной перспективе позитивное влияние на экономическое развитие страны не может не оказать новое конституционное положение о создании государством условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, т.е. поколения, которое будет создавать экономику будущего.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

В соответствии с ч. 4 ст. 68 Конституции культура как уникальное наследие многонационального народа России поддерживается и охраняется государством. Это означает, что речь идет в том числе и об экономической культуре. Влияние экономической культуры, включающей в себя систему ценностей и мотивов, экономические действия, знания и оценки, традиции и правила, регулирующие экономические отношения, на экономическую политику государства, а значит — на экономические права, очевидно.

Согласно новой статье 75.1 Конституции государство фактически берет на себя обязанность по созданию условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества. В этой же статье провозглашаются гарантии и защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Таким образом, конституционно-правовой фундамент для развития экономических и социальных прав становится более мощным и приобретает новые, более конкретные очертания.

Реализация экономических прав обеспечивает материальную основу прав социальных, включая экологические. Социальные права, признанные в мире и закрепленные в конституциях европейских стран гораздо позже, чем права политические и личные, оправданно занимают в Конституции РФ значительное место: они направлены на утверждение в обществе гуманистических начал, социальной справедливости и социальной солидарности. Основа для правового регулирования и реализации социальных прав заложена в неизменяемой ст. 7 Конституции о социальном государстве как одной из основ конституционного строя. «Социальная функция государства, — справедливо отмечает И. А. Алебастрова, — направлена на то, чтобы смягчить и даже предотвратить многие социальные противоречия, способствуя снижению социальной напряженности и повышению стабильности и общественной солидарности»³.

Общей направляющей нормой Поправки 2020, определяющей главный вектор социальной политики и содержание законодательства в данной сфере, следует считать впервые ставшее конституционным положение о социальной солидарности. Термин «солидарность» встречается в Конституции дважды: в ст. 75 говорится о солидарности поколений как о принципе формирования системы пенсионного обеспечения граждан; согласно новой, внесенной в результате принятия Поправки 2020 ст. 75.1 государство фактически берет на себя обязательство по созданию условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, а также обеспечению экономической, политической и социальной солидарности.

На необходимость возведения на конституционный уровень идеи социальной солидарности, давно витавшей в воздухе, указывала Т. Я. Хабриева еще в 2009 г.⁴ Б. С. Эбзеев в 2013 г. называл социальную солидарность позитивным

³ Алебастрова И. А. Социальное государство: белые одежды голого короля или платье для Золушки? // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 20. С. 3.

⁴ Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 35—36.

основанием государственности России⁵. И. А. Алебастроva в 2017 г писала: «Случай использования терминов “солидарность” и “социальная солидарность” в нормативных актах и судебной практике в настоящее время остаются все же относительно редкими. В частности, российское законодательство и судебная практика его почти не используют. Данный пробел требует восполнения, что в сочетании с базовыми конституционными ценностями свободы личности и ограниченного правления было бы чрезвычайно полезным»⁶.

Конституционное закрепление социальной солидарности придает новое качество нормам ст. 7 Конституции о социальном государстве как основе конституционного строя, ст. 37—43 о социальных правах, к которым относят права в сфере труда и отдыха, защиту материнства и детства, социальное обеспечение, право на жилище, на охрану здоровья и медицинскую помощь, группу экологических прав, а также право на образование, часто относимое также и к культурным правам. Социальные права можно в определенной степени рассматривать как необходимые условия жизни и даже выживания людей как членов социума, показателем гуманизма и социальной справедливости.

Развитие фундаментальной конституционной основы социальных прав выражено также в ст. 114 Конституции, закрепляющей полномочия Правительства России. Так, дополнение п. «в» об обеспечении единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения словами «социально ориентированной» означает установление нового общего критерия допустимости нормативных правовых актов исполнительной власти, придает такой политике новое качество — все решения в перечисленных сферах должны быть социально ориентированными. Дополнения данного пункта выразились также в расширении сфер обеспечения единой социально ориентированной государственной политики: теперь она должна осуществляться и в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, охраны окружающей среды.

Разумеется, Правительство РФ и до внесения в Конституцию Поправки 2020 занималось всеми обозначенными вопросами. Но введение их в ранг конституционных положений — это уже новый, более высокий уровень правового закрепления, что, во-первых, придает этим нормам стабильность, во-вторых, обязывает возложить конкретизированные в Конституции полномочия на подведомственные структуры исполнительной власти, контролировать их исполнение, и, наконец, это более высокий уровень ответственности Правительства за выполнение конституционной компетенции.

Группа экологических прав, формализованная на самом высоком уровне правового закрепления — в Конституции РФ, занимает особое место среди основных социальных прав, подлежащих конкретизации, и прежде всего в природоохранном и природоресурсном законодательстве, а также в других отраслях права (уголовном, административном, гражданском). Наиболее общим, фундаментальным в

⁵ Эбзеев Б. С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 14.

⁶ Алебастроva И. А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 26.

этой группе является право на благоприятную окружающую среду. Как отмечает М. И. Васильева, системообразующую роль выполняет конституционная норма, закрепляющая «триединое право на благоприятную окружающую среду, в котором права на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, могут реализоваться как самостоятельные юридические возможности и одновременно относятся к содержательной стороне права на благоприятную окружающую среду»⁷.

Разумеется, не только это «триединое право» составляет юридическую основу экологических прав граждан. К таковым можно отнести, например, закрепленные в законодательстве права граждан на экологическую безопасность; на участие в принятии решений, касающихся реализации прав на благоприятную окружающую среду; на общественный контроль в природоохранной сфере. Для реализации права на благоприятную окружающую среду активно используются другие конституционные права: на создание общественных объединений с соответствующими целями, на обращение в органы публичной власти по поводу экологических правонарушений или для их предотвращения, на судебную защиту.

В то же время современные ученые отмечают некоторую декларативность термина «благоприятная окружающая среда» в связи с отсутствием в законодательстве критериев «благоприятности»⁸.

Разумеется, все общие положения Поправки 2020, провозглашающие духовно-нравственные основы государственной политики во всех сферах общественной жизни, относятся и к сфере экологической, оказывая определяющее влияние на развитие правовой основы экологических прав. Так, внесенная в результате принятия Поправки норма ч. 4 ст. 68 — «Культура поддерживается и охраняется государством» в равной степени относится и к экологической культуре. Современные ученые рассматривают экологическую культуру как средство предупреждения и устранения современных глобальных экологических вызовов⁹, как характеристику взаимодействия общества и природы¹⁰, как фактор устойчивого развития общества¹¹. В любом случае от сложившегося в обществе уровня экологической

⁷ Васильева М. И. Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности // Экологическое право. 2005. № 1. С. 20.

⁸ Бринчук М. М. Благоприятная окружающая среда — важнейшая категория права // Журнал российского права. 2008. № 9 (141). С. 51 ; Краснова И. О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и экологическое право // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 165—175 ; Редникова Т. В. Право каждого на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации сквозь призму экологических конфликтов // Экологическое право. 2025. № 2. С. 30.

⁹ Захаров А. В. Формирование экологической культуры как средство предупреждения и устранения современных глобальных экологических вызовов человечеству // Право и образование. 2010. № 3. С. 86.

¹⁰ Мангасарян В. Н. Экологическая культура общества. СПб. : Балт. гос. техн. ун-т, 2009. С. 48.

¹¹ Алихаджиева А. С. Экологическая культура как фактор устойчивого развития общества // Права человека в международном и национальном праве : сб. науч. ст., посвященный

культуры во многом зависит уровень гарантий экологических прав, а экологическая культура законодателей и правоприменителей напрямую влияет на качество законов в данной сфере и их практическое применения.

Поправка 2020 добавила к п. «е» ст. 114 о полномочиях Правительства шесть подпунктов, в том числе пп. «е.5», конкретизирующий полномочия в природоохранной сфере и возлагающий на Правительство осуществление мер, направленных на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным, а также пп. «е.6», обязывающий Правительство к созданию условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.

В юридической литературе высказываются оптимистические ожидания от расширения круга конституционных полномочий Правительства в природоохранной сфере: «Крайне важно для полноценной реализации нового конституционного полномочия Правительства Российской Федерации наконец отказаться от декларативности, разработать и утвердить концепцию конкретных организационно-правовых мер по развитию экологического образования, воспитанию экологической культуры и на ее основе четко конкретизировать в законодательных и подзаконных актах, в чем именно будет заключаться создание условий для развития системы экологического образования, воспитания экологической культуры»¹².

В Поправке 2020 не могли не отразиться новая цифровая реальность и достижения научно-технического прогресса, включая искусственный интеллект. В конституционную компетенцию Правительства теперь входят обеспечение государственной поддержки научно-технологического развития России, сохранение и развитие ее научного потенциала (п. «в.1» ст. 114 Конституции). Разумное использование достижений научной мысли на благо человеку способно возвести на новый уровень гарантии прав и свобод. Так, автоматизация и роботизация производственных процессов, управление большими данными (Big Data), применение искусственного интеллекта могут способствовать развитию экономики, а значит — развитию материальных гарантий прав человека, включая социальные, экологические и др.

Соответственно, на Правительство возлагается и ответственность за преодоление негативных последствий четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0): противодействие использованию искусственного интеллекта вопреки публичным интересам, преодоление цифрового неравенства, недопущение массовой безработицы в результате инновационного переоснащения предприятий, отрицательного влияния на окружающую среду бурно развивающейся производственно-хозяйственной деятельности. На ученых-юристов, в связи с этим возлагаются важные и не терпящие отлагательства задачи обеспечения достаточной

10-летию кафедры международного права и прав человека Юридического института МГПУ. М. : Права человека, 2015. С. 233.

¹² Власенко В. Н. О перспективах реализации конституционного полномочия Правительства РФ по созданию условий для развития системы экологического образования и воспитания экологической культуры // Экологическое право. 2021. № 1. С. 26.

правовой основы применения инновационных технологий, включая искусственный интеллект. Например, предметом научных дискуссий является вопрос об определении субъектов и видов ответственности за вред, нанесенный при использовании искусственного интеллекта. Открытым остается вопрос об ответственности за управленческие решения, принятые с участием искусственного интеллекта.

В результате принятия Поправки 2020 конституционно-правовая основа социальных, экономических, экологических прав граждан получила мощное развитие, которое находит свое продолжение в решениях Конституционного Суда РФ, реформировании законодательства, принятии новых социально ориентированных актов Президента РФ и Правительства РФ.

Совокупность правовых позиций Суда, выраженных после принятия Поправки, показывает, что вновь принятые положения способствуют обеспечению социальной солидарности и обязывают органы публичной власти поддерживать социально незащищенных граждан¹³.

Положения Поправки оказывают определяющее влияние на развитие законодательства и находят выражение в новых правовых позициях Конституционного Суда РФ, принятии новых и реформировании действующих законов (в преамбулах, принципах, как правило, подчеркивается традиционно-ценностный элемент, целый ряд вновь принятых законов конкретизирует положения Поправки о социальных гарантиях, о развитии научного потенциала, об охране окружающей среды, др.), а также в утвержденных Президентом РФ программах, стратегиях, актах Правительства РФ и иных органов исполнительной власти, других документах, определяющих национальные цели, основы государственной политики, перспективные направления развития страны¹⁴.

¹³ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020—2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // URL: <https://www.ksrf.ru/about/maintenance/documents/report%202023.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

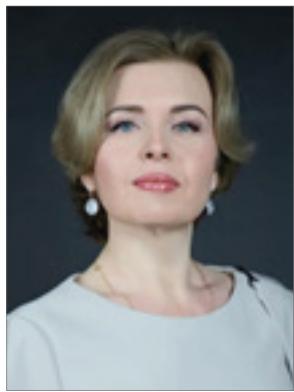
¹⁴ См., например: Федеральные законы от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124 ; от 02.07.2021 № 297-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О самоходных машинах и других видах техники» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5125 ; от 14.07.2022 № 236-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. I). Ст. 5203 ; от 04.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023 № 23 (ч. I). Ст. 6210. ; от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533 ; от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4643 ; от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.08.2025) ; Указ Президента от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584 ; Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809

Охват нормами Конституции ранее не подлежащих конституционному регулированию отношений дает импульс развитию законодательства и подтверждает сложившуюся тенденцию конституционализации российской правовой системы. Положения Поправки 2020 не только отражают приоритеты государственной политики, но и обязывают органы публичной власти к тому, чтобы все их решения основывались на конституционных ценностях и приоритетах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алебастрова И. А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2017. — 42 с.
2. Алебастрова И. А. Социальное государство: белые одежды голого короля или платье для Золушки? // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 20. — С. 2—11.
3. Алихаджиева А. С. Экологическая культура как фактор устойчивого развития общества // Права человека в международном и национальном праве : сб. науч. ст., посвященный 10-летию кафедры международного права и прав человека Юридического института МГПУ. — М. : Права человека, 2015. — 278 с.
4. Бринчук М. М. Благоприятная окружающая среда — важнейшая категория права // Журнал российского права. — 2008. — № 9 (141). — С. 37—52.
5. Васильева М. И. Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности // Экологическое право. — 2005. — № 1. — С. 19—23.
6. Власенко В. Н. О перспективах реализации конституционного полномочия Правительства Российской Федерации по созданию условий для развития системы экологического образования и воспитания экологической культуры // Экологическое право. — 2021. — № 1. — С. 23—27.
7. Захаров А. В. Формирование экологической культуры как средство предупреждения и устранения современных глобальных экологических вызовов человечеству // Право и образование. — 2010. — № 3. — С. 84—88.
8. Краснова И. О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и экологическое право // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 8. — С. 165—175.
9. Мангасарян В. Н. Экологическая культура общества. — СПб. : Балт. гос. техн. ун-т, 2009. — 112 с.
10. Редникова Т. В. Право каждого на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации сквозь призму экологических конфликтов // Экологическое право. — 2025. — № 2. — С. 29—33.
11. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. — 2009. — № 2. — С. 34—38.
12. Эбзеев Б. С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 11. — С. 14—23.

«Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // С3 РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

Динамика правового содержания принципов российского гражданства и влияние на нее конституционных новелл 2020 года

Наталья Евгеньевна ТАЕВА,
профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук tayeva@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Аннотация. Целью статьи является анализ юридического содержания конституционных принципов гражданства — единого и равного гражданства, а также принципа запрета лишения гражданства. Анализ базовых принципов гражданства проводится с учетом конституционных новелл 2020 года. В статье показана эволюция юридического содержания принципов гражданства с охватом советского периода и до настоящего времени. Автор приходит к выводу, что, оставаясь неизменными текстуально, содержательно принципы гражданства существенно трансформировались в конкретизирующем конституцию законодательстве о гражданстве. Сделан вывод, что принцип запрета лишения гражданства претерпел наибольшие трансформации и, по мнению автора, существует на сегодняшний день лишь номинально. Утверждается политico-социальный контекст всех изменений, затронувших содержание конституционных принципов гражданства. Такие изменения оцениваются в позитивном аспекте как способствующие обеспечению безопасности государства и общества.

Ключевые слова: конституция, гражданство, лишение гражданства, равное гражданство, единое гражданство, нормы, национальная безопасность, право, принципы гражданства

DOI: [10.17803/2311-5998.2025.133.9.078-087](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.133.9.078-087)

Natalya E. TAEVA,

Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law)

tayeva@mail.ru

9, ul. Sadowaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The dynamics of the legal content of the principles of russian citizenship and the impact of the 2020 Constitutional Amendments on It

Abstract. The purpose of the article is to analyze the legal content of the basic constitutional principles of citizenship — single and equal citizenship, as well as the principle of prohibition of deprivation of citizenship. The analysis of the basic principles of citizenship is carried out taking into account the constitutional amendments of 2020. The article shows the evolution of the legal content of the principles of citizenship from the Soviet period to the present. The author comes to the conclusion that, while remaining unchanged

textually, the content of these principles has undergone a significant transformation in the legislation on citizenship specifying the constitution. It is concluded that the principle of prohibition of deprivation of citizenship has undergone the greatest transformations and, according to the author, exists today only nominally. The political and social context of all the changes affecting the content of the constitutional principles of citizenship is confirmed. At the same time, such changes are assessed in a positive aspect as contributing to ensuring the security of the state and society.

Keywords: constitution, citizenship, deprivation of citizenship, equal citizenship, single citizenship, norms, national security, law, principles of citizenship

Гражданство как конституционно-правовой институт является основой взаимоотношений публичной власти и населения, призвано объединить усилия власти и общества для решения общегосударственных задач. Юридическое содержание данного института предопределяют руководящие идеи, или принципы гражданства. Они призваны сформировать общие исходные начала правового регулирования всех отношений в сфере гражданства.

Принципы гражданства являются и тем важнейшим фактором, который обеспечивает сохранение российской идентичности. В их содержании должна проявляться стоящая перед государством задача «формирования относительно устойчивого сообщества, объединенного в рамках общей территории общим историческим прошлым, некой общей совокупностью основных культурных достижений и общей осознанностью принадлежности себя к единому многонациональному сообществу во всех проявлениях этнической самобытности составляющих его народов России»¹.

Являясь базовыми началами и обладая особой стабильностью, принципы гражданства тем не менее требуют их постоянной адаптации в меняющемся политическом и социальном контексте. Интересы государства, направленность государственной политики четко проявляются сквозь призму принципов гражданства. В частности, такие принципы, как экстерриториальность, запрет экстрадиции и экспатриации российских граждан, признание многогражданства и двойного гражданства демонстрируют конкретную политическую позицию Российского государства, в том числе и на международной арене.

Систематическое изучение принципов гражданства начинается в нашей стране с 60-х гг. XX в.² Первой попыткой комплексно охарактеризовать принципы гражданства стала работа И. П. Ильинского и Б. В. Щетинина, изданная в 1964 г.³ В ней авторы не просто дали содержательную характеристику основных принципов гражданства, но и классифицировали их на политические и юридические.

¹ Васильева Л. Н. Российская идентичность: правовые условия формирования // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 18.

² Изотова Е. Н. Анализ принципов гражданства в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2012. № 7. С. 69—72.

³ Ильинский И. П., Щетинин Б. В. Государственное право стран народной демократии. М., 1964. С. 187—189.

Впоследствии принципы гражданства исследовались в трудах О. Е. Кутафина, С. А. Авакьяна, Ж. И. Овсепян и других ученых⁴.

Система базовых начал российского гражданства закреплена в ст. 6 Конституции РФ, что делает юридически возможным их изменение только путем пересмотра Основного закона. К ним относятся принципы единого и равного гражданства, а также запрет лишения гражданства. Конституционные поправки 2020 г. на первый взгляд не внесли в их содержание существенных изменений. Однако, при более детальном анализе конституционных новелл и с учетом конкретизирующего Конституцию РФ законодательства становится очевидным преобразование как сущности российского гражданства, так и его основных базовых начал (принципов гражданства).

Принципы гражданства были закреплены во всех принимавшихся законах о гражданстве Российской Федерации — 1991, 2002 и 2023 гг. Причем все они текстуально содержали практически одинаковые формулировки (Закон 1991 г. не закреплял специально запрет лишения гражданства). Между тем содержание этих принципов от закона к закону постепенно трансформируется. Каждый вновь принятый закон о гражданстве учитывал реалии своего времени⁵. Е. А. Дрогавцева справедливо отмечает, что принципы гражданства не являются статичными, они обладают признаками «расширяющегося процесса», что обусловлено многообразием событий, происходящих в государстве на каждом из этапов его исторического развития⁶.

Закон 1991 г.⁷ принимался в условиях распада СССР и образования на его территории независимых государств. Закон 2002 г.⁸ был призван стабилизировать миграционные отношения, создавал своеобразный механизм самосохранения государства. Новый этап представлен законом 2023 г.⁹ и максимально отражает направленность законодателя на сохранение российской гражданской идентичности.

⁴ Кутафин О. Е. Российское гражданство. М. : Юристъ, 2004 ; Авакян С. А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003 ; Овсепян Ж. И. Гражданство в России (общетеоретическое, историческое и конституционноправовое исследование) : монография. Ростов н/Д : Издательство ЮФУ, 2010.

⁵ Таева Н. Е. Реализация направлений миграционной политики в законодательстве о гражданстве Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 57—58.

⁶ Дрогавцева Е. А. Трансформация содержания конституционных принципов гражданства в законодательной деятельности парламента: пределы допустимости и проблемы совершенствования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 15.

⁷ Закон РФ от 28.11.1991 № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 30.

⁸ Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

⁹ Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

Развитие принципа единого гражданства было направлено на сохранение целостности и единства государства, что приобретало особое значение в России как государстве федеративном. Первый Закон о гражданстве суверенного Российского государства 1991 г. закреплял двухуровневую систему гражданства, допуская гражданство республик в составе Российской Федерации. Гражданин республики (субъекта Федерации) являлся одновременно и гражданином Российской Федерации (ст. 1 Закона 1991 г.). Очевидно, что подобное правовое регулирование явилось данью времени и должно толковаться лишь с исторических позиций, поскольку сепаратистские тенденции начала 90-х гг. ХХ в. требовали определенных уступок со стороны государства. Кроме того, такой ракурс конституционного регулирования являлся «промульгацией» советского подхода к пониманию принципа единого гражданства, при котором, начиная с подписания Договора об образовании СССР¹⁰, одновременно признавалось наличие союзного гражданства и гражданства республик (ст. 21).

Между тем такое положение дел, во-первых, остро ставило на практике вопрос о неравенстве субъектов Российской Федерации и, во-вторых, вызывало вопросы о правовой природе гражданства республик, поскольку считать его вторым гражданством было юридически несостоятельно. С принятием Конституции РФ 1993 г. вопрос о гражданстве республик в составе РФ решался уже не так однозначно, поскольку в пункте «в» ст. 71 гражданство отнесено к исключительному ведению Российской Федерации. В то же время Закон 1991 г. все еще предусматривал двухуровневую систему гражданства и не был согласован с данными конституционными нормами. Окончательно противоречие было устранено лишь с принятием закона о гражданстве РФ 2002 г., где четко закреплялось единое российское гражданство. Такое направление развития законодательства способствовало созданию единого правового пространства и сохранению единства и целостности российского государства.

Новеллизация Конституции РФ 2020 г. повлияла на многие конституционно-правовые институты. Но, собственно, само по себе понимание принципа единого гражданства (и об этом свидетельствует действующее законодательство) не изменилось. Вместе с тем, когда речь идет о принципах какого-либо конституционно-правового института, важно характеризовать как их юридическое содержание, так и гарантии реализации. А вот гарантии реализации принципа единого гражданства, с нашей точки зрения, претерпели существенные изменения. И связаны они прежде всего с принятием в состав России новых субъектов Федерации.

Территориальные изменения всегда требуют решения вопросов гражданства — его распространения на новые территории государства, т.е. реализации принципа единого гражданства. Принятие в состав России Крыма и образование новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополь — продемонстрировало пробел в существовавшем на тот момент Законе о гражданстве (2002 г.): по сути, ни одно из оснований приобретения российского гражданства, предусмотренное этим Законом, не могло быть использовано для интеграции в состав России новых субъектов и создания гарантий принципа единого гражданства.

¹⁰ Съезды Советов в документах. 1917—1936. М., 1960. Т. 3. С. 18.

На тот момент законодатель пошел по пути «возрождения» института признания гражданства, который рассматривался учеными как отмирающий и временный.

Граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживающие на день принятия в Российскую Федерацию на новых территориях признавались гражданами Российской Федерации при условии, что в течение одного месяца данные лица не заявят о своем желании сохранить имеющееся у них иное гражданство либо остаться лицами без гражданства (ч. 1 ст. 4)¹¹. Аналогичная конструкция, но с некоторой модификацией, была применена и в законах о принятии в Российскую Федерацию ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей¹². Таким образом, процесс принятия новых субъектов в состав России дал вторую жизнь признанию гражданства как одного из оснований его приобретения.

Между тем очевидно, что признание как основание приобретения российского гражданства в данном случае было требованием времени, но не вполне подходящим по существу. Поэтому в действующем Федеральном законе 2023 г. в числе оснований приобретения гражданства законодателем включено приобретение гражданства на основании международного договора. Такая норма вполне может быть нацелена на перспективу вхождения в состав Российского государства новых субъектов Федерации в будущем. При этом признание как основание приобретения гражданства также сохранилось, но уже совершенно в другом контексте.

Раскрывая *принцип равного гражданства*, отметим, что его содержание с точки зрения универсального подхода, характерного для демократического государства означает в формальном плане так называемое равенство статусов и предполагает запрет на деление граждан в соответствии с основаниями приобретения гражданства по объему прав на «природных», «натурализованных», «реинтегрированных», «коптированных»¹³.

Принцип равного гражданства напрямую закрепляется в конституциях ряда государств. Однако это, скорее исключение, чем правило. Все же в большинстве современных государств принцип равного гражданства закрепляется в специальном законодательстве. Так, непосредственное закрепление принципа равного

¹¹ Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.

¹² См.: Федеральные конституционные законы от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики». Ст. 5 ; № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики». Ст. 5 ; № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Херсонской области». Ст. 5 ; № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области». Ст. 5 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

¹³ Изотова Е. Н. Указ. соч. С. 69—72.

гражданства получил в конституциях Испании, Индонезии, на пространстве бывшего СССР — в Узбекистане. Ряд государств не признает принцип равного гражданства в указанном контексте, что проявляется в установлении различий между «природными» и натурализованными гражданами (ОАЭ, Ирак).

В нашем государстве начало закрепления принципа равного гражданства было в одном из первых декретов советской власти — Декрете ВЦИК от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», которым были отменены юридические нормы о неравном правовом статусе подданных, все существовавшие сословные привилегии и ограничения¹⁴. Таким образом, пишет А. И. Лепешкин, Советское государство уже в первые месяцы своего существования заложило правовые основы нового советского гражданства¹⁵. И такое гражданство было основано на принципе равноправия всех граждан.

На сегодняшний день активно транслируется идея о том, что принцип равного гражданства существует лишь名义上. Ученые пишут о фактическом отказе от него¹⁶. Н. А. Трусов считает, что на перспективу вполне возможно в будущем закрепление различного объема прав и обязанностей для граждан Российской Федерации в зависимости от оснований приобретения ими российского гражданства. При этом автор ссылается на опыт дореволюционной монархической России, приводя в пример различные виды подданства в зависимости от сословной принадлежности¹⁷.

Как трансформировался фундаментальный принцип равного гражданства? Прежде всего включением в Конституцию РФ в 2020 г. требования об отсутствии у кандидата в Президенты РФ в прошлом гражданства иностранного государства. При этом, по мнению Конституционного Суда РФ, введение данного требования полностью согласуется с особым конституционно-правовым статусом главы государства. Никакого противоречия принципу равного гражданства Суд не усматривает¹⁸.

Другой нормой, свидетельствующей о размытии границ принципа равного гражданства, является институт принудительного прекращения гражданства, применение которого в настоящее время возможно только в отношении натурализованных граждан и тех, кто приобрел гражданство по признанию на основании федерального конституционного закона либо международного договора (т.е. в

¹⁴ Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 3. Ст. 31.

¹⁵ Лепешкин А. И. Курс советского государственного права. М. : Юрид. лит., 1961. С. 460.

¹⁶ Трусов Н. А. Институрирование ценности гражданства как правовое последствие современной отечественной практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 1. С. 19—20.

¹⁷ Трусов Н. А. Указ. соч. С. 19—20.

¹⁸ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1–3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

случае принятия в состав России нового субъекта)¹⁹. В то же время так называемые природные граждане (приобретшие гражданство по рождению) в данной ситуации имеют иммунитет.

Запрет лишения гражданства как основа правового регулирования отношений в данной сфере также не может быть обойден нашим вниманием. В российской Конституции он также закреплен в ряду неизменных норм (ст. 6), составляющих основы конституционного строя. В международном праве лишение гражданства допускается только при наличии на то правовых оснований, закрепленных во внутреннем законодательстве государств. В частности, в ст. 15 Всеобщей декларации прав человека подчеркивается запрет именно произвольного лишения гражданства.

Принятая в 1961 г. Конвенция о сокращении безгражданства (Россия не стала ее участницей) в ст. 8-9 также допускает лишение гражданства любого лица (даже если оно останется в результате лишения апатридом) при следующих обстоятельствах:

- 1) в случае длительного проживания за пределами государства;
- 2) в случае сообщения им заведомо ложных сведений;
- 3) если лицо действует в интересах другого государства (оказывает ему услуги и получает за это вознаграждение);
- 4) если причиняет вред интересам своего государства;
- 5) если принесло присягу верности другому государству. При этом Конвенция запрещает лишать гражданства по религиозным, расовым, политическим и этническим мотивам.

За рубежом лишение гражданства предусмотрено в Бельгии, Дании, Болгарии, Испании, на Кипре, Мальте, в Латвии, Швейцарии и др. В странах бывшего СССР — в Казахстане. Институт лишения гражданства характерен для таких арабских государств, как Ирак, Египет, Алжир, Марокко, Йемен.

Если обратиться к законодательству нашего государства, то, как известно, в советский период лишение гражданства допускалось. К примеру, Закон о гражданстве СССР 1938 г. специально определял в ст. 7 условия, при которых могло иметь место лишение гражданства СССР, что рассматривалось как мера ответственности за преступление перед Родиной²⁰. Согласно ст. 18 Закона «О гражданстве СССР» 1978 г. лишение гражданства допускалось «если лицо совершило действия, порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР». Закон СССР от 23.05.1990 № 1518-1 «О гражданстве СССР» также сохранял возможность лишения гражданства (ст. 20) при одновременном закреплении в преамбуле международного принципа о запрете произвольно лишать гражданства.

Федеральный закон о гражданстве 1991 г. не содержал специально норму, запрещающую лишать гражданства и при этом не содержал положений о возможности и основаниях такого лишения. Между тем в Законе 1991 г. (ст. 24) закреплялась возможность отмены решений о приеме в гражданство за предоставление

¹⁹ Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Ст. 24.

²⁰ Лепешкин А. И. Указ. соч. С. 470.

заведомо ложных сведений и фальшивых документов. При этом устанавливался срок давности в 5 лет после приема в гражданство. Конституция РФ 1993 г. (ст. 6) и Федеральный закон о гражданстве 2002 г. (ч. 4 ст. 4) установили запрет лишения гражданства в качестве основополагающего принципа правового регулирования.

В статье 22 Закона 2002 г. содержался институт отмены решений о гражданстве. Однако он претерпел существенную трансформацию, заключавшуюся в том, что отменить решение теперь можно было и о приеме, и о прекращении гражданства. При этом никаких положений о сроках давности для принятия такого решения Закон уже не содержал. В 2017 г. были расширены основания отмены решений по вопросам гражданства включением в них действий, представляющих угрозу конституционному строю России.

Такое правовое регулирование дает основание некоторым авторам считать отмену решений по вопросам гражданства фактически лишением гражданства. В частности, об этом пишет А. Н. Головистикова, считая, что термин « лишение гражданства» упущен законодателем умышленно, чтобы исключить память о прошлом, когда институт лишения гражданства использовался как механизм политических репрессий²¹. Такое мнение весьма спорно, ведь формально-юридически отмена решений по вопросам гражданства — это фикция, поскольку лицо считалось «как бы не приобретшим гражданство» и возвращалось к своему первоначальному правовому состоянию, т.е. не могло утратить то, чего и не приобретало. Но так или иначе со всей очевидностью прослеживаются тенденции правового регулирования — последовательная направленность на расширение тех оснований, по которым правовая связь лица с государством прекращалась²².

В целом в науке ранее высказывались мнения о необходимости законодательного закрепления права государства лишать гражданства, в том числе и о распространении лишения гражданства на лиц, ставших гражданами по рождению при условии наличия у них гражданства иностранного государства²³. Однако подобные позиции обходят стороной тот факт, что запрет лишения гражданства является основой конституционного строя и содержится в неизменной первой главе Конституции РФ. В связи с этим, новый Закон о гражданстве 2023 г. не только не использует понятие «отмена решений по вопросам гражданства», полностью отказавшись от него, но формально и не закрепляет лишение гражданства, что создает своеобразную «витрину» его соответствия конституционным принципам.

На смену приходит прекращение гражданства, юридические признаки которого следующие:

- 1) принудительный характер;

²¹ Головистикова А. Н. Прекращение гражданства РФ: сравнительный анализ Законов о гражданстве 1991 и 2002 годов // Законодательство и экономика. 2005. № 5. С. 69—70

²² В науке сложилось несколько позиций ученых по вопросу о том, можно ли отмену решений по вопросам гражданства рассматривать в качестве оснований его прекращения. Анализ точек зрения ученых см., например: Воронина О. В. Новеллы института прекращения гражданства Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 3. С. 79—84.

²³ Пронякина С. Ю. Лишение гражданства как особое основание прекращения правовой связи с государством // Юридические исследования. 2021. № 10. С. 65.

2) распространение только на натурализованных граждан и признанных гражданами РФ на основании федерального конституционного закона;

3) оно является негативным последствием совершенного лицом нарушения российского законодательства;

4) не имеет срока давности для его применения;

5) не всегда требует принятия решения в судебном порядке.

В действующем Законе также прослеживается дальнейшая направленность на расширение оснований прекращения гражданства. Так, введено такое основание прекращения, как неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учет (п. «в» ч. 1 ст. 22). В 2025 г. расширен перечень преступлений, влекущих прекращение гражданства. Помимо этого, поступали инициативы о прекращении гражданства вследствие нарушения присяги²⁴ путем включения в нее слов: «И если я нарушу обязательства этой моей присяги, то пусть меня постигнет суровая кара закона, вплоть до прекращения гражданства Российской Федерации»²⁵.

Подводя итоги, отметим, что политico-социальный контекст всех изменений, затронувших содержание конституционных принципов гражданства, очевиден. Такие изменения преследуют цель укрепления правовых гарантий национальной безопасности и установления стандартов высокого правового значения статуса гражданина Российской Федерации. При этом принцип запрета лишения гражданства претерпел наибольшие трансформации и, на наш взгляд, существует на сегодняшний день лишь名义ально.

Такие изменения не могут рассматриваться как противоречащие демократическому характеру государства или умаляющие права человека. Как раз наоборот — обеспечение прав человека как высшей ценности в демократическом государстве означает, что государство охраняет граждан от преступлений и действий, наносящих вред интересам общества и государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 641 с.
2. Васильева Л. Н. Российская идентичность: правовые условия формирования // Журнал российского права. — 2015. — № 2. — С. 16—24.
3. Воронина О. В. Новеллы института прекращения гражданства Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. — 2023. — № 3. — С. 79—84.

²⁴ Проект федерального закона № 619563-8 «О внесении изменений в статью 22 федерального закона “О гражданстве Российской Федерации” (в части включения в число оснований, по которым прекращается гражданство Российской Федерации, нарушение присяги гражданина Российской Федерации)».

²⁵ Проект федерального закона № 599502-8 «О внесении изменения в статью 21 федерального закона “О гражданстве Российской Федерации” (в части уточнения текста присяги гражданина Российской Федерации)».

4. Головистикова А. Н. Прекращение гражданства РФ: сравнительный анализ Законов о гражданстве 1991 и 2002 годов // Законодательство и экономика. — 2005. — № 5. — С. 67—70.
5. Дрогавцева Е. А. Трансформация содержания конституционных принципов гражданства в законодательной деятельности парламента: пределы допустимости и проблемы совершенствования // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2022. — № 3 (61). — С. 15—22.
6. Изотова Е. Н. Анализ принципов гражданства в Российской Федерации // Административное право и процесс. — 2012. — № 7. — С. 69—72.
7. Ильинский И. П., Щетинин Б. В. Государственное право стран народной демократии. — М., 1964.
8. Кутафин О. Е. Российское гражданство — М. : Юристъ, 2004. — 589 с.
9. Лепешкин А. И. Курс советского государственного права. — М. : Юрид. лит., 1961. — Т. 1. — 559 с.
10. Овсепян Ж. И. Гражданство в России (общетеоретическое, историческое и конституционно-правовое исследование) : монография — Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2010. — 320 с.
11. Пронякина С. Ю. Лишение гражданства как особое основание прекращения правовой связи с государством // Юридические исследования. — 2021. — № 10. — С. 59—67.
12. Таева Н. Е. Реализация направлений миграционной политики в законодательстве о гражданстве Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 6. — С. 57—69.
13. Трусов Н. А. Институрирование ценности гражданства как правовое последствие современной отечественной практики // Государственная власть и местное самоуправление. — 2024. — № 1. — С. 18—22.

Конституционализм и массовая ваучерная приватизация

Аннотация. Вопросы несправедливости распределения национального богатства в процессе массовой приватизации породили основные проблемы построения современного правового государства. С учетом этого доктрина российского конституционализма требует наполнения нравственными началами, должна быть направлена на обеспечение общего блага и справедливости в управлении обществом. Массовая безденежная приватизация стала важнейшим средством борьбы за власть и экономические ресурсы. Она характеризуется как важнейшее конституционно-правовое явление, в котором присутствовали такие негативные признаки, как искашение ментального образа конституционализма, недоверие к государственной власти, нарушение принципов правового государства, основных социальных прав граждан и др.

Дается характеристика нескольких наиболее реальных подходов к оценке и решению проблемы восстановления прав государства как собственника. Наиболее реальным вариантом рассматривается точечный подход к оценке конкретных приватационных сделок. Сглаживание наиболее болезненных проявлений несправедливости в процессе массовой приватизации сегодня выражается в виде деприватизации, правовое содержание которой раскрывается в работе. Наиболее существенными проблемами в оспаривании законности приватационных сделок являются: исковая давность и защита прав добросовестных приобретателей. Судебная практика в последние годы идет по пути определенного восстановления конституционных ценностей, нарушенных в процессе массовой приватизации. При этом обращается внимание на то, что, например, вопросы исковой давности и права добросовестных приобретателей применительно к приватационным сделкам должны быть более полно и однозначно урегулированы федеральным законодателем.

Ключевые слова: конституционализм, справедливость, общее благо, приватизация, ваучер, деприватизация, исковая давность, добросовестный приобретатель

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.088-096

Vladimir D. MAZAEV,

Professor of the Department of Public Law, Faculty of Law,
National Research University «Higher School of Economics»,
Dr. Sci. (Law), Professor
vmazaev@hse.ru
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russia, 101000

Constitutionalism and mass voucher privatization

Abstract. The issues of unfair distribution of national wealth in the process of mass privatization have given rise to the main problems of building a modern legal state. Taking into account the doctrine of Russian constitutionalism requires filling with moral principles, should be aimed primarily at ensuring the common good and justice in the management of society.

Mass non-cash privatization has become the most important means of struggle for power and economic resources. It is characterized as the most important constitutional and legal phenomenon, which included such negative signs as: distortion of the mental image of constitutionalism, distrust of state power, violation of the principles of the rule of law, separation of powers, basic social rights of citizens, etc.

A characteristic of several of the most realistic approaches to assessing and solving the problem of restoring the rights of the state as an owner is given. The most realistic option is considered to be a point approach to assessing specific privatization transactions. Smoothing out the most painful manifestations of injustice in the process of mass privatization today manifests itself in the form of deprivatization, the legal content of which is revealed in the work. The most significant problems in challenging the legality of privatization transactions are: the statute of limitations and the protection of the rights of bona fide purchasers. In recent years, judicial practice has been moving towards a certain restoration of constitutional values violated in the process of mass privatization. At the same time, attention is drawn to the fact that, for example, the issues of the statute of limitations and the rights of bona fide purchasers in relation to privatization transactions should be more fully and unambiguously regulated by the federal legislator.

Keywords: constitutionalism, justice, common good, privatization, voucher, deprivatization, statute of limitations, bona fide purchaser

В центре процесса разрушения советской модели экономической системы были вопросы ликвидации общенародной собственности и создания социально-экономической базы новой власти — частной собственности и слоя частных собственников.

Важнейшим инструментом переворота в отношениях собственности была массовая ваучерная приватизация¹. В ее итоге граждане не получили обещанной справедливости в распределении создававшегося десятилетиями общего блага. Этот негативный результат неоправданных ожиданий, недоверия к власти до сих пор присутствует в сознании населения². Российское общество достаточно хорошо осознает связь между социально-экономическими проблемами, стоящими перед значительной частью наших сограждан, и несправедливостью приватизации крупной собственности, проведенной в стране в 90-е гг. прошлого века³.

Сегодня появляются некие элементы деприватизации, определенные попытки исправления допущенной несправедливости в процессе ваучерной приватизации. Что это такое? Насколько они соответствуют ценностям конституционализма, конституционным принципам рыночной экономики, созвучны интересам общества и государства?

Конституционализм, императив справедливости и политический вектор массовой ваучерной приватизации. Усиление роли национального государства, расширение его функций в современных общественных отношениях позволяет оценивать задачи конституционализма более широко и предметно. В конституционализме главным становится не столько ограничение государственного властевования, сколько самоограничение государства, обеспечение правового порядка солидарности государства и общества, поиск оптимального баланса между ними. С помощью принципа конституционализма решаются вопросы эффективности публичной власти и обеспечивается «взаимное доверие государства и общества», «экономическая, политическая и социальная солидарность» (ст. 75.1 Конституции РФ).

Расширение роли государства в экономике не уменьшает, а расширяет конституционализацию регулирования экономических процессов в решении фундаментальных социально-экономических проблем⁴. Ценности конституционализма

¹ Массовая безденежная (ваучерная) приватизация представляет собой бесплатную передачу публичного имущества в частные руки на основании обезличенных чеков (ваучеров) и охватывает период с 1992 по 1994 г. См. об этом, например: Берсенев В. Л. Процессы разгосударствления и приватизации в России в 90-е гг. Часть 1. Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 2. С. 343—344.

² См., например: Большинство россиян (73 %) считают, что итоги приватизации носят негативный характер, положительный ответ дали всего 18 % опрошенных. ВЦИОМ: приватизация 90-х — боль современного общества // URL: <https://ivbg.ru/7856374-vciom-k-25letiyu-privatizacii.html> (дата обращения: 12.06.2025).

³ Зорькин В. Д. Конституционная идеология — это система самоограничения государства. С. 5—6 // URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20231212/309468483.html (дата обращения: 10.07.2025).

⁴ См.: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм в России: очерки теории и практики. М. : Норма ; Инфра-М, 2017. С. 21—24.

ориентируют на обоснованность, соразмерность и легальность государственного вмешательства в экономическую деятельность, обеспечение прав граждан, доверие к власти.

В современной доктрине конституционализма прослеживается тенденция отказа от его сугубо позитивистского понимания, требования конституционализма наполняются ценностным содержанием⁵. Нельзя не согласиться с О. Г. Румянцевым, что базовой, ключевой ценностью конституционного строя выступает императив справедливости⁶.

Конституционализм имеет в большей мере функциональное назначение, вектор которого направлен прежде всего на обеспечение общего блага, справедливости в управлении обществом. Достижение общего блага, справедливого упорядочения общественных отношений с помощью государства было основным постулатом концепции общественного договора — базового элемента конституционализма⁷.

Ясно выраженная воля государства в конституционных актах на достижение общего блага, социальной справедливости повышает степень доверия к власти, дает более ясные ориентиры взаимоотношений граждан и государства, повышает нравственную и конституционно-правовую ответственность органов публичной власти за свою деятельность⁸.

Образ социальной справедливости во многом зависит не только от показателей экономического развития государства, но и от традиций, исторических особенностей общества, нравственного выбора граждан. Так, О. Е. Кутафин принципиально оценил результаты массовой приватизации в начале 1990-х гг. По его мнению, несправедливость перераспределения национального богатства в процессе массовой приватизации породила основные проблемы построения конституционного правового государства, искажения конституционных ценностей⁹.

Массовая ваучерная приватизация явилась классическим примером игнорирования справедливости в построении новой социально-экономической модели. Приватизация как правовой институт (ст. 217 ГК РФ) является особым основанием прекращения права публичной собственности (ст. 253 ГК РФ). Приватизация как таковая далека от политических отношений. Однако в 1990-е гг. массовая

⁵ Конституционализм: универсальное и национальные измерения : монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. М. : ИГП РАН, 2022. С. 17.

⁶ См.: Румянцев О. Г. О конституционном развитии России // Избранное : в 3 т. М. : Инфотропик Медиа, 2024. Т. 1. С. 43—44.

⁷ См., например: Лифтский В. И. Великие конституции (истоки, факторы развития и роль в современном мире). М. : Библио-глобус, 2017. С. 240.

⁸ Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства сформулирован и применяется Конституционным Судом РФ. Например, см.: определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2019 № 854-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». П. 5 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

⁹ См.: Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. С. 342.

ваучерная безденежная приватизация стала важнейшим средством борьбы за власть и экономические ресурсы. Она имела все признаки важнейшего политического, конституционно-правового явления — реформирования существующего экономического конституционного порядка.

Согласно Закону РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» (от 03.07.1991 № 1531-І) и Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г. (от 11.06.1992)¹⁰ важнейшими целями массовой приватизации были: формирование слоя частных собственников, содействующих созданию социально ориентированной рыночной экономики; повышение эффективности деятельности предприятий; создание конкурентной среды; социальная защита населения и др.

В постановлении Верховного Совета РФ от 09.10.1992 «О ходе реализации Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год» заявленные цели приватизации были признаны не достигнутыми, т.е. не был создан слой эффективных собственников, не появились основы здоровой конкуренции, социальная защита населения пострадала.

Негативные последствия массовой приватизации получили многочисленные оценки специалистов в области экономики, права, политологии¹¹. Наиболее взвешенный анализ итогов массовой приватизации был дан Счетной палатой РФ, которая признала, что недостатки законодательной базы, неразвитость приватизационных институтов и процедур создали возможности для многочисленных нарушений законности в ходе приватизационных мероприятий, а также стали причиной формирования в обществе представлений о несправедливости результатов приватизации¹².

С точки зрения идей конституционализма в оценке массовой приватизации следует отметить следующее.

Во-первых, массовая ваучерная приватизация сыграла важную роль в разрушении старой экономической модели и создании почвы для рыночной экономики. Вместе с тем «большевистские» методы ускоренной приватизации исказили ментальный образ российского конституционализма, обусловили недоверие к государственной власти.

¹⁰ Постановление Верховного Совета РФ от 11.06.1992 № 2980-1 (ред. от 01.07.1993) «О введении в действие Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год» // дата обращения: 06.07.2025).

¹¹ Например, жесткую оценку итогов приватизации дал доктор экономических наук Ю. М. Воронин (бывший первый заместитель Председателя Верховного Совета РФ). По его мнению, Россия никогда не сможет вернуться обратно в русло конституционного движения, не признав социально безнравственную приватизацию по Чубайсу (см.: Воронин Ю. М. Экономика в тупике. От разрушения к созиданию. М. : Перо, 2025. С. 37).

¹² Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годы : доклад Счетной палаты РФ. М., 2004. С. 7, 143—145.

Во-вторых, концепция массовой приватизации похоронила советскую конституционную доктрину общенародной собственности, согласно которой каждый гражданин являлся собственником общего достояния всего советского народа (ст. 11 Конституции РСФСР 1989 г.). Для этого был избран упрощенный вариант распределения национального богатства¹³. Этот подход достиг своей политической цели, но в то же время породил нерешенные проблемы справедливости такого произвольного раздела национального достояния, в результате которого ваучеры не смогли помочь абсолютному большинству граждан стать собственниками.

В-третьих, процесс массовой приватизации не был обеспечен системным законодательным регулированием, полнотой и ясностью нормативных правовых актов, принцип правового равенства приносился в жертву скорости приватизационных мероприятий (особые права и бонусы для руководителей и части трудовых коллективов). К процессу приватизации не были законодательно подготовлены новые рыночные институты, такие как акционерные общества, рынок ценных бумаг, банкротство и т.д.

Вопрос о сглаживании наиболее болезненных проявлений несправедливости в процессе приватизации остается до сих пор в стадии теоретических обсуждений. На наш взгляд, следует выделить несколько наиболее реальных подходов к решению этой проблемы.

Первый подход состоит в том, чтобы придать забвению «грехи» перераспределения собственности в процессе приватизации.

Второй подход заключается в том, что все негативные последствия некачественного правового регулирования приватизации лежат на публичной власти. Эта позиция была ясно отражена в постановлении Конституционного Суда РФ от 03.11.1998 № 25-П, в котором подчеркнуто, что в федеральном законе должны быть предусмотрены надлежащие процедуры приватизации, с тем чтобы обеспечивалась защита прав и законных интересов всех участников соответствующих правоотношений. В таком случае публичная власть должна системно решать вопросы восстановления справедливости и нарушенных прав как государства, так и граждан в процессе приватизации, т.е. идти по пути масштабных законодательных и политических мер, например, национализации (в смысле экспроприации), конфискации незаконно переданных имущественных объектов, введения приватизационного сбора, компенсирующего потери государства в процессе приватизации, и т.д.

Третий подход состоит в том, что признание результатов приватизации легитимными в целом не означает объявления тотальной амнистии лицам, совершившим правонарушения в этой сфере. Допускается точечная оценка законности осуществления конкретных сделок в период 1992—2003 гг. По этим сделкам возможно при наличии существенных нарушений приватизационного

¹³ Правительством России была произведена оценка национального достояния страны: активы госпредприятий оценивались в 4 трлн руб., из них 1,5 трлн руб. выделили на безденежную приватизацию. Эти 1,5 трлн руб. разделили на 150 млн жителей страны и получили условную сумму в 10 тыс. руб., которую представили и раздали гражданам в виде обезличенного приватизационного чека (ваучера) как «справедливую и равную долю» от общенародной собственности.

законодательства обращаться в суд и осуществлять возврат незаконно приватизированного имущества государству согласно ст. 301 Гражданского кодекса РФ.

Сегодня можно наблюдать первые шаги по пути реализации точечного подхода. Этот вариант условно называют *деприватизацией*. Фактический механизм деприватизации выглядит таким образом. Оспаривание процедуры приватизации происходит, как правило, по инициативе Генеральной прокуратуры РФ, которая на основании проведенной проверки выявляет серьезные нарушения, допущенные в процессе приватизации и подает в суд виндикационный иск (ст. 301 ГК РФ). Прежде всего это касается предприятий, которые связаны с экономическим суверенитетом России.

Наиболее существенными проблемами в оспаривании законности приватизационных сделок являются: *исковая давность и защита прав добросовестных приобретателей*.

Срок исковой давности по общему правилу составляет три года, а по некоторым ситуациям может достигать десяти лет (ст. 181, 196 ГК РФ). Но решение о приватизации, например, принималось в 1992 г. На эту тему Конституционный Суд РФ высказался мудро, но недостаточно исчерпывающе. Суд РФ формулирует установку о том, что правила об исковой давности неприменимы к правовым отношениям по совершению коррупционного правонарушения. Согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П недобросовестное поведение должно лишать собственника оснований рассчитывать на институт давности как средство защиты. Исковая давность может восприниматься гражданами как отказ государства от защиты конституционного строя и демократии по истечении некоторого времени¹⁴. Больше вреда конституционным ценностям приносит то, что коррупционер может защититься короткими сроками исковой давности.

Конституционный Суд РФ взвесив такие конституционные ценности, как справедливость и право частной собственности (плюс стабильность гражданского оборота), пришел к выводу о приоритете справедливости в отношениях частной собственности, если собственником является коррупционер, экстремист и т.д. Заметим, что данная позиция прямо не распространяется на участников приватизационных сделок.

Добросовестный приобретатель и деприватизация. Действующее законодательство обеспечивает конституционные принципы свободы экономической деятельности и свободы договора, стабилизирует гражданский оборот¹⁵. Приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся на данные государственного реестра, признается добросовестным приобретателем, пока в судебном порядке

¹⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_489414/ (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6 «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева». П. 2 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

не доказано обратное¹⁶. В то же время добросовестность участников гражданских правоотношений оценивается судом с учетом обстоятельств конкретного дела¹⁷.

Судебная практика идет по пути определенного восстановления конституционных ценностей, нарушенных в процессе массовой приватизации. При этом допускается расширенное толкование сроков исковой давности, защиты прав добросовестных приобретателей приватизированного имущества. Так, согласно в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 29.02.2024 по делу № А50-18611/2023¹⁸ начало течения субъективного срока исковой давности определено с момента, когда у истца появилась реальная возможность надлежащим образом предъявить исковые требования. Формальное применение срока исковой давности будет являться способом легализации прав на акции лиц, приобретших их в нарушение требований законодательства о порядке приватизации государственного имущества

Выходы. В начале 90-х гг. ХХ в. в России формирование конституционализма как системы ценностей и институтов нового общественного и государственного строя осуществлялось вне необходимой взаимосвязи с обеспечением принципа справедливости в распределении общественного блага.

Наиболее реальным вариантом исправления допущенных нарушений в приватизации 1990-х гг. является точечная деприватизация, в которой допускается оценка конкретных приватизационных сделок с позиции существенных нарушений законодательства, прав граждан и экономического суверенитета России.

Процесс деприватизации обусловливает ряд проблем, и прежде всего оценку сроков исковой давности приватизационных сделок и защиту прав добросовестных приобретателей. Эти проблемы требуют законодательного урегулирования, более полного и точного, например, принятия законов о национализации, о сроках исковой давности по сделкам, касающимся стратегических объектов государства, и т.д.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годы : доклад Счетной палаты РФ. — М., 2004. — 185 с.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца». П. 2—4 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 5.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона “О государственной регистрации недвижимости” в связи с жалобами граждан Н. И. Гришиной, Н. З. Гулордавы и других» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_497120/ (дата обращения: 05.07.2025).

¹⁸ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/dsyspiy22tdy/> (дата обращения: 09.07.2025).

2. Берсенев В. Л. Процессы разгосударствления и приватизации в России в 90-ые гг. Часть 1 // Экономика региона. — 2017. — Т. 13. — Вып. 2. — С. 342—354.
3. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм в России : очерки теории и практики. — М. : Норма ; Инфра-М, 2017. — 272 с.
4. Воронин Ю. М. Экономика в тупике. От разрушения к созиданию. — М. : Пере, 2025. — 189 с.
5. Зорькин В. Д. Конституционная идеология — это система самоограничения государства // URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20231212/309468483.html.
6. Конституционализм: универсальное и национальные измерения : монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. — М. : ИГП РАН, 2022. — 392 с.
7. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. — М. : Норма, 2008. — 544 с.
8. Лафитский В. И. Великие конституции (истоки, факторы развития и роль в современном мире) : монография. — М. : Библио-глобус, 2017. — 516 с.
9. Румянцев О. Г. О конституционном развитии России // Избранное : в 3 т. — М. : Инфотропик Медиа, 2024. — Т. 1. — 384 с.

Конституционные преобразования системы публичной власти

Конституционная реформа в Российской Федерации и ее влияние на систему органов публичной власти

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу конституционной реформы в Российской Федерации 2020 г., ее влиянию на органы государственной власти. Цель реформы — выявить ключевые изменения в конституционном регулировании статуса и взаимодействия ветвей власти, оценить их последствия в сравнительной перспективе с предшествующим конституционным порядком. Результаты исследования свидетельствуют о значительной концентрации властных полномочий в руках Президента РФ, существенном перераспределении баланса сил между институтами, формальном укреплении роли парламента при одновременном усилении президентского контроля над ним, а также о глубокой интеграции традиционных и новых конституционных органов в единую систему управления под доминирующим влиянием главы государства.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционная реформа, поправки к Конституции РФ 2020 г., система органов государственной власти, Президент РФ, судебная система, Государственный Совет

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.097-102

**Валериан Алексеевич
ЛЕБЕДЕВ,**
профессор кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный
деятель науки РФ,
почетный работник
высшего
профессионального
образования РФ
lebedev_va@bk.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Valerian A. LEBEDEV,

*Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Professor, Dr. Sci. (Law),

Honored Lawyer of the Russian Federation,

Honored Scientist of the Russian Federation,

*Honored Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation*

lebedev_va@bk.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Constitutional reform in the Russian Federation and its impact on the system of public authorities

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the 2020 constitutional reform in the Russian Federation and its impact on government bodies. The reform aims to identify key changes in the constitutional regulation of the status and interactions between branches of government and to assess their impact in a comparative perspective with the previous constitutional order. The study's findings demonstrate a significant concentration of power in the hands of the President of the Russian Federation, a significant redistribution of the balance of power between institutions, a formal strengthening of the role of parliament while simultaneously strengthening presidential control over it, and the deep integration of traditional and new constitutional bodies into a unified system of governance under the dominant influence of the head of state.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitutional reform, amendments to the Constitution of the Russian Federation 2020, system of government bodies, President of the Russian Federation, judicial system, State Council

Как известно, конституционные реформы представляют собой стратегический инструмент адаптации политической системы к изменяющимся внутренним и внешним вызовам. Конституционная реформа — это, по сути, формальный процесс внесения существенных изменений в Основной закон государства. Ее причины могут быть разнообразны: смена политического режима, необходимость адаптации к новым социально-экономическим условиям, разрешение накопившихся конституционных коллизий, стремление к легитимации существующей власти или ее перераспределению¹.

Реформированию подверглась Конституция РФ 1993 г., которая была принята в условиях острого политического кризиса в нашей стране. И это вполне объяснимо, так как за почти три десятилетия ее действия политическая система

¹ См. подробнее: Хабриева Т. Я. Конституционные реформы в современном мире. М. : Норма, 2018.

и социально-экономические реалии страны претерпели значительные изменения. Справедливи ради стоит отметить, что идея конституционной реформы периодически возникала в публичных дискуссиях, научной литературе², но лишь в январе 2020 г. в Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию³ она приобрела конкретные очертания.

Последовавший за этим процесс, включая создание Рабочей группы, публичное обсуждение, одобрение Федеральным Собранием, законодательными собраниями субъектов РФ и завершившийся общероссийским голосованием 01.07.2020, привел к вступлению в силу пакета поправок⁴, оказавших существенное влияние на систему органов публичной власти. Эти изменения стали наиболее значительными с момента принятия Конституции. Последствия реформ для системы органов публичной власти носят фундаментальный характер, так как они закрепляют новые правила формирования органов, перераспределяют властные полномочия между ветвями власти и отдельными институтами внутри них, создают или конституционно закрепляют статус органов, ранее существовавших на подзаконном уровне, влияют на независимость ветвей власти и др.

Анализируя развитие такой категории, как публичная власть, необходимо отметить, что ее конституционно-правовая основа закреплена в тексте Основного закона государства. Согласно тексту Конституции РФ, точнее, ее п. «г» ст. 71, организация публичной власти находится в ведении Федерации. В текст Конституции РФ включено понятие «единая система публичной власти», а на главу государства возложена обязанность обеспечения взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, входящих в эту двухуровневую систему. Первый уровень — государственная власть, второй — муниципальная. Рассуждая «о двух уровнях публичной власти, государственной и муниципальной, следует отметить, что они действуют одновременно, дополняя друг друга, обеспечивая ее единство»⁵.

Внесены значительные изменения в полномочия и структуру органов публичной власти. Изменился баланс сил между различными ее ветвями, укрепилась их вертикаль. Иначе говоря, стержнем конституционной реформы стала значительная трансформация системы органов публичной власти.

Главенствующее место отведено государственной власти, которую на федеральном уровне осуществляют: Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет

² Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 2—9 ; Лебедев В. А. Конституционное развитие России // Lex russica. 2018. № 11 (144). С. 16—32.

³ Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 22.06.2025).

⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁵ Лебедев В. А. Народовластие и публичная власть // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 5.

Федерации и Государственная Дума), Правительство РФ, суды Российской Федерации.

Для согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти Президентом РФ создан Государственный Совет Российской Федерации (п. «е.5» ст. 83 Конституции РФ).

Поправки 2020 г. закрепили и расширили доминирующую роль Президента РФ как «гаранта Конституции» (ст. 80 Конституции) в системе публичной власти, что подразумевает высокую степень ответственности Президента перед обществом, а также требует от него принятия решений, направленных на защиту и развитие правового государства. Поправки обнулили президентский срок и запретили лицу занимать эту должность более двух сроков. На действующего Президента РФ такой запрет не распространяется (ч. 3.1 ст. 81).

Необходимо отметить, что в Российской Федерации наблюдается и тенденция ужесточения требования к кандидатам на занятие должностей Президента РФ, Председателя Правительства РФ, федеральных министров, депутатов Государственной Думы и других высших должностных лиц. В частности, введен ценз оседлости (проживание на территории Российской Федерации не менее 25 лет) для кандидатов в Президенты РФ и запрет иметь иностранное гражданство или вид на жительство.

Что же касается роли парламента как независимого законодательного и контрольного органа в условиях доминирующей президентской власти и управляемой партийной системы, то она остается ограниченной. Поправки формально увеличили количество функций парламента (особенно Совета Федерации), но одновременно резко усилили зависимость его решений от воли Президента, особенно в ключевых кадровых вопросах (суды, прокуратура, отчасти Правительство).

Законодательно произошло расширение состава Совета Федерации, в который входят не только представители от законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, как это было до принятия поправок, но и Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки, — пожизненно. Президенту РФ предоставлено право назначать не более 30 представителей в состав Совета Федерации, из которых не более семи могут быть назначены пожизненно. Введение президентских назначенцев в Совет Федерации сближает его с верхними палатами, формируемыми по назначению (как в Канаде или частично в Великобритании), но с явной целью усиления централизации.

Поправки способствовали усилению роли Государственной Думы, которая получила расширенные полномочия по формирования Правительства РФ. Государственная Дума утверждает кандидатуру Председателя Правительства, которую ей представляет Президент РФ. По представлению Председателя Правительства Государственная Дума утверждает кандидатуры заместителей Председателя Правительства и федеральных министров, за исключением министров силового блока п. «а.1» ч. 1 ст. 103). Несмотря на усиление роли Государственной Думы в формировании Правительства, при этом усилилась в целом и роль Президента.

Усиление влияния Президента РФ на формирование Правительства можно увидеть и в том, что в соответствии с поправками он осуществляет общее руководство Правительством, наделен правом председательствовать на его

заседаниях. Президент получил право отстранять Председателя Правительства от должности (п. «а» ст. 83) и принимать отставку Правительства (ст. 117). Фактическая подчиненность Правительства Президенту, существовавшая и ранее, получила конституционное подтверждение⁶.

Поправками закреплено, что, хотя Правительство РФ ответственно перед Президентом и Государственной Думой, процедура выражения недоверия или отказа в доверии Правительству усложнена. После выражения Государственной Думой недоверия Правительству Президент вправе не отправлять Правительство в отставку (ч. 3 ст. 117). Если Дума повторно в течение трех месяцев выразит недоверие, Президент может либо отправить Правительство в отставку, либо распустить Думу и назначить новые выборы. До принятия поправок в такой ситуации Президент РФ должен был принять решение либо о роспуске Государственной Думы или об отставке Правительства.

Таким образом, Президент имеет возможность сохранить Правительство РФ даже при конфликте последнего с Государственной Думой. И еще один момент, на который следует обратить внимание. Правительство может подать в отставку Президенту (ч. 1 ст. 117). Согласно ч. 4 ст. 117 Председатель Правительства РФ наделен правом поставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству. Если Государственная Дума отказывает в доверии Правительству РФ, то Президент в течение семи дней принимает решение. Он либо принимает отставку Правительства, либо распускает Государственную Думу.

Поправки к Конституции РФ затронули ключевые аспекты организации судебной власти. Можно сказать, что произошло усиление контроля Президента РФ над судебной властью. Председатель Конституционного Суда РФ, Председатель Верховного Суда РФ и их заместители назначаются Советом Федерации только «по представлению Президента» (п «е» ст. 83). Число судей Конституционного Суда РФ уменьшилось с 19 до 11 (ч. 1 ст. 125), что потенциально облегчает управление его работой. Президент получил право вносить представления в Конституционный Суд РФ для проверки конституционности федеральных законов до их подписания (ч. 3 ст. 107). Такое полномочие может рассматриваться как осуществление Президентом контроля над законодательным процессом на ранней стадии. Конституционный Суд также наделяется полномочием по проверке конституционности законов субъектов РФ еще до их обнародования высшим должностным лицом субъекта РФ. Конституционный Суд РФ вправе разрешать вопросы об исполнении решений межгосударственных органов и о возможности исполнения решения иностранного или международного суда.

Конституционно закреплен статус прокуратуры как единой централизованной системы (ст. 129). Генеральный прокурор и его заместители назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом РФ (ч. 3 ст. 129). Это усиливает зависимость надзорного органа от главы государства.

Одной из институциональных новаций стало включение Государственного Совета РФ в Конституцию РФ (п. «е.5» ст. 83). Его статус определяется федеральным

⁶ Нудненко Л. А. Конституционно-правовой статус Правительства Российской Федерации после поправок 2020 года // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4. С. 25–38.

законом⁷, который закрепляет совещательные и координационные полномочия. Конституционное закрепление статуса Государственного Совета РФ определяет его более высокую роль в системе публичной власти.

Усилен статус Президента как Верховного Главнокомандующего. Конституцией закреплено, что Совет Безопасности РФ формируется и возглавляется Президентом РФ, а его статус определяется федеральным законом (п. «ж» ст. 83). Это конституционно оформляет уже сложившуюся практику и повышает значимость этого органа.

Конституция РФ закрепляет приоритет национального права над решениями межгосударственных органов (ч. 3 ст. 79), косвенно усиливая тем самым позицию Президента и Конституционного Суда, особенно в контексте исполнения решений международных судов.

Расширение полномочий Президента РФ привело к усилению координации между ветвями власти, что положительно сказывается на принятии важнейших решений и выполнении государственных программ. Можно сделать вывод, что проведенная конституционная реформа оказала положительное влияние на организацию публичной власти. Ее основным вектором стало не укрепление системы сдержек и противовесов или баланса ветвей власти, а дальнейшая беспрецедентная по масштабам концентрация властных полномочий в руках Президента РФ, что в создавшихся условиях, несомненно, оказывает положительное влияние на решение важнейших задач, стоящих перед государством.

Таким образом, необходимо отметить, что реформа 2020 г. завершила формирование конституционной модели, в которой доминирующая роль Президента является не просто политической реальностью, но и жестко закрепленной правовой нормой. Будущее российской государственности будет зависеть от того, как эта модель будет функционировать в перспективе с учетом новых вызовов, стоящих перед Российской государством, главным приоритетом которого является учет интересов всех слоев общества и обеспечение защиты прав и свобод граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 9. — С. 2—9.
2. Лебедев В. А. Конституционное развитие России // Lex russica. — 2018. — № 11 (144). — С. 16—32.
3. Лебедев В. А. Народовладение и публичная власть // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 3. — С. 3—6.
4. Нудненко Л. А. Конституционно-правовой статус Правительства Российской Федерации после поправок 2020 года // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 4. — С. 25—38.
5. Хабриева Т. Я. Конституционные реформы в современном мире. — М. : Норма, 2018. — 368 с.

⁷ Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Российская газета. 11.12.2020.

Роль Президента РФ в реализации принципа доверия

Аннотация. В статье исследуются особенности воплощения конституционного принципа доверия в институте Президента РФ. Рассматриваются функции главы государства. Формулируется вывод о том, главной функцией Президента РФ является обеспечение действия Конституции РФ, ее основополагающих ценностей и принципов. Данная функция имманентно присуща главе Российского государства и направлена на стабильность действия конституционных ценностей и принципов в конституционном строе. Рассмотрены нормативные конструкции, определяющие действия Президента России по соблюдению и защите Конституции РФ как формы реализации принципа доверия.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, статус, функции, полномочия, Конституция РФ, конституционные ценности, принцип доверия, конституционные конструкции, конституционная практика

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.103-111

Svetlana V. VOLODINA,

*Associate Professor of the Department of Constitutional
and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Cand. Sci. (Law)

svvolodina@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The role of the president of the Russian Federation in implementing the principle of trust

Abstract. The article examines the features of the embodiment of the constitutional principle of trust in the institution of the President of the Russian Federation. The functions of the head of state are considered. A conclusion is made that the main function of the President of the Russian Federation is to ensure the operation of the Constitution of the Russian Federation, its fundamental values and principles. This function is immanent in the head of the Russian state and is aimed at the stability of the operation of constitutional values and principles in the constitutional system. The normative structures determining the actions of the President of the Russian Federation to comply with and protect the Constitution of the Russian Federation, as forms of implementing the principle of trust, are considered.

Keywords: President of the Russian Federation, status, functions, powers, Constitution of the Russian Federation, constitutional values, principle of trust, constitutional structures, constitutional practice

Светлана Вячеславовна

ВОЛОДИНА,

доцент кафедры

конституционного

и муниципального права

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических наук

svvolodina@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская,

д. 9

В конституционной организации власти России особое место определено главе государства. В соответствии с ч. 1 ст. 80 Конституции РФ Президент России является главой государства. Исключительность титула и конституционного статуса определяют его ведущее положение в системе публичной власти государства.

Общая научная дискуссия о статусе Президента РФ в основном направлена на характеристику элементов статуса, оценку функций и полномочий¹, при этом критическая направленность дискуссии сводится во многом к проблеме «расширения властных полномочий» Президента РФ и трансформации формы правления².

Принцип разделения властей на три ветви находится в основании осуществления организации власти в каждом правовом государстве³. Аксиоматичной является цель разделения властей — исключить сосредоточение государственной власти в одном органе или одном государственном должностном лице. Для этого система разделения властей предполагает сдержки и противовесы, а также конституционные гарантии самостоятельного независимого осуществления функций властями.

Президент РФ не указан в триаде властей. Конституция наделяет его специальной функцией — обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 80). Президент России обязан обеспечивать не единение властей, а единство в достижении целей государства, решении стоящих перед публичной властью задач. В условиях действия принципа разделения властей на него возложена обязанность не допустить противоборство властей, обеспечить их взаимодействие в рамках конституционно установленной компетенции каждого из органов государственной власти, а также иных органов публичной власти.

В научной литературе указывается ряд исключительных функций, присущих главе государства: координационная, объединительная (интегративная), арбитражная⁴. Более широкий подход в понимании роли Президента РФ предложен

¹ См., например: Окуньков Л. А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. М., 1996 ; Колобаева Н. Е. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007 ; Панов А. А. Президент Российской Федерации как гарант государственного единства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008 ; Кутафин О. Е. Глава государства : монография. М. : Проспект, 2013 ; Глава государства : колл. монография / отв. ред. А. М. Осавельюк. М. : Проспект, 2023.

² См., например: Краснов М. А., Шаблинский И. Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М. : Институт права и публичной политики, 2008 ; Кондрашев А. А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15—25.

³ В статье 10 Конституции РФ закреплено, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

⁴ См., например: Радченко В. И. Президент Российской Федерации в системе разделения властей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 1—2 ; Чиркин В. Е. Глава государства (сравнительно-правовое исследование). М., 2010. С. 31—32.

О. Е. Кутафиным: «Глава государства выступает как символ единства государства и преемственности, арбитр и примиритель в повседневной деятельности государственных органов, как представитель национального единства, обеспечивающий нормальное функционирование государственных институтов»⁵.

Разделяя указанные подходы в выделении функций, осуществляемых Президентом РФ, отметим следующее. Трансформация Российского государства из советской системы к радикально иной системе организации и деятельности государственной власти на основе Конституции РФ сопровождалась глубоким кризисом, конфликтами, включая компетенционные разногласия властей (федеральных, федеральных и субъектов РФ). В то же время происходило усложнение структуры и организации государственной власти. Для выполнения конституционных целей по формированию правового социального государства объективно требовалась координация действий властей, разрешения возникающих конфликтов и интеграция усилий. Реализация главой Российского государства конкретных полномочий, исходя из функций координатора, объединителя и арбитра, во многом позволила осуществить переход к конституционно установленной государственности.

Однако полагаем, что всё же главной функцией главы государства является обеспечение действия Конституции РФ, ее основополагающих ценностей и принципов⁶ на территории России, что проявляется в его статусе гаранта Конституции⁷. Все остальные функции Президента России как арбитра между ветвями власти, координатора, объединителя являются продолжением данной фундаментальной функции, направленной на обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, поддержание гражданского мира и согласия, охрану суверенитета страны, ее независимости и государственной целостности.

При обеспечении действия российской Конституции основной задачей деятельности главы государства является достижение стабильности и полноценного функционирования отдельных органов и ветвей государственной власти, государственного аппарата и различных уровней публичной власти. В целях разрешения спорных ситуаций между различными звенями государственного аппарата Президент РФ имеет право применить согласительные процедуры для преодоления возникших разногласий.

Обратим внимание на новеллу ч. 2 ст. 80 Конституции о поддержании Президентом гражданского мира и согласия в стране, которая появилась в результате принятия Закона о поправке. Появление данного положения, которое воспроизводит конституционную ценность, закрепленную в преамбуле, явилось отражением практики. Президент РФ постоянно находится в диалоге с различными

⁵ Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 6.

⁶ М. А. Краснов полагает, что для главы государства (президента, монарха) основная миссия должна заключаться в том, чтобы быть «главным хранителем конституционного строя». См.: Краснов М. А. Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала президента (окончание) // Государство и право. 2015. № 2. С. 17.

⁷ Данная функция определена следующей нормой: «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации» (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ).

социальными группами (от партий до религиозных конфессий, от представителей бизнеса до непосредственно граждан), участвует в мероприятиях различных социальных страт, проводит встречи с представителями общественных объединений и гражданами. Обязанность поддерживать гражданский мир и согласие означает не только знакомство с умонастроениями, чаяниями и проблемами граждан и социальных групп, но и упреждение опасных тенденций разрастания конфликтных ситуаций в гражданской среде по различным основаниям (социальному, политическому, национальному, религиозному и др.).

Конфликт может быть обусловлен решениями и действиями органов власти — от формально соответствующих Конституции РФ (закону), до неконституционных. Речь идет о конфликте между властью и гражданским обществом. Глава государства имеет право применить закрепленные за ним полномочия для преодоления таких противоречий⁸.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что функция гаранта Конституции имманентно принадлежит Президенту России и направлена на стабильность действия конституционных ценностей и принципов в конституционном строем. В этом смысле Президент является «представителем национального единства», презумируемого преамбулой Конституции РФ⁹.

«Гражданский мир и согласие» как российская конституционная ценность, которую надлежит обеспечивать Президенту РФ, обусловлена принципом доверия. В условиях современного конституционного правопорядка указанный принцип является высшим идеалом, направленным на установление доверия общества и государства на условиях взаимности. Таким образом, осуществление принципа доверия является конституционно закрепленной обязанностью и «генеральной линией» действия Президента РФ. Исходя из этого, принцип доверия должен получить воплощение в правовых конструкциях и структурах, позволяющих Президенту РФ наиболее полно и эффективно реализовать полномочия по обеспечению режима конституционности.

В отечественном конституционном праве Н. В. Витруком предложена концепция «верности Конституции»¹⁰. Концепция направлена на развитие конституционной культуры субъектов, наделенных властными полномочиями. В значительной мере она нацелена на бережное отношение к Конституции РФ, обеспечение ее стабильного действия в том смысле, что в правотворческой и правоприменительной практике должно являться следование конституционным положениям, ценностям и принципам, а в интерпретационной практике Конституционного Суда недопустимо расширительное толкование конституционных норм в следовании

⁸ Примером решения, формально конституционного, но вызвавшего протестные действия граждан, является изменение Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», в силу которого был повышен пенсионный возраст. Объяснению сути этого изменения было посвящено выступление Президента РФ В. В. Путина.

⁹ По мнению С. А. Авакьяна, конституционные и иных полномочия Президента РФ позволяют определить его как «лидера государства и общества» (см.: Авакян С. А. Конституционное право России : учебный курс : учебное пособие : в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; Инфра-М, 2014. Т. 2. С. 340).

¹⁰ Витрук Н. В. Верность Конституции : монография. М. : Изд-во РАП, 2008.

политической конъюнктуре. Одна из основных идей концепции — развитие конституционного правопонимания.

Применительно к Президенту РФ вопрос верности Конституции априори представляется неотъемлемым элементом его работы. Присяга главы государства включает в себя положения о необходимости «соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации» (ч. 1 ст. 82). Отсюда проистекает статус Президента России как «хранителя» как самой Конституции, так и ее принципов и целей. Выступая ценностным ориентиром действий главы государства, Конституция определяет его в качестве гаранта, доверяя ему важнейшую функцию по соблюдению и защите Конституции РФ и конституционного строя.

Таким образом, можно сделать вывод о сложившемся в конституционном праве России институте охраны Конституции, обеспечиваемой главой государства. В пределах указанного института законодательно регламентированы конструкции, из которых проистекают действия российского Президента, направленные на соблюдение и защиту Конституции РФ.

Соблюдение Конституции РФ заключается в актах и действиях главы государства в рамках конституционно (законодательно) закрепленных процедур. Президент России обладает многообразием вариантов действий для решения указанной проблемы, а при отсутствии правовой регламентации или слабой детализации порядка осуществления таких полномочий он должен руководствоваться частью 3 ст. 90 Конституции РФ, исходя из которых его указы и распоряжения не должны противоречить Конституции и федеральным законам¹¹.

Воплощением принципа доверия является наделение главы государства полномочиями по текстальному изменению Конституции России, что в своем постановлении обосновал Конституционный Суд¹². Федеральный законодатель, исходя из мнения судебного органа конституционного контроля, закрепил за Президентом РФ исключительные полномочия по подписанию и обнародованию Закона РФ о поправке к Конституции РФ и другие функции¹³.

Важным полномочием Президента РФ, отвечающим смыслу функции гаранта Конституции, является полномочие контроля в отношении постановления Совета

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П по делу о проверке конституционности ряда правовых актов, принятых в связи с урегулированием вооруженного конфликта в Чеченской Республике // С3 РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

¹² Речь идет о включении в конституционный текст поправок и изменений посредством подписания и официального опубликования актов, принятых в порядке ст. 136 и 137 Конституции РФ. См.: постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1995 № 15-П по делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции РФ // С3 РФ. 1995. № 49. Ст. 4868.

¹³ В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ в Федеральном законе «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» закреплены исключительные полномочия Президента РФ по подписанию, обнародованию Закона РФ о поправке к Конституции РФ, официальному опубликованию Конституции РФ с внесенными в нее поправками, а также с указанием даты вступления соответствующих поправок в силу. См.: Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // С3 РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

Федерации об установлении результатов одобрения законодательными органами субъектов РФ принятого Закона РФ о поправке к Конституции РФ. В случае несогласия с постановлением Совета Федерации Президент вправе обратиться в Верховный Суд РФ с целью его обжалования (ч. 3 ст. 11).

В данном Законе обеспечена полнота следования принципу доверия, которая применительно к аспекту взаимоотношений Президента РФ и иных органов публичной власти должна заключаться не только в его правомочии по оценке содержания акта с позиции конституционности¹⁴, но и в контроле за соблюдением конституционно (законодательно) обусловленной процедуры принятия акта. Это особенно важно в отношении процедуры изменения текста Конституции Российской Федерации.

Особое полномочие Президента РФ, по мнению Конституционного Суда, заключается в изменении Конституции России, а именно ст. 65 в части внесения наименования субъекта РФ, осуществляемого посредством принятия указа¹⁵ на основании решения, принятого данным субъектом РФ. Таким образом, исходя из позиции Конституционного Суда, в вопросе изменения ст. 65 Конституции ввиду изменения наименования субъекта РФ глава государства обладает двумя правомочиями.

Во-первых, главе государства принадлежит полномочие по осуществлению контроля за тем, чтобы новое наименование субъекта РФ отвечало основам конституционного строя России¹⁶.

Во-вторых, при возникновении споров между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектами либо между субъектами РФ по поводу внесения нового наименования в ст. 65 Конституции РФ, Президента РФ вправе использовать согласительные процедуры и другие полномочия, предусмотренные ст. 85. Подтвердив конституционно установленное полномочие, Суд указал

¹⁴ Речь идет о правовой позиции Президента РФ о соответствии или несоответствии нормативного акта Конституции РФ, тогда как итоговое решение о конституционности либо неконституционности акта является исключительным правомочием Конституционного Суда РФ. Это было определено в постановлении Конституционного Суда от 06.04.1998 № 11-П (СЗ РФ. 1998. № 16. Ст. 1879).

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1995 № 15-П по делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации.

¹⁶ Конституционный Суд РФ определил критерии оценки конституционности: новое наименование субъекта РФ не может затрагивать основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, интересы других субъектов Российской Федерации, Российской Федерации в целом и интересы других государств, а также предполагать изменение состава Российской Федерации или конституционно-правового статуса ее субъекта; не должно содержать указания на иную форму правления, чем предусмотренная Конституцией РФ, затрагивать ее государственную целостность, подразумевать или инициировать какие-либо территориальные претензии, противоречить светскому характеру государства и принципу отделения церкви от государства, ущемлять свободу совести, включать противоречащие Конституции РФ идеологические и иные общественно-политические оценки, игнорировать исторические или этнические традиции. См.: постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1995 № 15-П.

на область его применения. Однако ни в вышеуказанном постановлении Конституционного Суда, ни в каком-либо ином нормативном акте не содержится регулирование согласительной процедуры. Ее осуществление, таким образом, остается на усмотрение Президента РФ. Возможны различные варианты: от создания согласительной комиссии до переговоров с участием Президента РФ.

В истории конституционной практики России глава государства уже неоднократно издавал указы о внесении нового наименования субъектов РФ в ст. 65 Конституции РФ (Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Северная Осетия — Алания, Чувашская Республика — Чувашия)¹⁷.

Защита Конституции РФ предполагает активные действия Президента РФ по пресечению нарушений Конституции органами и должностными лицами не только федерального уровня, но и субъектов РФ.

Российская Конституция устанавливает процедуру отмены главой государства постановлений и распоряжений Правительства России при их противоречии Конституции РФ, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента РФ (ч. 3 ст. 115). Так, например, Указом Президента РФ от 25.01.1999 № 111 было отменено Постановление Правительства РФ от 22.10.1998 г. № 1234 «О Правительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству Российской Федерации с иностранными государствами» по основанию противоречия ст. 9 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами», согласно которой к исключительным полномочиям Президента отнесены определение федеральных органов исполнительной власти по координации и контролю в области военно-технического сотрудничества и решению других задач государственного регулирования в этой области, а также создание в случае необходимости консультативных органов по вопросам военно-технического сотрудничества¹⁸.

В рамках защиты Конституции глава государства обладает полномочием по направлению запроса в Конституционный Суд РФ о соответствии Конституции нормативных актов и проектов нормативных актов, определяемых ч. 2 и ч. 5 ст. 125 Конституции РФ. Конституционная реформа 2020 г. также наделила Президента России полномочием по осуществлению превентивного контроля в отношении проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также законов субъектов РФ до их обнародования высшим должностным лицом субъекта РФ. Наделение указанными полномочиями, несомненно, усиливает позиции Президента РФ, расширяет возможности превентивного контроля нормативных правовых актов.

¹⁷ Указ Президента РФ от 09.01.1996 № 20 «О включении новых наименований субъектов Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 152 ; Указ Президента РФ от 10.02.1996 № 173 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 676 ; Указ Президента РФ от 09.06.2001 № 679 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 24. Ст. 2421.

¹⁸ URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2025).

Исходя из статуса гаранта Конституции, Президент наделен правом приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ в случае противоречия этих актов Конституции России и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом (ч. 2 ст. 85 Конституции).

В Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» включена конституционная конструкция, связанная с обязанностью главы государства вынести предупреждение высшему должностному лицу субъекта РФ, если оно не исполнило решение суда о признании изданного им нормативного правового акта неконституционным (незаконным) либо не отменило (не изменило) приостановленный указом Президента РФ нормативный правовой акт этого высшего должностного лица или исполнительного органа субъекта РФ и не обратилось в суд для разрешения спора о конституционности (законности) (ч. 1 ст. 29)¹⁹.

Режим конституционности обеспечивается действиями главы государства. Приостановление действия нормативного правового акта главы или органа исполнительной власти субъекта РФ делается в целях предупреждения возможной ошибки и по своей юридической природе является превентивной мерой, направленной на защиту конституционного строя. В случае, если глава субъекта РФ не исполняет решение суда о признании акта неконституционным (незаконным), Президентом РФ применяются к нему меры конституционной ответственности в виде предупреждения. Неисполнение судебного решения главой субъекта РФ можно рассматривать как направленное против сложившегося конституционного правопорядка. Это, с одной стороны, подрывает авторитет высшего должностного лица субъекта РФ, а с другой — наносит значительный вред публично-правовым отношениям, из чего следует ответственность за виновное нарушение конституционно-правовых норм.

Таким образом, обеспечение действия российской Конституции является основной функцией главы государства. Функция гаранта Конституции имманентно принадлежит Президенту России и направлена на стабильность действия конституционных ценностей и принципов в конституционном строю. Можно сделать вывод о сложившемся в конституционном праве России институте охраны Конституции, обеспечиваемой главой государства. В пределах указанного института законодательно регламентированы конструкции, из которых проис текают действия российского Президента, направленные на соблюдение и защиту Конституции РФ.

¹⁹ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // С3 РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973 ; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6181.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аевакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : учебное пособие : в 2 т. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма ; Инфра-М, 2014. — Т. 2. — 911 с.
2. Витрук Н. В. Верность Конституции : монография — М. : Изд-во РАП, 2008. — 272 с.
3. Глава государства : колл. монография / отв. ред. А. М. Осавелюк. — М. : Проспект, 2023. — 378 с.
4. Колобаева Н. Е. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2007.
5. Кондрашев А. А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 11. — С. 15—25.
6. Краснов М. А. Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала президента // Государство и право. — 2015. — № 2. — С. 5—17.
7. Краснов М. А., Шаблинский И. Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. — М. : Институт права и публичной политики, 2008. — 231 с.
8. Кутафин О. Е. Глава государства : монография. — М. : Проспект, 2013. — 558 с.
9. Окуньков Л. А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. — М. : Инфра-М ; Норма, 1996. — 234 с.
10. Панов А. А. Президент Российской Федерации как гарант государственного единства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
11. Радченко В. И. Президент Российской Федерации в системе разделения властей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1995.
12. Чиркин В. Е. Глава государства (сравнительно-правовое исследование). — М. : Норма, 2010. — 239 с.

**Иван Васильевич
ИВАНОВ,**
доцент кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
sarmat212@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Подлинное представительство (размышления о формировании публичной власти в контексте конституционно-правового правопреемства)

Аннотация. В статье рассматриваются общие вопросы концепции народного представительства в конституционном праве, в том числе для сравнения его понимания в России и странах Западной Европы. Отмечается, что для стран Западной Европы представительство основано на функционировании парламентов, парламентарном режиме и парламентарной демократии в целом. В России же представительство достигается не властью простого большинства, а качественным наполнением представительных органов из граждан, имеющих трудовые и боевые заслуги. Представительство в целом достигается не только функционированием парламента, но и представительным характером всей публичной власти, в том числе посредством опосредованного участия народонаселения в назначении руководителей исполнительной власти, судебной власти через представительные органы. Подлинное представительство органов публичной власти достижимо через прозрачное взаимодействие их с гражданами, доверие между обществом и государством, путем правопреемства лучших практик отечественного государственного строительства прошлого. Для достижения этого концепта предлагаются внесение изменений в действующее законодательство в части совершенствования выдвижения кандидатов в депутаты всех уровней; демократизации формирования органов публичной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: представительство, правопреемство, публичная власть, парламент, гражданин, государство, общество, доверие, человек труда

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.112-120

Ivan V. IVANOV,

Associate professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), associate professor
sarmat212@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

**Genuine representation (reflections on the formation
of public authority in the context
of constitutional and legal succession)**

Abstract. The article examines general issues of the concept of popular representation in constitutional law, including its comparison and understanding in Russia and Western European countries. It is noted that for Western European countries, representation is based on the functioning of parliaments, the parliamentary regime and parliamentary democracy in general. In Russia, representation is achieved not by the power of a simple majority, but by high-quality filling of representative bodies with citizens who have labor and military merits. Representation in general is achieved not only by the functioning of parliament, but also by the representative nature of all public authority, including through indirect participation of the population in the appointment of heads of the executive branch, the judiciary through representative bodies. Genuine representation of public authorities is achievable through transparent interaction with citizens, trust between society and the state, through the succession of the best practices of domestic state building of the past. To achieve this concept, it is proposed to amend the current legislation: improving the nomination of candidates for deputies at all levels; democratization of the formation of public authorities of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: representation, legal succession, public authority, parliament, citizen, state, society, trust, working man

Современные стандарты конституционного права, имеющие всеобщий универсальный характер, признаваемые всеми странами мира, возможно, только с разными оценками в шкале конституционных ценностей, сформировались в конце XVIII — начале XIX в. в Западной Европе: это народный и государственный суверенитет; признание прав личности в различных сферах жизни общества и государства; гарантии защиты этих прав; система сдержек и противовесов органов публичной власти; ограничение публичной власти правами личности; демократический порядок формирования органов публичной власти.

Академик Н. И. Кареев в начале XX в. на основе исследования конституционных режимов Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, США, Франции выделял три основные черты современного конституционного государства: народное

представительство, гражданское равноправие и индивидуальные свободы¹. Он справедливо отмечал, что в истории новейших конституций наблюдается элемент подражания или заимствования, позволяющий говорить о рецепции политических форм извне. Эта историческая преемственность в значительной степени облегчает именно типологическое изучение современного конституционного строя².

Профессор М. М. Ковалевский, рассматривая труды Ж.-Ж. Руссо и генезис формирования его взглядов на лучшие формы государства, государственные учреждения, писал, что мыслитель сопоставлял историческое развитие женевских учреждений и их юридической природы с венецианскими порядками в их преемственном развитии, порядками, представляющими с ними много общего³.

Государственное строительство осуществляется в диалектическом развитии: с одной стороны, оно основано на конституционно-правовом правопреемстве, позволяя сохранить традиции, устои общества, с другой — так или иначе государство осуществляет заимствование норм из международного права, лучшие практики государственного строительства других государств.

Подобное утверждение относится к народному суверенитету и форме его реализации — представительной демократии. Будучи универсальными конституционными ценностями как способом обеспечения участия граждан в управлении делами государства через своих представителей, они все же имеют собственное традиционное понимание в том или ином государстве, основанное на конституционно-правовом правопреемстве.

Западная теория представительной формы правления будет разительным образом отличаться от социалистической теории представительства; российская модель представительной демократии — от американской, стран Азии.

В западноевропейских странах представительство ассоциируется с парламентской формой правления, парламентаризмом, парламентской демократией в целом. Немецкие государствоведы отмечают, что принцип парламентского представительства отличает парламентаризм демократического конституционного государства как от коллегии советников феодального сюзерена или органа корпоративного сословного представительства более позднего периода, так и от представительных корпораций социалистического государства (в виде советов)⁴.

Для отечественной государственно-правовой традиции большинство в самом парламенте, которое обеспечивает народное представительство, должно в своей основе представлять самые широкие слои населения. Возникает вопрос не просто о функционировании представительного органа, а о его качественном содержании, кто будет представлять в нем народонаселение?

¹ Кареев Н. И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторические очерки конституционных учреждений и учений до середины XIX века. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1908. С. 9.

² Кареев Н. И. Указ соч. С. 9—10.

³ Ковалевский М. М. От народного народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его учреждений в истории политических учений : в 3 т. М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1906. Т. 3. С. 241.

⁴ Государственное право Германии / сокр. пер. немец. 7-томного изд. : в 2 т. М. : ИГП РАН. 1994. Т. 1 / отв. ред. Б. Н. Топорнин. С. 44.

В советском государственном праве это достигалось через закрепление права на выдвижение кандидатов в депутаты не только КПСС, но и другими общественными объединениями — профсоюзами, ВЛКСМ, трудовыми коллективами, образовательными учреждениями высшего образования, среднего специального образования, численность которых превышала 3 000 работников и учащихся. Согласно ст. 9 Закона СССР от 06.07.1978 № 7772-IX «О выборах в Верховный Совет СССР»⁵ гражданам СССР и общественным организациям гарантировалось свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты. Право выдвижения кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР принадлежало КПСС, ВЛКСМ, трудовым коллективам, общественным организациям, профсоюзам, кооперативам, собраниям военнослужащих по воинским частям.

Ныне действующее законодательство предусматривает виды выдвижения кандидатов в депутаты: непосредственное выдвижение в форме самовыдвижения и выдвижения избирательным объединением; выдвижение списка кандидатов политической партией (ч. 1—3 ст. 32 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁶ (далее — Закон № 67-ФЗ)).

При этом на выборах депутатов Государственной Думы право выдвижения кандидатов принадлежит не просто избирательному объединению, а только политическим партиям (ст. 6 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁷). Аналогично на выборах иных уровней право выдвижения кандидатов принадлежит только избирательным объединениям в форме политических партий, за исключением выборов на уровне муниципальных образований (местных выборов), что следует из определения «избирательное объединение» в силу п. 25 ст. 2 Закона № 67-ФЗ.

Законодательство субъектов РФ, закрепляя проведение местных выборов, предусматривает право выдвижения кандидатов «иным общественным объединением, устав которого предусматривает участие в выборах и которое создано в форме общественной организации либо общественного движения» (ч. 2 ст. 23 Закона Удмуртской Республики от 16.05.2016 № 33-РЗ «О выборах депутатов представительных органов муниципальных округов и городских округов в Удмуртской Республике»⁸).

Общая картина функционирования системы представительства на высшем уровне в России может быть показана на примере итогов выборов депутатов восьмого созыва Государственной Думы 2021 г. По партийным спискам места были распределены следующим образом: партия «Единая Россия» получила 49,82 % голосов избирателей; КПРФ — 18,9 %; ЛДПР — 7,55 %; «Справедливая Россия — За правду» — 7,46 %; «Новые люди» — 5,32 %. По одномандатным

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 28. Ст. 441.

⁶ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

⁷ СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

⁸ Официальный сайт главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. URL: <http://www.udmurt.ru>, 24.05.2016.

округам получили: «Единая Россия» — 198 мандатов; КПРФ — 9; «Справедливая Россия — За правду» — 8; ЛДПР — 2; Партия «Родина» — 1; «Гражданская платформа — 1; *самовыдвиженцы* — 5⁹.

Анализ действующего законодательства и практики его реализации показывает, что выборы имеют признаки фильтра только профессиональных политиков, такие выборы практически полностью носят партийный характер. Закрепление мажоритарной избирательной системы (непосредственное выдвижение) реализуется партийным образом, когда кандидатов в депутаты выдвигают политические партии. Самовыдвижение носит декларативный характер (1,1 % от общего депутатского корпуса (450) и 2,2 % от числа депутатов, избранных по мажоритарной избирательной системе (225) на выборах депутатов Государственной Думы 2021 г.).

Безусловно, политические партии определяют основной характер деятельности парламентов всех стран мира, являются движущей силой их формирования и функционирования. Однако закрепление мажоритарной избирательной системы все же предполагает формирование внепартийного поля парламента, представительство общественных организаций различных направлений и, конечно же, независимое самовыдвижение кандидатов.

Монополия политических партий из всех организационно-правовых форм общественных объединений на выдвижение кандидатов в депутаты Государственной Думы, законодательных органов субъектов РФ может быть исключена.

Непосредственное самовыдвижение так или иначе требует организационно-материальной поддержки в самом широком смысле, включая финансирование, агитацию, предоставление помещений, оборудования и т.д. За основу может быть взята модель проведения местных выборов, когда избирательные объединения не ограничены только политическими партиями и кандидатов в депутаты могут выдвигать общественные организации, в уставе которых предусмотрено участие в выборах. Возможно не ограничиваться только общественными организациями. К избирательным объединениям могут быть отнесены иные организационно-правовые формы общественных объединений, некоммерческие организации: общественные движения, государственные и частные учреждения. Практика функционирования таких субъектов может показывать, что не исключен административный ресурс и кандидаты в депутаты будут представлены их начальствующим составом. В этом отношении нормы права не могут всецело исключить фактические обстоятельства, которые не сопряжены с демократическими основами. В то же время подобные некоммерческие организации могут конкурировать с политическими партиями, создавать ситуацию дуализма мнений.

Для реализации этих идей необходимо внести изменения в совокупность действующих избирательных законов, закрепив положение, что к избирательным объединениям относятся политические партии и иные некоммерческие организации, в уставе которых предусмотрено их право участвовать в избирательных компаниях, выдвигать кандидатов в представительные органы власти, если эти

⁹ Официальные данные ЦИК РФ (URL: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения: 01.06.2025)).

объединения в поддержку своих кандидатов собрали известное число голосов избирателей (это число может варьироваться в зависимости от уровня выборов).

Реформирование института выдвижения кандидатов в депутаты должно затрагивать и демократизацию самого процесса формирования партийного списка кандидатов посредством института «внутрипартийных выборов» (праймериз), развития его в действующем законодательстве. Предварительные партийные списки кандидатов в депутаты могут обсуждаться в печати, кандидаты на стадии праймериз должны иметь право агитировать в свою поддержку, их биографические данные должны быть открыты и известны неограниченному кругу лиц.

Рассмотрение понятия «представительство» в конституционном праве возможно сквозь призму ч. 2 ст. 3 Конституции России, согласно которой народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В данной статье не указано, что представительство ассоциируется только с выборными органами, буквальное толкование позволяет относить к ним все органы публичной власти. Сама публичная власть как трансляция народного суверенитета должна в той или иной мере основываться на идее представительства. Не все органы публичной власти могут отвечать этому требованию в полном объеме (например, исполнительные органы государственной власти, судебные органы). Но процедура назначения данных лиц может предполагать опосредованное участие в ней народонаселения через своих представителей (депутатов).

Поправки к Конституции России 2020 г. закрепили назначение руководителей федеральных органов исполнительной власти после утверждения Государственной Думой или консультации с Советом Федерации в части «силового блока» этих органов (пп. «д», п. 1» ст. 83 Конституции РФ). Аналогично практику назначения высшими должностными лицами субъектов РФ руководителей исполнительных органов государственной власти соответствующих субъектов Федерации после их утверждения или процедуры консультации с законодательными органами государственной власти этих субъектов возможно закрепить в ст. 8, 25 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹⁰ (далее — Закон № 414-ФЗ).

Полагаем, что в Российской Федерации сложился собственный концепт представительства, который выходит за рамки специального представительного органа — парламента, но предъявляется всей системе органов публичной власти.

Сам же парламент становится подлинным представительным органом при обеспечении такого порядка его формирования, который предполагает доступность к его избранию всех слоев населения, а не только профессиональных политиков, не только обеспечивая права меньшинства. Например, когда простой рабочий, имеющий заслуги за производственные достижения, становится депутатом либо представитель иной профессии (не обязательно из начальствующего состава) входит в состав представительного органа — обеспечивается подлинная связь народа и государства. Главное для такого делегата от народа — наличие у него производственных, профессиональных, военных заслуг, которые признаются

¹⁰ С3 РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

обществом. Во многом это человек труда в той или иной сфере деятельности, герой боевых действий.

Представительство не должно быть оторванным от народонаселения. Известны советские практики выдвижения в кандидаты в депутаты от сельского совета до Верховного Совета СССР и избрания в них тружеников, интеллигенции. Имеются фотоматериалы, показывающие токаря у станка на производстве с табличкой «Депутат Верховного Совета СССР». Зачастую простые школьные учителя с большим трудовым стажем, удостоенные высших государственных наград, становились депутатами Верховного Совета РСФСР¹¹: они жили и трудились в одном социуме с простыми рабочими. К таким людям было доверие со стороны общественности.

В современное время можно усматривать формирование кадрового состава государственного аппарата через призму его приближенности к простым гражданам и наличие у кандидатов для назначения на государственные посты заслуг перед государством.

Публичной властью не один год организуются и проводятся конкурсы «Лидеры России», «Время Героев», цель которых — конкурсный отбор лучших представителей своих профессий для назначения в руководящий состав органов публичной власти от федерального до местного уровней. Президентом России В. В. Путиным относительно проекта «Время Героев» отмечено: «Подлинная, настоящая элита — это все, кто служит России, труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди»¹². Основанием такого представительства может являться в том числе норма Конституции России о «человеке труда», «взаимном доверии государства и общества» (ст. 75.1). Исходя из содержания перечисленных программ, очевидно, что перед государством стоит задача включения ветеранов СВО в государственное управление на всех уровнях публичной власти и достижения таким образом подлинного представительства.

Представительство основано и на наличии обратных связей (гражданин — общество — государство). Практически во всех субъектах РФ последние десять лет функционируют специальные порталы («Наш город» в Москве; «ДоброДел» в Московской области и т.д.), куда можно обратиться по любым вопросам, и в режиме «одного окна» обращение будет направлено в тот или иной орган с обязательным ответом на обращение (отчетом о его рассмотрении). Преимуществом является публичный характер таких порталов — сами обращения граждан и «реакцию» на них властей видят неопределенное число людей.

Таким образом, можно отметить, что смена конституционного строя в 1991 г. в России не привела к изменению правосознания граждан, их запросов на подлинное представительство, отвечающего большей выборности, большей прозрачности при наделении тех или иных должностных лиц полномочиями.

¹¹ Федулин А. А., Иванов И. В., Грабилина А. Л. Народный учитель — Клавдия Георгиевна Архипова. М. : РГУТИС, 2024.

¹² Высшая школа государственного управления // URL: <https://времягероев.рф/?ysclid=mcb3u3lqb420037039> (дата обращения: 11.06.2025).

Полагаем, что при всем своем универсализме институция представительства как функционирование государства на основе власти народа имеет огромную разрыв с теорией и практикой его реализации в России и на Западе. Как отмечено выше, представительство в странах Западной Европы основано на деятельности парламентов, парламентарном режиме, парламентарной демократии. В России же подлинное представительство может заключаться во всенародном прямом или опосредованном участии граждан в формировании всей системы органов публичной власти. Публичная власть представительна сама по себе в этом контексте.

В этой связи в Великобритании классики государственной мысли всегда отмечали превосходство ее конституции в различных аспектах. А. В. Дайси писал, что конституция Англии отличалась многими превосходными качествами, ставившими ее в глазах предков выше всяких подделок, подражаний и пародий, которые за последние сто лет распространялись по всему цивилизованному миру¹³. С превосходством писал об этой конституции другой государствовед Великобритании С. Лоу: «Английская конституция является, пожалуй, самой демократической в мире. Нигде “сouverенный народ” не может, по-видимому, с такой же легкостью осуществлять свою власть; нигде власть этого суверена не ограничена в столь слабой степени»¹⁴.

Превосходные мнения об английской конституции основаны учеными Великобритании прошлого на ее самобытности, отсутствии в ней «подражательства» и ее демократическом характере. Такое внимание к западноевропейской мысли обосновано наличием периода в нашем отечественном конституционном праве, связанном с «подражательством» в организации государства западноевропейским концепциям; отрицании советского опыта государственного строительства.

Именно преемственность, а не «подражательство» является залогом успешного государственного строительства любого государства, тем более в тех положениях, которые всегда имели и имеют поддержку населения, запрос с его стороны. В части революционного движения В. И. Ленин писал, что ни одно такое движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей¹⁵. Полагаем, что преемственность важна для функционирования любых природных и социальных явлений, она — закономерность развития таких явлений, без ее обеспечения происходит гибель биологического или социального организма.

Подлинное представительство в конституционном праве России основано на правопреемстве идеи системы функционирования публичной власти, предполагающей обратные связи между гражданами и государством, прямое и опосредованное участие граждан в формирование всей системы органов публичной власти, а не только законодательных органов власти. Качественная сторона подлинного

¹³ Дайси А. В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской Конституции / пер. с англ. О. В. Полторацкой. 6-е изд. М. : Типогр. т-ва И. Д. Сытина, 1905. С. 4.

¹⁴ Лоу С. Государственный строй Англии / пер. с англ. А. С. Ященко. М. : Типогр. т-ва И. Д. Сытина, 1910. С. 290.

¹⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Политиздат, 1979. Т. 6. С. 124.

представительства обеспечивается не только профессиональными политиками, но и простыми тружениками — человеком труда, гражданами, имеющими боевые (ратные) заслуги перед Отечеством.

Для достижения большей степени подлинного представительства выше нами были предложено внесение изменений в Закон № 67-ФЗ и Закон № 414-ФЗ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Государственное право Германии / сокр. пер. немец. 7-томного изд. : в 2 т. — М. : ИГП РАН, 1994. — Т. 1 / отв. ред. Б. Н. Топорнин. — 311 с.
2. Дайси А. В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / пер. с англ. О. В. Полторацкой. — 6-е изд. — М. : Типогр. т-ва И. Д. Сытина, 1905. — 658 с.
3. Кареев Н. И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторические очерки конституционных учреждений и учений до середины XIX века. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1908. — 496 с.
4. Ковалевский М. М. От народного народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его учреждений в истории политических учений : в 3 т. — М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1906. — Т. 3. — 520 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. — 5-е изд. — М. : Политиздат, 1979. — Т. 6. — 619 с.
6. Лоу С. Государственный строй Англии / пер. с англ. А. С. Ященко. — М. : Типогр. т-ва И. Д. Сытина, 1910. — 446 с.
7. Федулин А. А., Иванов И. В., Грабилина А. Л. Народный учитель — Клавдия Георгиевна Архипова. — М. : РГУТИС, 2024. — 111 с.

Приоритеты государственной политики в векторе конституционной поправки

Конституционализация экспериментальных правовых режимов в новом конституционном цикле Российской Федерации¹

Светлана Николаевна
МАКСИМОВА,
доцент кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
snmaksimova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Аннотация. В статье исследуется экспериментальное правовое регулирование общественных отношений во внутригосударственном и зарубежном измерениях. Показано, что в новом конституционном цикле России необходимо исследовать экспериментальные правовые режимы через призму эксплицитных (закрепленных в положениях Конституции РФ) и имплицитных (не закрепленных, но вытекающих из смысла положений Конституции) конституционных принципов. Подчеркивается, что конституционализация экспериментальных правовых режимов определяет современный проактивный подход государства к достижению технологического суверенитета в векторе расширения возможностей для реализации конституционных прав и свобод. Обосновывается вывод о необходимости поиска баланса между внедрением важнейших наукоемких технологий и соблюдением конституционной допустимости и законности специального регулирования в рамках установления новых правил взаимоотношений между личностью, обществом и государством.

Ключевые слова: конституционализация, экспериментальные правовые режимы, общее и специальное регулирование, цифровые инновации, важнейшие наукоемкие технологии, искусственный интеллект, эксплицитные конституционные принципы, имплицитные конституционные принципы, конституционные права и свободы, конституционные и избирательные правоотношения

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.121-128

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Svetlana N. MAKSIMOVA,

Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
snmaksimova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Constitutionalization of experimental legal regimes in the new constitutional cycle of the Russian Federation

Abstract. The article examines the experimental legal regulation of public relations in domestic and foreign dimensions. It is shown that in the new constitutional cycle of Russia it is necessary to explore experimental legal regimes through the prism of explicit (enshrined in the provisions of the Constitution of the Russian Federation) and implicit (not enshrined, but arising from the meaning of the provisions of the Constitution of the Russian Federation) constitutional principles. It is emphasized that the constitutionalization of experimental legal regimes determines the modern proactive approach of the state to achieving technological sovereignty in the vector of expanding opportunities for the realization of constitutional rights and freedoms. The conclusion is substantiated about the need to find a balance between the introduction of the most important high-tech technologies and compliance with the constitutional admissibility and legality of special regulation within the framework of establishing new rules for relations between the person, society and the state.

Keywords: constitutionalization, experimental legal regimes, general and special regulation, digital innovation, the most important high-tech technologies, artificial intelligence, explicit constitutional principles, implicit constitutional principles, constitutional rights and freedoms, constitutional and electoral legal relations

Эволюция взаимоотношений между личностью, обществом и государством в условиях цифровой трансформации государства обуславливает формирование правовой синergии между внедрением важнейших научноемких технологий, включая технологии искусственного интеллекта, в процесс реализации конституционных прав и свобод² и их институционализацией в рамках механизмов конституционно-правового развития Российской Федерации³.

В межгосударственном измерении экспериментальное правовое регулирование определяется как «регуляторная песочница» для внедрения инноваций, в случае успешного апробирования оно может трансформироваться в общее

² См.: Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб. : Конституционный Суд РФ, 2024.

³ См.: Хабриева Т. Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 7. С. 609—622.

регулирование для обеспечения конвергентного подхода к социально-экономическому, политическому, правовому развитию государства⁴.

В национальном измерении во исполнение задачи создания механизма регулирования экспериментальных правовых режимов федеральный законодатель принял Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁵. Согласно п. 1 ст. 2 данного Закона подобный режим предполагает применение в отношении его участников в течение определенного периода специального регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций. Специальное регулирование отличается от общего тем, что устанавливается в соответствии с программой экспериментального правового регулирования, утверждаемой актом Правительства РФ или Банка России.

Таким образом, конституционная реформа 2020 и национальный подход в вопросе обеспечения технологического суверенитета Российского государства запустили новый правовой цикл комплексного реформирования законодательства в области внедрения экспериментальным правовых режимов в сферу публичных отношений.

Вместе с тем предпосылки появления подобных законодательных новелл в области экспериментального правового регулирования были заложены ранее. Так, в сентябре 2018 г. в Государственную Думу был внесен законопроект о проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан⁶. Законопроект был разработан во исполнение Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁷ и предусматривал передачу информации о продажах в налоговые органы Российской Федерации в автоматическом режиме.

На основании Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»⁸ (далее — Федеральный закон № 422-ФЗ) данный режим устанавливался в обозначенных четырех субъектах РФ на 10 лет и предполагал взаимодействие с налоговыми органами через мобильное приложение «Мой налог». Как преимущество предлагаемого налогового режима, налогоплательщику предоставлялся налоговый вычет на развитие в размере 10 тыс. рублей для оплаты части сумм исчисленного налога.

В дальнейшем перечень субъектов РФ, в которых устанавливался подобный режим, посредством изменения ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 422-ФЗ был

⁴ International Bank for Reconstruction and Development. Global Experiences from Regulatory Sandboxes // Finance, Competitiveness & Innovation Global Practice Fintech Note. 2021. Р. 34.

⁵ С3 РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

⁶ Законопроект № 551845-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/551845-7> (дата обращения: 05.05.2025).

⁷ С3 РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

⁸ С3 РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

расширен⁹, а с апреля 2020 г. повсеместное введение в действие подобного режима стало возможным на основании законов субъектов РФ¹⁰, что отвечает конституционному принципу разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным и региональным уровнями. Кроме того, подобный режим расширяет возможности физических лиц для исполнения конституционной обязанности по уплате установленных налоговых, закрепленной в ст. 57 Конституции РФ.

Еще одним примером специального регулирования, появившегося до конституционной реформы 2020 г., является проведение в качестве эксперимента дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в трех избирательных округах на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва в целях внедрения в избирательный процесс современных технологий. В рамках реализации данного эксперимента был принят Федеральный закон от 29.05.2019 № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»¹¹, а также соответствующий Закон г. Москвы¹².

В отличие от традиционного голосования, избиратель в заявительном порядке мог проголосовать дистанционно с помощью специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг г. Москвы, без использования бюллетеня на бумажном носителе. Подобный эксперимент создавал дополнительные условия и гарантии реализации избирательных прав граждан, закрепленных в ст. 32 Конституции РФ. Однако, согласно принципу оценки результатов (*ex post*), эксперимент обусловил необходимость построения доверенной и надежной системы ДЭГ во обеспечение конституционных принципов тайного голосования и достоверности результатов выборов.

В дальнейшем подобный эксперимент проводился в рамках Общероссийского голосования по вопросу одобрения конституционной поправки 2020 г. и на выборах с 2021 г. по настоящее время. География охвата составила 30 субъектов РФ, где применялась федеральная платформа ДЭГ в избирательных кампаниях различных уровней¹³. По итогу в рамках нового конституционного цикла Российской Федерации в условиях появления новых демократических образцов и цифровизации общественных отношений порядок проведения ДЭГ в марте 2022 г.¹⁴

⁹ СЗ РФ. 2019. № 50. Ст. 7201 ; СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2031.

¹⁰ См.: Закон Иркутской области от 29.05.2020 № 45-ОЗ «О введении в действие специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” на территории Иркутской области // Областная. 10.06.2020.

¹¹ СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2659.

¹² Закон г. Москвы от 22.05.2019 № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 30.05.2019.

¹³ Госуслуги ДЭГ // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/activity/gosuslugi/gosuslugi-deg> (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁴ Федеральный закон от 14.03.2022 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022 № 12. Ст. 1787.

был имплементирован в акт общего регулирования — Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ст. 64.1)¹⁵.

Кроме того, во исполнение Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердившего Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.¹⁶, законодателем был принят Федеральный закон в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта г. Москве, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений¹⁷.

В рамках данного законодательного решения видится, что расширение каталога цифровых инноваций проявляется как в части дополнительных способов реализации и защиты конституционных прав и свобод, так и в трансформации государственно-частного взаимодействия, где все более весомую роль приобретают технологические решения на базе искусственного интеллекта, автоматизированных систем и нейроинтерфейсов. Для эффективного внедрения важнейших научноемких технологий в заявленную плоскость требуется гибкость правовой системы и ее способность интегрировать инновации в условиях обеспечения фундаментальных принципов конституционного строя Российской Федерации.

Подобные регуляторные возможности обеспечивают возможность внедрения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями программных продуктов, основанных на технологиях искусственного интеллекта, в том числе в рамках организации проектов государственно-частного партнерства, например, при использовании беспилотного грузового транспорта на дорогах общего пользования через взаимодействие частных логистических компаний и Государственной компании «Автодор» в рамках конституционного права на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Следует отметить, что нормативные положения, затрагивающие государственно-частное партнерство, проверялись ранее Конституционным Судом РФ на конституционность. Так, высший судебный орган конституционного контроля в своем решении о делегировании прав юридическим лицам при введении по системе «Платон» платы с грузовиков за вред, причиняемый автомобильным дорогам, постановил, что привлечение частных инвестиций под публичные задачи с условием передачи ряда правомочий является конституционно допустимым¹⁸.

¹⁵ С3 РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

¹⁶ С3 РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁷ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // С3 РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.05.2016 № 14-П по делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», постановления

Иными словами, позиция Конституционного Суда основывается на идее благотворного влияния концессионных соглашений и государственно-частного партнерства на сферу публичных отношений, что как раз прослеживается в рамках экспериментальных правовых режимов, современная реализация которых отражает их основную задачу — появление новых возможностей для реализации конституционных прав и свобод. Однако нельзя не согласиться с Г. А. Гаджиевым, который в своем особом мнении в рамках данного дела обратил внимание на то, что частные лица при реализации публичных полномочий не могут принимать нормативные акты, в отличие от органов публичной власти, иное нарушало бы конституционный баланс возложения государственных функций на субъектов частного права.

Учитывая обозначенные предпосылки появления специального регулирования, в новом конституционном цикле научно-технологическое развитие государства должно основываться на балансе между внедрением новых видов научных разработок и соблюдением законности их применения при изъятии отдельных требований законодательства. На настоящем этапе обеспечение данного баланса возможно через конституционализацию экспериментальных правовых режимов как обязательного условия легитимности введения механизма апробирования специального правового регулирования.

В рамках конституционализации экспериментальных правовых режимов первоочередным является вопрос о соответствии подобных режимов эксплицитным (закрепленным в Конституции РФ) и имплицитным (не закрепленным в Конституции РФ, но производным от духа и буквы актам высшей юридической силы) конституционным принципам, определяющим конституционную допустимость специального регулирования и пределы изъятий из общего регулирования.

Надо отметить, что некоторые зарубежные исследователи, рассматривая вопрос о конституционализации экспериментальных правовых режимов, их правовой природе, определяют подобные режимы как правовые анклавы (*legal enclaves*), действующие вне общего правового режима, и критически оценивают слабость институционального контроля и неустойчивость правового положения участников таких режимов¹⁹. Вместе с тем опыт конституционно-правового регулирования экспериментальных правовых режимов в некоторых государствах (например, Art. 37-1, *Constitution de la République française*, 1958²⁰) иллюстрирует

Правительства Российской Федерации «О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн» и статьи 12.21.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // СЗ РФ. 2016. № 24. Ст. 3602.

¹⁹ Philipsen S., Stamhuis E. F., Jong M. Legal Enclaves as a Test Environment for Innovative Products: Towards Legally Resilient Experimentation Policies // Regulation & Governance. 2021. No. 15 (4). P. 1128—1143.

²⁰ Constitution de la République française 1958 // URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

возможность гибкого и управляемого экспериментального правового регулирования. Так, конституционное закрепление специального регулирования во Франции стало основой для принятия законодательных положений о расширении возможностей телемедицины в рамках цифровизации системы здравоохранения, особенно в условиях пандемии COVID-19²¹.

В Конституции РФ нет аналогичных французской конституционной модели положений об экспериментальных правовых режимах. Однако подобные режимы должны соответствовать следующим эксплицитным конституционным принципам: верховенства Конституции РФ и федерального законодательства (ч. 2 ст. 4); разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов (ч. 3 ст. 5, ст. 71, 72, 73); высшей юридической силы Конституции РФ (ч. 1 ст. 15); гарантированности и равенства прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 17, ст. 19); конституционной допустимости ограничения прав и свобод (ст. 55); устойчивого экономического роста и благосостояния; взаимного доверия государства и общества (ст. 75.1).

Кроме того, процесс внедрения и апробации экспериментальных правовых режимов должен соответствовать имплицитным конституционным принципам: правовой определенности, пропорциональности, баланса публичных и частных интересов.

Важность конституционализации экспериментальных правовых режимов подтверждается их влиянием на трансформацию способов реализации конституционных прав и свобод. Так, в рамках режима «Беспилотные авиационные системы» возможно использование беспилотных летательных аппаратов для доставки избирательных бюллетеней в труднодоступные и отдаленные местности, что обеспечивает реализацию конституционного права избирать и быть избранным. К примеру, в феврале 2024 г. экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем был установлен в Ненецком автономном округе на трехлетний период²². Применительно к теме данного исследования отметим, что беспилотные летательные аппараты были использованы на выборах в сентябре 2024 г. для доставки груза — избирательных бюллетеней в с. Тельвиска и д. Макарово Заполярного района Ненецкого автономного округа²³.

В свою очередь, еще один экспериментальный правовой режим —«Персональные медицинские работники» — влияет на реализацию конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь. В рамках данного режима

²¹ Loi n° 2019-774 du 24 juillet 2019 relative à l'organisation et à la transformation du système de santé // Journal officiel de la République française. 2019. 26 juillet. Texte n°2.

²² Постановление Правительства Российской Федерации от 02.02.2024 № 100 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Ненецком автономном округе» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 07.02.2024.

²³ В глубинку НАО бюллетени доставили на дронах // URL: <https://rg.ru/amp/2024/09/03/reg-szfo-s-neba-upali.html> (дата обращения: 03.05.2025).

осуществляется дистанционное наблюдение за пациентами с такими диагнозами, как сахарный диабет, артериальная гипертензия, гипертензивные расстройства во время беременности. Введение подобного режима своевременно и синхронно появлению подобной практики в зарубежных государствах (например, конституционно-правовой подход Франции по данному вопросу освещался выше).

Надо отметить, что перечень приведенных примеров экспериментальных правовых режимов далеко не исчерпывающий. На настоящем этапе технологического развития государства перечень подобных режимов, согласно данным Реестра, постоянно расширяется по видам, кругу участвующих субъектов РФ, применяемым технологиям. Вместе с тем проактивное развитие цифровых инноваций свидетельствует в пользу необходимости поиска баланса между технологическим прогрессом и его конституционализацией во обеспечение основ конституционного строя, благосостояния, взаимного доверия государства и общества²⁴.

Подобный подход обуславливает проведение дальнейших исследований о развитии экспериментального правового регулирования векторе эксплицитных и имплицитных конституционных принципов, определяющих конституционную допустимость подобных режимов и пределы изъятий из нормативного правового регулирования, рассчитанного на многократное применение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. В глубинку НАО бюллетени доставили на дронах // URL: <https://rg.ru/amp/2024/09/03/reg-szfo/s-neba-upali.html> (дата обращения: 03.05.2025).
2. Госуслуги ДЭГ // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. — URL: <https://digital.gov.ru/activity/gosuslugi/gosuslugi-deg> (дата обращения: 05.05.2025).
3. Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. — СПб. : Конституционный Суд РФ, 2024. — 352 с.
4. Клишас А. А. Цифровизация и конституционно-правовое регулирование: теоретико-правовое осмысление // Журнал конституционного правосудия. — 2023. — № 4. — С. 9—15.
5. Хабриева Т. Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. — 2024. — Т. 94. — № 7. — С. 609—622.
6. International Bank for Reconstruction and Development. Global Experiences from Regulatory Sandboxes // Finance, Competitiveness & Innovation Global Practice Fintech Note. — 2021. — 73 р.
7. Philipsen S., Stamhuis E. F., Jong M. Legal Enclaves as a Test Environment for Innovative Products: Towards Legally Resilient Experimentation Policies // Regulation & Governance. — 2021. — No. 15 (4). — P. 1128—1143.

²⁴ Клишас А. А. Цифровизация и конституционно-правовое регулирование: теоретико-правовое осмысление // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 4. С. 9.

Народовластие и народный суверенитет в российском и зарубежном конституционном праве

Аннотация. В статье исследуются сущность и правовое содержание народовластия и народного суверенитета в конституционном праве России и зарубежных государств. Конституционный принцип народовластия как правовая концепция, в которой взаимосвязанными компонентами являются политика и закон, является основой легитимации государственной власти и конституционного строя с момента их формирования. Народный суверенитет является фундаментальной основой современных демократических государств, закрепляя верховенство власти народа как источника легитимности политического управления. Исследуется соотношение представительной и непосредственной демократии, а также механизмы их реализации через избирательные процедуры, референдумы и системы общественного контроля. Выявляются общие тенденции и национальные особенности закрепления народовластия и народного суверенитета в конституционно-правовых системах различных государств. Обосновывается вывод о критической роли взаимодействия гражданского общества и публичных институтов в процессе реализации принципа народовластия как фундаментальной основы конституционного порядка.

Ключевые слова: конституция, конституционное право, конституционные принципы, народовластие, народный суверенитет, национальный суверенитет, зарубежные страны, демократическое государство, политическое управление

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.129-137

**Наталья Васильевна
ДОРОДОНОВА,**
доцент кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
nvdorodanova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Natalia V. DORODONOVA,

Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate professor
nvdorodonova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The people power and popular sovereignty in domestic and foreign constitutional law

Abstract. The article examines the essence and legal content of the principle of people power in the constitutional law of Russia and foreign states. The constitutional principle of popular sovereignty as a legal concept, in which the interrelated components are politics and law, is the basis of legitimization of state power and constitutional order from the moment of their formation. This principle is the fundamental basis of modern democratic states, enshrining the supremacy of the power of the people as a source of legitimacy of political governance. The analysis focuses on the correlation of representative and direct democracy, as well as the mechanisms of their realization through electoral procedures, referendums and systems of public control. The general tendencies and national peculiarities of the consolidation of people power and popular sovereignty in the constitutional-legal systems of different states are revealed. The conclusion about the critical role of interaction between civil society and public institutions in the process of realization of the people power as a fundamental basis of constitutional order is substantiated.

Keywords: constitution, constitutional law, constitutional principles, people power, popular sovereignty, national sovereignty, foreign countries, democratic state, political governance

В науке конституционного права существует большой спектр разнообразных взглядов относительно закономерности развития народовластия. Демократия в переводе с греческого языка означает народовладение. Государство как политическое единство народа — это не просто гипотеза. Государство возникает в результате исторического процесса. Единство не основывается на какой-то абстрактной идее; это практическое выражение относительной однородности народа. Точно так же, как концепция государства предполагает концепцию политического, так и концепция конституции предполагает государство.

Принцип народовластия является фундаментальной основой современного конституционного права, отражая демократическую природу государственного устройства. В демократической системе гражданин претендует на право первоначального носителя власти: власть принадлежит народу. Это постоянная тема современной конституционной мысли, которая прослеживается от американской и французской революций конца XVIII в. Данный принцип закреплен в большинстве конституций мира, однако его конкретные формы и механизмы реализации зависят от исторических, политических и правовых традиций каждого государства.

С позиции отечественной конституционно-правовой науки народовластие означает такой вид самоорганизации общества, при котором вся полнота власти принадлежит народу. Демократический характер Российского государства выражается в ст. 3 Конституции РФ: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»¹. Согласимся с мнением И. Г. Дудко, что конституция имеет способность выступать ядром политической системы². Так, Е. И. Козлова считала, что «значимые в правовом аспекте формы выражения воли народа ограничиваются теми сферами общественных отношений, в которых она себя проявляет, и теми социальными функциями, которые свойственны различным формам проявления воли народа в качестве регулятора общественных отношений»³. Народовластие, народный суверенитет, как отмечает В. В. Комарова, являются общепризнанными конституционными ценностями⁴.

В части 2 ст. 3 Конституции РФ подчеркивается, что народ осуществляет свою власть в форме представительной демократии через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В. В. Комарова отмечает, что «народовластие составляет основу конституционного строя России. Конституционное право на управление делами государства, на местное самоуправление, являясь, с одной стороны, субъективным правом, с другой — корреспондирует органам публичной власти обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, гарантировать их осуществление, и составляет в совокупности один из механизмов реализации демократизма российской государственности»⁵.

С. А. Авакьян пишет, что «народный суверенитет — это народовластие, принадлежность народу всей власти в обществе и государстве... В конце концов изначально демократия и означает власть народа, а суверенитет позволяет придать этой власти такое качество, как верховенство — ничего нет и не может быть выше власти народа»⁶.

Очевидно, что демократическая сущность Российского государства проявляется в признании многонационального народа единственным источником власти,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.25.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

² Дудко И. Г. К вопросу об авторитетности Конституции Российской Федерации // Lex russica. 2018. № 11 (144). С. 93.

³ См.: Козлова Е. И. Воля советского народа // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 19—25 ; Козлова Е. И. Эволюция концептуальных основ народовластия в РФ // Народовластие и права человека : материалы IV Международной научно-практической конференции, проведенной Российской академией правосудия совместно с Северо-Кавказским институтом — филиалом РАНХиГС при Президенте РФ 19—22 октября 2012 г. М. : РАП, 2012. С. 51—55.

⁴ Комарова В. В. Демократия через призму конституционных ценностей // Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации. М., 2021. С. 14.

⁵ Комарова В. В. Указ. соч. С. 14.

⁶ Авакьян С. А. Точка отсчета — народ // Российская газета. 26.10.2006.

что отражает как универсальные принципы народного суверенитета, так и специфику российской федеративной и полигэтнической модели государственности.

В зарубежной конституционной науке многочисленные концепции народовластвия сталкиваются как на практическом, так и на теоретическом уровне. Данное явление возникает, когда различные институты формируют разные взгляды на толкование принципа народовластвия, как, например, в случае с конституционными судами, оценивающими законность результатов референдума, или в случае, когда система, в которой парламент является ключевым местом для выражения народной воли, требует проведения референдума.

Что считать верным выражением власти народа в таких случаях — решение, зафиксированное в конституции, решение, принятое парламентом, или ответ народа на вопрос «да» или «нет»? Первые два варианта предполагают, что принцип народовластвия выражается либо через конституционный документ, либо через представительный орган. Третий же вариант основан на идее, что народная воля совпадает с прямым выражением индивидуальных предпочтений народа.

Подобного рода сложности в толковании принципа народовластвия не только проявляются на институциональном уровне, но также отражаются в теоретических дискуссиях. В конституционной науке ученые обращаются к принципу народовластвия через различные концепции, например, через различные варианты суверенитета — национального, народного или парламентского⁷. Действительно, использование концепций народного и национального суверенитета не всегда последовательно и может быть противоречивым.

Однако важно понимать, что оба этих понятия связаны с автономией и самоопределением народа. Принцип народного суверенитета предполагает, что власть и право принимать решения находятся в руках народа. Это означает, что граждане имеют право выбирать своих представителей, участвовать в принятии решений и контролировать деятельность правительства. В этом контексте народный суверенитет может быть использован для защиты парламентских решений или референдумов, которые отражают волю народа. В то же время концепция национального суверенитета подчеркивает независимость государства и его право осуществлять свою волю без внешнего вмешательства.

В контексте международных отношений национальный суверенитет может использоваться для защиты независимости государства от внешних влияний. Однако это может противоречить принципу народного суверенитета, если решения государства нарушают волю народа. Таким образом, использование концепций народного и национального суверенитета может быть неоднозначным. Важно учитывать принципы демократии и уважать волю и права народа при применении этих концепций.

Необходимо отметить, что масштаб и сложность конструкции современного государства делают практически невозможным непосредственное участие граждан во всех процессах принятия решений. Подобного рода представительство в решающей степени подкрепляется свободными и справедливыми выборами. Несмотря на существующие различия в организации избирательных систем отдельных государств, их фундаментальные принципы остаются неизменными:

⁷ См., например: Rubinelli L. Constituent Power: A History. New York, 2020.

всеобщность и равенство избирательных прав, равный доступ граждан к избираемым должностям, а также наличие независимого институционального контроля за процессом голосования⁸.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что теория представительной демократии влечет за собой пересмотр современной концепции народного суверенитета, которая бросает вызов монополии воли и физического присутствия в определении и практике политической свободы. Это, возможно, знаменует конец политики «да — нет» и начало политики как открытой арены оспариваемых мнений и постоянно пересматриваемых решений, что усиливает значение самого политического присутствия, поскольку оно делает голос гражданина более активным и согласованным.

В XIX — начале XX в. право на участие в общественных делах приобреталось, как правило, после длительной, а иногда и жесткой политической борьбы. В течение XX в. также были разработаны или популяризированы новые формы общественного участия, такие как пропорциональные избирательные системы и механизмы народовластия. Аналогичным образом в течение XX в. положения о правах в новых конституциях, как правило, становились: во-первых, более широкими, поскольку экономические, социальные, культурные и экологические права все чаще признавались в дополнение к основным гражданским правам, закрепленным в более ранних текстах; во-вторых, более непосредственно исполняемыми, с расширением роли независимых судебных органов в отстаивании данных прав.

Следует отметить, что установить демократический конституционный порядок достаточно непросто, и на протяжении всей истории лишь немногим государствам удавалось добиться успеха. Принятие первых конституционных документов, по мнению О. Е. Кутафина, являлось значимым событием конституционного развития, позволившим предоставить определенные гражданские права и установить ограничения власти монарха⁹. При определении понятия современного конституционализма правоведы выделяют два основополагающих конституционных принципа: принцип представительного правления, позволяющий гражданам участвовать в общественных делах и привлекать правительство к ответственности, и принцип защиты прав, благодаря которому граждане защищены от злоупотребления властью.

Отдельным актуальным вопросом в зарубежной конституционно-правовой науке стоит вопрос современной концепции «учредительной» власти, находящейся на стыке юридической науки, которая проявляется только с созданием современного института государства и помогает определить природу конституционной формы, принимаемой политическим режимом. Ее основная функция заключается в том, чтобы определить через конституционную доктрину конечный источник власти в государстве. Современные теоретики конституционного права

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ВЕКТОРЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛЯРНЫХ

⁸ Дородонова Н. В. Конституционные трансформации в условиях нового геополитического мироустройства // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы : сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции) : в 3 ч. Москва, 8—12 апреля 2024 г. М., 2024. — С. 289.

⁹ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 150.

иногда используют фразу «учредительная власть» народа в разных смыслах. Она может означать, что народ является носителем учредительной власти или, что народ осуществляет учредительную власть, или и то, и другое.

В своем анализе средств, с помощью которых приобретается власть, М. Вебер предположил, что существуют три основных источника легитимности власти: харизматический, предполагающий преданность образцовому или «божественному» поведению лидера; традиционный, связанный с принятием власти согласно обычаям; рациональный (демократический), предполагающий веру в легальный (законный) характер полномочий лидера на издание законов¹⁰. Конституционная власть проистекает из появления третьего источника — рационального и представляет собой современную концепцию легитимности власти.

Данная концепция возникла в эпоху Просвещения в результате секуляризирующего и рационализаторского движения европейской мысли XVIII в., она основывается на двух условиях: во-первых, на признании того, что конечным источником власти является единая общность — «народ», во-вторых, на принятии идеи конституции как созидающего начала. Концепция вступает в свои права только в тот момент, когда конституция понимается как юридический инструмент, авторитет которого вытекает из принципа самоопределения¹¹. В частности, конституция является выражением конституционной власти народа создавать и реконструировать институциональные механизмы, посредством которых он управляет.

По крайней мере со времен Французской революции XVIII в. идея представительной власти использовалась для обозначения власти, которой обладает народ для создания юридически-политических порядков. Согласимся с мнением О. С. Рыбаковой, что «великие завоевания эпохи Просвещения уже в те периоды развития человечества были связаны с пониманием необходимости предоставления всем членам общества основ правовых знаний, представлений о праве»¹².

Таким образом, представительная власть тесно связана с конституционным принципом народовластия, представляет собой процесс создания и установления основного закона государства, а конституционная власть — сама система государственного устройства, определенная в конституции. Оба этих понятия неразрывно связаны с принципом народовластия и предполагают, что источник власти и нормативности проистекает из воли народа.

По своей сути легитимность современных государств заключается в том, что «построены они на основе принципа, согласно которому власть принадлежит народу и проистекает из его воли. Это становится очевидным на уровне государственного устройства, так как была проделана огромная работа по определению конкретных отношений, которые связывают конституционное государство с

¹⁰ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 635.

¹¹ См., например: Böckenförde M. A practical guide to constitution building: the design of the legislature. Stockholm, 2011. P. 5—7.

¹² Рыбакова О. С. Право граждан на бесплатную юридическую помощь в системе конституционных ценностей Российской Федерации // Вестник МГПУ. Серия : Юридические науки. 2020. № 3 (39). С. 56.

принципом народовластия»¹³. Кроме того, легитимность определенных институтов, таких как парламент, конституционные суды, референдумы, законодательные органы, зависит от соответствия принципу народовластия.

С иной точки зрения, для того чтобы существовало верховенство права, должен существовать некий правовой механизм, подтверждающий действительность коллективных решений как закона¹⁴. Поскольку данные механизмы состоят из определенных социальных практик среди представителей публичной власти, представляется, что юридическая сила норм определяется процедурами, которые в конечном итоге находятся за пределами досягаемости юридических полномочий, осуществляемых народом и его представителями. Верховенство закона неизбежно налагает ограничения на власть народа.

Следовательно, для того чтобы существовало верховенство закона, в отличие от народовластия, должны существовать процедуры, посредством которых юридическая сила придается решениям, принимаемым правительствами и избранными представителями. Принятые законы не являются самостоятельными, так как для того, чтобы решение стало действительным юридическим предписанием, оно должно быть санкционировано правовой системой.

Нельзя не сказать, что принцип «народовластия» не имеет определенного значения в зарубежной конституционной науке. В этой связи в зависимости от толкования термина некоторые институты могут быть признаны полностью легитимными, а другие — нет. По мнению зарубежных теоретиков, концептуальная и историческая специфика идеи представительной власти заключается в особом способе толкования принципа народовластия, который «связывает его осуществление с фундаментальными институтами современного государства»¹⁵. Народный суверенитет, понимаемый таким образом, несовместим с основными условиями правовой системы. В случае оценки легитимности данных институтов с точки зрения идеи представительной власти, необходимо отметить, что «некоторые институты укрепляются в своей связи с принципом народовластия (конституционные суды и законодательные органы), в то время как иные требуют тщательного изучения их функций в рамках конституционного государства (референдумы)»¹⁶.

Подводя итог, следует отметить, что принцип народовластия составляет общепризнанную основу конституционного строя, выступая важнейшим критерием легитимности и демократической природы публичной власти. Несмотря на единую концептуальную основу, закрепленную в конституциях различных государств, практическое воплощение данного принципа демонстрирует существенные различия, обусловленные особенностями национального государственно-правового развития, историческими традициями и спецификой политической культуры.

¹³ Colon-Rios J. I., Haustein E. M., Lokdam H., Pasquino P., Rubinelli L., Selinger W. Constituent power and its institutions // Contemporary Political Theory. 2021. No. 20(4). P. 936.

¹⁴ Pitkin H. F. The Concept of Representation. Berkeley, 1967. P. 39.

¹⁵ См.: But J. J., Jongkind D. K., Voermans W. J. M. Direct democracy in the constitution: good or bad for democracy? // The Theory and Practice of Legislation. 2023. No. 11 (1). P. 64.

¹⁶ Urbinati N. Representation as Advocacy: A Study of Democratic Deliberation // Political Theory. 2000. Vol. 28. No. 6. P. 758.

В российском конституционном праве принцип народовластия тесно связан с идеей суверенитета и единства власти, тогда как в зарубежных странах может приобретать более децентрализованные формы. Тем не менее во всех случаях он служит основой легитимности власти и гарантией демократического характера государства.

Таким образом, в связи с тем, что основой власти Российской Федерации, ее институтов признан народ как единая общность, участие органов публичной власти и гражданского общества в управлении государственными и общественными делами является важнейшим для осуществления всех будущих преобразований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Точка отсчета — народ // Российская газета. — 26.10.2006.
2. Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. — 808 с.
3. Дородонова Н. В. Конституционные трансформации в условиях нового геополитического мироустройства // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы : сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции) : в 3 ч., Москва, 8—12 апреля 2024 г. — М., 2024. — С. 288—289.
4. Дудко И. Г. К вопросу об авторитетности Конституции Российской Федерации // Lex russica. — 2018. — № 11 (144). — С. 93—105.
5. Козлова Е. И. Воля советского народа // Советское государство и право. — 1972. — № 9. — С. 19—25.
6. Козлова Е. И. Эволюция концептуальных основ народовластия в РФ // Народовластие и права человека : материалы IV Международной научно-практической конференции, проведенной Российской академией правосудия совместно с Северо-Кавказским институтом — филиалом РАНХиГС при Президенте РФ 19—22 октября 2012 г. — М., 2012. — С. 51—55.
7. Комарова В. В. Демократия через призму конституционных ценностей // Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации. — М., 2021. — С. 12—18.
8. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. — М. : Проспект, 2008. — 544 с.
9. Рыбакова О. С. Право граждан на бесплатную юридическую помощь в системе конституционных ценностей Российской Федерации // Вестник МГПУ. — Серия : Юридические науки. — 2020. — № 3 (39). — С. 56—67.
10. Böckenförde M. A practical guide to constitution building: the design of the legislature. — Stockholm, 2011. — 56 p.
11. But J. J., Jongkind D. K., Voermans W. J. M. Direct democracy in the constitution: good or bad for democracy? // The Theory and Practice of Legislation. — 2023. — No. 11 (1). — P. 52—82.
12. Colon-Rios J. I., Haustein E. M., Lokdam H., Pasquino P., Rubinelli L., Selinger W. Constituent power and its institutions // Contemporary Political Theory. — 2021. — No. 20 (4). — P. 926—956.
13. Pitkin H. F. The Concept of Representation. — Berkeley, 1967. — 323 p.

14. *Rubinelli L.* Constituent Power: A History. — New York : Cambridge University Press, 2020. — 276 p.
15. *Urbinati N.* Representation as Advocacy: A Study of Democratic Deliberation // Political Theory. — 2000. — Vol. 28. — No. 6. — P. 758—786.

Ольга Сергеевна
РЫБАКОВА,
доцент кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
osrybakova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Дети — приоритет государственной политики России: содержание, структура, направления реализации конституционной поправки

Аннотация. Статья содержит научный анализ содержания и направлений реализации положений ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ, согласно которой дети выступают приоритетом государственной политики России. Обосновано авторское понимание данных положений, рассмотрены направления их реализации в государственной повестке. Представлен сравнительный анализ конституционных положений российских конституций советского периода, дана оценка текстов проектов Конституции РФ в части положений о детях. Сделан вывод о том, что конституционная новелла о детях, определив новый приоритет российской государственной политики, закрепила конституционные гарантии его реализации векторе защиты традиционных семейных ценностей, создала предпосылки для развития законодательства в данной сфере, правоприменительной практики, доктрины конституционного права.

Ключевые слова: конституционная поправка, толкование Конституции РФ, «детская» поправка, детство, защита детей, конституционные ценности, семейные ценности, материнство, отцовство

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.138-147

Olga S. RYBAKOVA,
Associate professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
osrybakova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Children — a priority of state policy of Russia: content, structure, directions of implementation of the constitutional amendment

Abstract. The article provides a scientific analysis of the content and implementation of the provisions of Part 4 of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation, according to which children are a priority of Russia's state policy. The author's understanding of these provisions is formulated, and the implementation of these provisions in the state agenda is considered. The article presents a comparative analysis of the constitutional provisions of the Russian constitutions of the Soviet period and evaluates the texts of the draft Constitutions of the Russian Federation in terms of provisions regarding children. It is concluded that the constitutional amendment about children — their rights, interests among the priorities of state policy, having secured the priority of family education of children and the need to protect traditional family values, creates the prerequisites for the development of legislation in this area, law enforcement practice, the doctrine of constitutional law.

Keywords: constitutional amendment, interpretation of the Constitution of the Russian Federation, "children's amendment", childhood, protection of children, constitutional values, family values, motherhood, fatherhood

Конституционная поправка 2020 представляет собой самое масштабное обновление текста российской Конституции за ее более чем 30-летнюю историю. По справедливому утверждению С. А. Авакяна, конституционная реформа ставит новые задачи государственной, политической и общественной жизни страны на многие годы вперед¹. Конституционная поправка — новый импульс развития российского законодательства и правоприменительной практики, что находит соответствующий отклик в доктрине конституционного права.

Среди новелл, внесенных Законом РФ о поправке², определенный интерес представляет «детская» поправка, определившая детей *важнейшим приоритетом государственной политики Российской Федерации*. Будущее общества и государства зависит от качества жизни человека. Дети как социально-демографическая общность и часть населения России находятся в фокусе государственной политики, детерминируя стратегические цели ее реализации.

Конституционный Суд РФ, раскрывая содержание конституционного статуса социального государства, указал, что «политика России, исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями... направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, что обеспечивается государственной поддержкой детства»³. Данный принцип определяет приоритеты государственной политики в сфере детства.

Первоначальная редакция текста законопроекта⁴ не содержала статью 67.1 Конституции, несмотря на то, что, обращаясь к Федеральному Собранию Российской Федерации с ежегодным посланием в январе 2020 г., глава государства в очередной раз акцентировал внимание на задачах социальной поддержки семей с детьми, всестороннего воспитания и развития детей⁵. Более того, формируемая на протяжении ряда лет недружественными странами идеология добровольного отказа от деторождения требовала соответствующей реакции со стороны России

¹ Авакян С. А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. 2020. № 3. С. 7.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 14.03.2020, № 0001202003140001.

³ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 22.11.2022 № 25-П, 15.12.2011 № 28-П, 06.12.2012 № 31-П, 27.03.2018 № 13-П.

⁴ Паспорт законопроекта № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Текст внесенного законопроекта от 20.01.2020 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения: 12.06.2025).

⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 15.01.2020 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (дата обращения: 13.04.2025).

с целью защиты традиционных для российского общества ценностей, которыми являются семья, рождение и воспитание детей, ответственное родительство. Полагаем, что, данный факт также лежал в основе принятия «детской» поправки.

Ко второму чтению Президентом России предложена статья 67.1, часть 4 которой содержит положения о том, что «дети являются важнейшим достоянием Российской Федерации»⁶, а также ряд производных положений. В адрес рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ⁷ поступило более 1 000 предложений⁸, что свидетельствует о неравнодушии российского общества к обновлению Конституции.

Вместе с тем конституционное постулирование детей через «достояние Российской Федерации» подверглось критике со стороны общественности. Аргументом против данной формулировки стало слово «достояние», обозначающее «имущественное право», «предмет обладания, собственность», «то, что принадлежит кому-либо на праве собственности»⁹. В петиции, подготовленной на имя Президента России общественными организациями, содержалось указание на то, что подобный подход «представляет угрозу институту семьи, подвергает трансформации детско-родительские отношения и минимизирует реализацию родительских прав в отношении детей»¹⁰. Полагаем, что формулировка «дети — достояние Российской Федерации» не вполне корректна, не отвечает содержанию конституционно-правового статуса человека и гражданина.

После доработки итоговая редакция ч. 4 ст. 67.1 объединила несколько взаимодополняющих положений, первое из которых определило детей *важнейшим приоритетом* государственной политики России.

Все же позволим себе некоторые размышления относительно данной формулировки. С позиции юридической техники использование в одном словосочетании терминов «важнейший» и «приоритет» является избыточным. Приоритет

⁶ Паспорт законопроекта № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Таблица поправок № 1, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству к принятию (к статье 1 проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения: 12.04.2025).

⁷ Распоряжение Президента РФ от 15.01.2020 № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 3. Ст. 251.

⁸ См.: Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020. С. 13—14.

⁹ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь: ок. 35 000 слов. 3-е изд. испр. и доп. М., 1994. С. 137 ; Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М., 1988. С. 144.

¹⁰ Официальный текст петиции подписали 190 общественных объединений // URL: https://zavtra.ru/blogs/190_obshestvennih_organizacij_vistupili_protiv_popravki_o_tom_chto_deti__eto_dostoyanie_gosudarstva?ysclid=mdollu29z6476276900

(от нем. *Priorität*, лат. *prior*) означает «первый, первенство, занимающий первое место, преимущественное место, требует первоочередного внимания»¹¹. Таким образом, словосочетание «приоритет государственной политики» следует понимать, как доминанту или важное направление государственной политики, что не требует усиления прилагательным «важнейший». Более того, анализ текста Конституции позволяет констатировать, что термин «приоритет» не встречается больше ни в одной статье, тем самым не предполагается его соотнесение с какими-либо другими приоритетами — менее важными.

Предложения по поводу закрепления на уровне Конституции базовых положений о защите детей имеются в научной литературе¹². С принятием поправки, с одной стороны, приоритет государственной политики, ядром которой являются дети, получает конституционное закрепление, что свидетельствует о признании факта, что дети (каждый ребенок), их развитие и воспитание выступают стратегическими целями государственной политики, и это правильно. С другой стороны, возникает некоторая правовая неопределенность относительно того, каким образом обозначенный приоритет соотносится с иными положениями Конституции.

Во-первых, используемый в ч. 4 ст. 67.1 термин «дети» имеет неопределенность относительно того, каким образом данное положение применяется в отношении одного ребенка, или же оно имеет применение только к коллективному субъекту — детям (по аналогии с положениями ч. 1 ст. 3 Конституции, где многонациональный народ — коллективный субъект, определен носителем суверенитета и источником власти). Во-вторых, каким образом детоцентричный приоритет соотносится с задачами социального государства по поддержке иных категорий граждан, нуждающихся в особой поддержке (лиц пожилого возраста, инвалидов и др.).

Положения ст. 2 Конституции определяют человека (независимо от возраста), его права и свободы — высшей ценностью. Здесь уместно привести цитату О. Е. Кутафина о том, что «о содержании понятия “человек — высшая ценность” принято говорить применительно ко всей жизни человека — от рождения до смерти»¹³, т.е. не выделяя детей и иные возрастные группы. Развивая данный тезис, И. Г. Дудко уточняет, что права человека «принадлежат каждому в силу рождения в обществе, где только и возможно взаимное признание прав»¹⁴. Тем

¹¹ Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2006 ; Ожегов С. И. Указ. соч. С. 484.

¹² См.: например: Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения / Е. А. Антонян, Э. И. Атагимова, Ю. Ф. Беспалов [и др.]. М., 2021 ; Борисова Н. Е. Дети как приоритет государственной политики в свете конституционной реформы 2020 года // Вестник МГПУ. Серия : Юридические науки. 2021. № 1 (41). С. 71—77 ; Она же. Правовое положение несовершеннолетних в Российской Федерации. 3-е изд. М., 2007. С. 123 ; Конституционное обеспечение защиты семьи и семейных ценностей / С. М. Арзуманова, Э. И. Атагимова, З. К. Аюпова [и др.]. М., 2025 ; Рыбакова О. С. Безопасность ребенка в контексте конституционных ценностей Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3 (112). С. 103—111.

¹³ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 121.

¹⁴ Вехи конституционной реформы в России : колл. монография / С. А. Авакьян, Н. А. Антонова, П. А. Астафичев [и др.]. СПб., 2025. С. 98.

самым, можно предположить, что «детская» поправка вызвана необходимостью дополнительного закрепления конституционного приоритета государственной политики в сфере детства, наряду с уже имеющимися.

Термин «дети» в значении субъектов правоотношений впервые внесен в конституционный текст¹⁵. Конституции РСФСР (1918, 1925, 1937 гг.) и СССР (1924 и 1936 гг.) не содержали положений о детях, защите детей, равно как и о защите детства в целом. Термин «детство» впервые получил конституционное закрепление в 1977 г. в Конституции (Основном законе) СССР, где гарантировалась государственная защита материнства и *детства*, которая обеспечивалась мерами поддержки работающих женщин, совмещающих трудовые функции с материнством. Аналогичное положение было включено в Конституцию РСФСР 1978 г., где защита детства гарантировалась в контексте поддержки института семьи (ст. 51)¹⁶.

Попытка включения положений о детях в конституционный текст была предпринята Конституционной комиссией при подготовке проекта конституции (табл. 1).

Таблица 1

Наименование раздела	Наименование и содержание статьи в редакции 1990 г. ¹⁷	Наименование и содержание статьи в редакции 1993 г. ¹⁸
Раздел I. Основы конституционного строя Российской Федерации	«Статья 1.8. Социальное государство <...> (2) Российская Федерация... заботится о семье и <i>детях</i> (здесь и далее в табл. 1 и 2 курсив мой. — О. Р.), инвалидах и престарелых...; (3) Государство проводит гуманную демографическую политику...»	«Статья 9. Социальное государство <...> (2) Государство... обеспечивает поддержку семье, материнству, отцовству и <i>детству</i> ; (3) Государство проводит гуманную демографическую политику...»

¹⁵ Нормативное закрепление статуса детей встречалось в Декрете ВЦИК СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», отдельный раздел «О детях» включал четыре статьи, регламентирующие правовое положение ребенка. В текстах российских конституций советского периода вплоть до 1977 г. отсутствовали нормы об охране детства.

¹⁶ Позже, в редакции Закона РФ от 21.04.1992 года № 2708-1 в Конституцию 1978 года были включены несколько норм направленных на регулирование отношений в сфере детства, в части разграничения вопросов ведения.

¹⁷ Проект Конституции Российской Федерации, принятый Конституционной комиссией за рабочую основу 12 ноября 1990 г. и опубликованный для всенародного обсуждения в Конституционном вестнике. 1990. № 4. С. 55—120 // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия : стенограммы, материалы, документы (1990—1993) : в 6 т. М., 2007. Т. 1 : 1990 г. / под общ. ред. О. Г. Румянцева. С. 590—663.

¹⁸ Проект Конституции Российской Федерации, подготовлен Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации // Из истории создания Конституции Российской Федерации. М., 2009. Т. 4 : 1993 год. Кн. 3 (июль — декабрь 1993 г.) / под общ. ред. О. Г. Румянцева. С. 190—239.

Раздел III. Гражданское общество	<p>«Глава 3.2. Брак и семья <...></p> <p>Статья 3.2.4 (1) Все <i>дети</i> равны перед законом вне зависимости от происхождения и гражданского состояния родителей. (2) <i>Дети</i>, рожденные вне зарегистрированного брака, пользуются одинаковыми правами с детьми, рожденными в зарегистрированном браке.</p> <p>Статья 3.2.5. (1) Родители обязаны содержать своих <i>детей</i>. На родителях лежит преемственная ответственность за воспитание детей. (2) Все заботы по содержанию, образованию и воспитанию <i>детей-сирот</i> и <i>детей</i>, лишенных родительской опеки, лежат на государстве и обществе в целом.»</p>	<p>«Глава X. Семья</p> <p>Статья 72.</p> <p>(1) На родителях лежит обязанность содержать и воспитывать своих <i>детей</i> до совершеннолетия. Родители равны в правах по воспитанию <i>детей</i>. Родители или лица, их заменяющие, вправе избирать в интересах <i>ребенка</i>, с учетом его мнения и в соответствии с законом характер и формы его воспитания и образования.</p> <p>(2) Труд по воспитанию <i>детей</i> дает право на социальную защиту в соответствии с законом.</p> <p>(3) <i>Дети</i> пользуются равной правовой защитой вне зависимости от происхождения и гражданского состояния родителей.</p> <p>(4) Государство и общество обеспечивает содержание, воспитание и образование <i>детей-сирот</i> и <i>детей</i>, лишенных родительского попечения....</p> <p>(5) <i>Ребенок</i> имеет право на выражение своего мнения, право на свободу мысли и совести...»</p>
Раздел IV. Федеративное устройство	<p>«Глава 4.2. Компетенция Российской Федерации и федеральных территорий <...></p> <p>Статья 4.2.3. К совместному ведению Российской Федерации и республик относятся: <...></p> <p>5) здравоохранение и государственное социальное обеспечение»¹⁹</p>	<p>«Глава XII.</p> <p>Статья 78.</p> <p>(1) К совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся: <...></p> <p>3) ...защита материнства, отцовства и детства...»</p>

Альтернативный проект также отражал ценностный социально-значимый подход к защите детства²⁰, часть положений вошли в итоговый текст Конституции (табл. 2).

¹⁹ В данной редакции проекта сфера детства, материнства, отцовства не была включена в перечни вопросов ведения Российской Федерации и вопросов совместного ведения Российской Федерации и республик, что было восполнено в следующей редакции 1993 г.

²⁰ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Т. 4 : 1993 год. Кн. 3. С. 141—175.

Таблица 2

Наименование раздела, главы	Выдержки из положений
Раздел I. Глава 1. Основы конституционного строя	«Статья 7 В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей..., обеспечивается поддержка семьи, материнству, отцовству и детству...»
Раздел I. Глава 2. Права и свободы человека и гражданина	«Статья 23 Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну... Статья 37 Семья, материнство и детство находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей. Труд по воспитанию детей является основанием для социального обеспечения. Статья 42 <...> Родители или лица их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.»
Раздел I. Глава 3. Российская Федерация	«Статья 72 К совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся: <...> ж) координация вопросов здравоохранения, защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение...»

«Детскую» поправку следует рассматривать в системном единстве с другими положениями Конституции, закрепляющими государственную поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7, ч. 1 и 2 ст. 38). Согласимся, что приведенные положения корреспондируют международным принципам в сфере защиты детства (Конвенции о правах ребенка 1989 г.), что «обязывает подписавшие ее государства — исходя из признания права каждого ребенка на уровень жизни, который требуется для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития, — принимать все законодательные и административные меры к тому, чтобы обеспечить детям необходимые для их благополучия защиту и заботу»²¹.

Основополагающие положения относительно признания детей наиболее социально уязвимой частью человечества содержатся в ряде других документов, участниками которых является Российская Федерация. Резюмируя высказанное относительно «детской» поправки, можно констатировать, что авторы предполагают ее распространение на каждого ребенка, потребности которого рассматриваются в контексте прав человека.

По справедливому утверждению Г. Д. Садовниковой, обозначенная норма «закрепляет обязательства государства создавать детям условия, способствующие их развитию и воспитанию, а также обязательства в отношении детей, оставшихся без попечения»²². Все же остается вопрос: почему норма о детях

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 13-П // Российская газета. 04.04.2018. № 70.

²² Садовникова Г. Д. Комментарий к Конституции РФ постатейный. М., 2024. С. 108.

получила закрепление в гл. 3 Конституции РФ, посвященной федеративному устройству государства, а, например, не среди положений, определяющих полномочия Правительства РФ по реализации государственной политики (ст. 114). Данное пожелание основано на том, что по своему содержанию положения, закрепляющие роль государства, находят выражение прежде всего в социальной повестке, реализуемой Правительством РФ.

Выделим несколько направлений реализации «детской» поправки. Первое — она отражает обязанность государства по созданию условий для развития ребенка. Конституция не раскрывает содержание методов, форм и способов реализации данной обязанности государства, оставляя данную дискрецию законодателю, которая, в свою очередь, реализуется в рамках вопросов ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Второе направление связано с функцией государства по обеспечению семейного воспитания детей как приоритетного по отношению к другим формам устройства детей, что, по своему содержанию также является конституционной гарантией, направленной на обеспечение репродуктивной и воспитательной функций семьи. Данное направление реализуется в различных мерах поддержки семей с детьми²³, в то же время государство не предполагает необоснованное вмешательство в семейные и детско-родительские отношения.

Третье направление предполагает организацию государственной защиты детям, которые остались без попечения (ч. 4 ст. 67.1). Важно отметить, что данный подход, ранее имевший отражение в нормах отраслевого законодательства и судебной практике²⁴, впервые получил закрепление на конституционном уровне. Анализ практики Конституционного Суда РФ позволяет утверждать, что высший орган конституционного контроля выработал концептуальный подход к пониманию статуса ребенка как субъекта, требующего особой защиты со стороны общества и государства²⁵, что находит отражение в решениях Суда после 2020 г.²⁶.

²³ Данным подходом детерминированы формы и средства поддержки семей с детьми, мотивация рождаемости и многодетности, улучшение репродуктивного здоровья населения, формирование ответственного отношения к исполнению родительских обязанностей, что находит закрепление в нормах отраслевого законодательства (семейном, административном, уголовном, уголовно-исполнительном, трудовом и др.).

²⁴ См.: Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsf.ru/documents/all/29526/?ysclid=meboj3ii8141980208> (дата обращения: 13.04.2025).

²⁵ См. например: определения Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 № 201-О ; 17.01.2012 № 122-О-О ; 22.04.2010 № 546-О-О ; от 19.05.2009 № 841-О-О ; от 20.11.2008 № 1033-О-О ; постановления Конституционного Суда РФ от 01.02.2019 № 7-П ; от 12.03.2015 № 4-П ; от 15.11.2016 № 24-П ; от 06.10.2017 № 23-П ; от 08.06.2010 № 13-П // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/decision/pages/default.aspx> (дата обращения: 07.04.2025).

²⁶ В постановлении от 11.02.2025 № 6-П Конституционный Суд РФ подтвердил право детей, рожденных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий после смерти отца, на пенсию по потере кормильца, указав, что «дети, рожденные с помощью

Подводя итог, следует констатировать, что «детская» поправка вполне закономерна и направлена на развитие уже имеющихся в Конституции положений об охране и защите детства, отражает соответствующие социальные изменения.

Расширяя конституционные гарантии защиты детства, новелла обозначила детей — их права, интересы — в числе приоритетов государственной политики, одновременно закрепив важность семейного воспитания векторе защиты традиционных ценностей российского общества и обозначив контур дальнейшего развития законодательства²⁷, правоприменительной практики, доктрины конституционного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия : Юриспруденция. — 2020. — № 3. — С. 7—33.
2. Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения / Е. А. Антонян, Э. И. Атагимова, Ю. Ф. Беспалов [и др.]. — М. : Проспект, 2021. — 424 с.
3. Борисова Н. Е. Дети как приоритет государственной политики в свете конституционной реформы 2020 года // Вестник МГПУ. — Серия : Юридические науки. — 2021. — № 1 (41). — С. 71—77.
4. Борисова Н. Е. Правовое положение несовершеннолетних в Российской Федерации. — 3-е изд. — М. : РГСУ, 2007. — 300 с.
5. Вехи конституционной реформы в России : колл. монография / С. А. Авакьян, Н. А. Антонова, П. А. Астафичев [и др.]. — СПб. : Скифия-Принт, 2025. — 250 с.
6. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009. — 608 с.
7. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М. : Эксмо, 2006. — 669 с.
8. Конституционное обеспечение защиты семьи и семейных ценностей / С. М. Арзуманова, Э. И. Атагимова, З. К. Аюпова [и др.]. — М. : Проспект, 2025. — 440 с.

вспомогательных репродуктивных технологий после смерти одного из родителей, также должны иметь право на социальное обеспечение, которое должно учитывать уникальные обстоятельства зачатия и рождения, и его ограничение противоречит основным ценностям российского правового и социального государства» (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 12.02.2025, № 0001202502120001). В постановлении Конституционного Суда РФ от 14.12.2021 № 52-П подтверждено право ребенка, рожденного после смерти отца, на жилище (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 16.12.2021, № 0001202112160001).

²⁷ В первый год реализации конституционной поправки Государственной Думой принято 106 законов, направленных на защиту и поддержку детей (URL: <https://tass.ru/obschestvo/11525071> (дата обращения: 12.04.2025)).

9. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь : ок. 35 000 слов. — 3-е изд. испр. и доп. — М. : Рус. яз., 1994. — 832 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. — 20-е изд. — М. : Рус. яз., 1988. — 750 с.
11. Рыбакова О. С. Безопасность ребенка в контексте конституционных ценностей Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 3 (112). — С. 103—111.
12. Садовникова Г. Д. Комментарий к Конституции РФ постатейный. — М. : Юрайт, 2024. — 244 с.
13. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». — М. : Норма ; Инфра-М, 2020. — 240 с.

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ВЕКТОРЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОПРАВКИ

**Валентина Викторовна
КОМАРОВА,**
профессор кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор,
почетный работник
высшего образования РФ,
почетный работник сферы
образования РФ
vvalentinak@ya.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Приоритеты стран Содружества Независимых Государств — конституционные основы архитектуры

Аннотация. В уставных документах стран Содружества Независимых Государств закреплены общие направления их развития. Одним из современных способов такой конкретизации является термин «приоритет». В статье проведено соотношение сходных терминов, используемых в конституционных текстах для закрепления актуальных направлений и требующих решения вопросов: конституционных ценностей, основ конституционного строя и конституционных задач. На основании анализа конституционных текстов государств СНГ предложено авторское видение нескольких конституционных моделей закрепления термина «приоритет» и его сущности. Многообразие оснований для классификации приоритетов, закрепленных в законодательстве стран СНГ, позволило предложить вывод о наличии их системы и авторское определение системы приоритетов исследуемых стран, назвать системообразующие факторы.

Выявлены общие подходы к определению актуальных для решения задач, правомерные вопросы о взаимозависимости и иерархии приоритетов и ценностей, необходимости выработки критериев, механизмов согласованности разнообразной и многоуровневой системы приоритетов и гарантий их единообразной реализации — основы единства правового пространства. Они должны, на наш взгляд, стать базовыми основами в формирующемся доктрине, нараене с обязанностью совместных действий руководства стран Содружества, целевого взаимодействия органов. В частности, предлагаемые позиции могут стать основой для формирования и инкорпорирования в национальную науку общей доктрины конституционных приоритетов стран Содружества.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, Конституция, приоритет, конституционная архитектура приоритетов, конституционные модели приоритетов, система приоритетов, системообразующие факторы

DOI: [10.17803/2311-5998.2025.133.9.148-158](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.133.9.148-158)

Valentina V. KOMAROVA,

Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor,
Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation,
Honorary Worker of Education of the Russian Federation,
vvalentinak@ya.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Priorities of the commonwealth of independent states — constitutional foundations of architecture

Abstract. The general directions of their development are fixed in the statutory documents of the countries of the Commonwealth of Independent States. One of the modern ways of such concretization is the term "priority". The article provides a correlation of similar terms used in constitutional texts to identify relevant areas and issues that need to be addressed: constitutional values, the foundations of the constitutional order and constitutional tasks. Based on the analysis of the constitutional texts of the states of the Commonwealth of Independent States, the author's vision of several constitutional models of the term priority and its essence is proposed.

The variety of grounds for classifying priorities fixed in the legislation of the CIS countries allowed us to propose a conclusion about the existence of their system and the author's definition of the priority system of the countries studied, to name the system-forming factors. The identified common approaches to determining relevant tasks and ways to determine them. Legitimate questions have been identified about the interdependence and hierarchy of priorities and values, the need to develop criteria, mechanisms for consistency of a diverse and multilevel system of priorities and guarantees of their uniform implementation — the basis for the unity of the legal space. In our opinion, they should become the basic foundations in the emerging doctrine, along with the responsibility of joint actions of the leaders of the Commonwealth countries and targeted interaction of bodies. In particular, the proposed positions can become the basis for the formation and incorporation into national science of the common doctrine of constitutional priorities of the Commonwealth countries.

Keywords: Commonwealth of Independent States, Constitution, priority, constitutional architecture of priorities, constitutional models of priorities, priority system, system-forming factors

В Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств от 18 декабря 2020 года подчеркивается цель «*дальнейшего развития и сближения национального законодательства заинтересованных государств — участников СНГ в различных сферах многостороннего сотрудничества на основе общепризнанных принципов и норм международного права*»¹. На наш взгляд, эту цель можно считать приоритетом жизнедеятельности СНГ на ближайшее будущее, основой моделей взаимодействия.

Рассуждая о сути конституционных приоритетов, О. Е. Кутафин указывал на то, что речь идет о выполнении наиболее существенных и неотложных задач, требующих первоочередного решения².

Сущность приоритета можно определить посредством его характеристик. Прежде всего это инструмент государственного целеполагания, имеющий программно-стратегическое значение; закрепленный в нормативных правовых актах (государственного и надгосударственного уровня); имеющий социальную ценность, отражающий направленность на оптимально устойчивое, безопасное развитие личности, общества и государства.

Отметим, что в конституциях государств СНГ термин «приоритет» встречается реже, чем термин «ценность». Между тем, основываясь на Конституции России, конституционные модели использования этих двух терминов, по мнению автора, можно соотнести как общее и частное. Прямо закрепленной в Конституции России является ценность человека, его прав и свобод, а важнейшим приоритетом государственной политики страны в 2020 г. в процессе конституционной реформы названы дети³. Очевидно, что дети относятся к категории «человек». Следовательно, в этой части можно сделать вывод о том, что приоритет используется как детализация общего направления ценностей, прямо закрепленных в Конституции России.

Анализ конституционных текстов и отраслевого законодательства стран Содружества показал многообразие используемых приоритетов, для восприятия которых, по нашему мнению, целесообразно провести классификацию.

Основаниями для классификации приоритетов, закрепленных в законодательстве стран СНГ, можно назвать сферу жизнедеятельности, предмет и время действия, сферу применения и территорию их регулирующего воздействия, субъект, вводящий термин «приоритет», и субъект, его реализующий, источник закрепления, сферу применения, назначение в механизме преодоления содержательных дефектов законодательства и др.

Возможна классификация по источнику закрепления: конституционные приоритеты, которые, в свою очередь, целесообразно разделить на прямо и косвенно

¹ Концепция дальнейшего развития Содружества Независимых Государств от 18 декабря 2020 года // URL: <https://eccis.org/reestr2/> (дата обращения: 01.08.2025).

² Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. С. 168.

³ Рыбакова О. С. Конституционализация защиты семьи и традиционных семейных ценностей российского общества // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина / под общ. ред. В. В. Комаровой, отв. ред. О. С. Рыбакова. М. : Проспект, 2023. С. 163.

закрепленные конституционные приоритеты, и приоритеты, закрепленные отраслевым законодательством⁴.

В законодательстве стран Содружества приоритеты закрепляются не только в конституциях (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Туркменистан, Узбекистан), но и в законах, подзаконных актах.

В основных законах стран Содружества автор, используя метод правового конституционного закрепления, выделяет как основание для классификации прямое и косвенное закрепление конституционных приоритетов.

Проведя анализ **прямого закрепления конституционных приоритетов** стран Содружества, автор предлагает выделить три модели закрепления термина «приоритет».

Так, *первая модель* прямого закрепления конституционных приоритетов представляет собой закрепление приоритета норм международного права в отношении всего национального законодательства, без ограничений (Беларусь, Казахстан, Туркменистан). При этом использованы различные способы закрепления, от которых зависят рамки применения конституционно закрепленного приоритета.

Так, «Туркменистан признает приоритет общепризнанных норм международного права» (ст. 96 Конституции)⁵ — речь идет о приоритете общепризнанных норм международного права.

Только о ратифицированных международных договорах и их приоритетности в правоприменении упоминается в Конституции Республики Казахстан: «Международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед ее законами»⁶ (п. 3 ст. 4).

В Конституции Республики Беларусь речь идет только об общепризнанных принципах международного права: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства»⁷ (ст. 8). Обращает на себя внимание закрепление обязанности Республики Беларусь обеспечивать соответствие национального законодательства общепризнанным принципам международного права, тогда как в предыдущих примерах речь шла только лишь о признании, без конкретизации обязанности, которая, безусловно, подразумевается.

Вторая модель — закрепление приоритета норм международного права в рамках регулирования прав человека (Беларусь, Кыргызская Республика, Республики Молдова, Россия и Узбекистан).

⁴ Комарова В. В. Конституционные приоритеты: теоретическое наполнение и модели реализации // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 4 (94). С. 17.

⁵ Конституция Туркменистана (новая редакция) (с изм. и доп. по сост. на 21.01.2023) // Ведомость Меджлиса Туркменистана. 1992. № 5. Ст. 30.

⁶ Конституции Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30.08.1995, с изм. и доп. по сост. на 19.09.2022) // URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 01.07.2025).

⁷ Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996, 17.10.2004 и 27.02.2022) // URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 09.07.2025).

Здесь, в свою очередь, возможно подразделение на две группы: закрепление приоритета норм международного права в рамках регулирования прав человека вне зависимости от субъекта, сферы применения прав человека и закрепление приоритета норм международного права в рамках регулирования прав человека в зависимости от субъекта — носителя этих прав, сферы их применения.

Пример первой группы составляют нормы конституций Кыргызской Республики и Республики Молдова. Так, признавая составной частью своей правовой системы вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры, участницей которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, конституционный законодатель подчеркивает особую сферу прав человека: «Нормы международных договоров по правам человека в Кыргызской Республике имеют прямое действие и приоритет над нормами других международных договоров»⁸ (ст. 6 Конституции).

Республика Молдова, в сравнении с Кыргызской Республикой, сужает границы данного понятия, ограничивая приоритет только нормами договоров в сфере основных прав человека, одной из сторон которых является Республика Молдова: «При наличии несоответствий между пактами и договорами об основных правах человека, одной из сторон которых является Республика Молдова, и внутренними законами приоритет имеют международные нормы»⁹ (ст. 4).

Пример второй группы составляют нормы конституций Беларуси, Узбекистана и России.

Конституционные нормы России и Беларуси закрепляют приоритеты в сфере правовой политики в отношении детей. В Конституции России закреплено, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России; государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения (ст. 67.1). В Конституции Беларуси эта сфера несколько сужена, в сравнении с нормами Конституции РФ: «Республика Беларусь обеспечивает приоритет воспитания детей в семье»¹⁰ (ст. 65).

В Конституции Республики Узбекистан установлена приоритетность прав потребителей. Так, в положениях о направленности экономической политики в сфере рыночных отношений, конкуренции, свободы экономической деятельности, предпринимательства устанавливается приоритет прав потребителей: «Узбекистан создает условия для развития рыночных отношений и добросовестной конкуренции, гарантирует свободу экономической деятельности, предпринимательства и труда с учетом приоритетности прав потребителей»¹¹ (ст. 65).

⁸ Конституция Республики Кыргызстан от 11.04.2021 // URL: <https://web.archive.org/web/20220816085816/>; URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 03.07.2025).

⁹ Конституция Республики Молдова (с изм. на 20.10.2024) // URL: <https://constitutions.ru/?p=216> (дата обращения: 09.07.2025).

¹⁰ Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп.).

¹¹ Конституция Узбекистана действует с учетом изменений, внесенных Законами Республики Узбекистан от 28.12.1993 № 989-XII, 24.04.2003 № 470-II, 11.04.2007 № ЗРУ-89, 25.12.2008 № ЗРУ-194, 18.04.2011 № ЗРУ-284, 12.12.2011 № ЗРУ-305, 16.04.2014 № ЗРУ-

Третья модель — закрепление приоритетов в сфере регулирования деятельности глав государств (Беларусь и Россия).

Приоритеты закреплены как полномочия Президента России и конституционного государственного органа, создаваемого с этой конкретной целью: «в целях... определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства» формируется Государственный Совет Российской Федерации¹² (ст. 83 Конституции России).

В Республике Беларусь закреплен приоритет одного из видов актов главы государства в определенных условиях: «Декреты Президента Республики Беларусь, изданные до вступления в силу изменений и дополнений Конституции, применяются до признания их утратившими силу законами. Положения соответствующих декретов имеют приоритет по отношению к принятым до их издания положениям законов»¹³ (ст. 142).

Безусловно, пример приоритета — статья 142 Конституции Республики Беларусь о приоритете декретов Президента Республики Беларусь в определенных условиях. Она может быть примером второй модели — приоритета прав отдельных субъектов. Но по мнению автора, помещение этого примера в третью конституционную модель обосновывается значимостью главы государства и обеспечением им верховенства Конституции в национальной правовой системе законодательства.

Косвенное закрепление конституционных приоритетов в странах Содружества превалирует и может быть рассмотрено через призму конституционных ценностей, основ конституционного строя и конституционных задач¹⁴.

При этом стоит подчеркнуть, что Конституция страны сама может быть названа ценностью¹⁵.

Н. С. Бондарь отмечает ценность не только всей Конституции, но и ее отдельных норм, имеющих самостоятельную ценность: «Одновременно ценостная значимость присуща не только Конституции в целом, но и конкретным нормам Основного закона, которые являются в этом случае отражением фактически сложившихся и юридически признанных представлений о социальных приоритетах и наиболее оптимальных моделях устройства общественной и государственной

366, 06.04.2017 № ЗРУ-426, 31.05.2017 № ЗРУ-430, 29.08.2017 № ЗРУ-439, 15.10.2018 № ЗРУ-498, 18.02.2019 № ЗРУ-522, 05.03.2019 № ЗРУ-527, 04.09.2019 № ЗРУ-563, 08.02.2021 № ЗРУ-670, 08.02.2021 № ЗРУ-671, 01.05.2023 № ЗРУ-837 (URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30433237 (дата обращения 09.08.2025)).

¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

¹³ Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп.).

¹⁴ Комарова В. В. Конституционные приоритеты: теоретическое наполнение и модели реализации. С. 34.

¹⁵ Комарова В. В. Конституция страны — ценность государства и общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 65.

жизни, о соотношении ценностей власти и свободы, равенства и справедливости, рыночной экономики и социальной государственности и т.д.»¹⁶.

Кроме того, в науке конституционного права обосновывается, что демократия, ее конституционные механизмы — конституционная ценность¹⁷. Как самостоятельную ценность называют избирательные права граждан России¹⁸. Приоритетное значение приобрели так называемые рыночно-экономические нормы Конституции (ст. 8, 9, 35, 36 и др.)¹⁹.

На наш взгляд, позиция о том, что конституция — ценность, применима не только к Российской Федерации, но и ко всем странам Содружества. Обусловлено это в том числе, и способом принятия Конституции путем референдума. Конституция, принятая на референдуме, воплощает волю народа и учреждает правовые устои государства и общества, основы и принципы их взаимодействия.

По мнению автора, «косвенное закрепление конституционных приоритетов в странах Содружества превалирует и может быть рассмотрено через призму конституционных ценностей, основ конституционного строя и конституционных задач»²⁰. Отраслевой законодатель, интерпретируя их, закрепляет направления и приоритетные направления развития в различных сферах государственной общественной жизни конкретной страны.

Подчеркивая многообразие приоритетов в странах Содружества, правомерно задать вопрос о взаимозависимости и иерархии приоритетов и ценностей, из которых вытекают иные задачи. К таковым целесообразно отнести необходимость выработки критериев, механизмов согласованности разнообразной и многоуровневой системы приоритетов и гарантий их единообразной реализации — основы единства правового пространства. Они должны, на наш взгляд, стать базовыми основами в формирующемся доктрине, наравне с обязанностью совместных действий руководства стран Содружества, целевого взаимодействия органов.

Остается актуальной следующая позиция: «В выстраивании механизмов реализации конституционных приоритетов и документов стратегического планирования, содержащих приоритеты государственной политики стран Содружества в различных областях, на наш взгляд, целесообразно определить в действующем

¹⁶ Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 3.

¹⁷ Комарова В. В. Демократия в системе конституционных ценностей // Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении : материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции (Самара, 24—27 сентября 2015 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2016. С. 100.

¹⁸ Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М. : Формула права, 2005.

¹⁹ Бондарь Н. С. Конституция России в условиях глобальных перемен правовой жизни: от политических иллюзий к юридическому реализму // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 24.

²⁰ Комарова В. В. Конституционные приоритеты: теоретическое наполнение и модели реализации. С. 37.

модельном законодательстве соотношение, баланс, иерархию используемых терминов с целью избежания их дублирования, надлежащей реализации; целесообразно определить место приоритетов среди целей и задач, направлений, с учетом того, что «приоритет» и «цель» — это синонимы²¹.

Между тем именно эти термины используются в действующем законодательстве стран Содружества и способны создать дисбаланс как в нормотворчестве, так и в правоприменении, как на уровне Содружества, так и в отдельно взятом входящем в него государстве.

Терминологическое оформление конституционных задач в странах Содружества разнообразно, но, впрочем, отличается и по содержанию. Конституционные законодатели СНГ используют термины «цель» (для общества, государства, определенных структур)²², «задачи»²³ «направление»²⁴, подчеркивая приоритет в определенной сфере.

Очевидно, что доктринальная база механизмов реализации системы конституционных приоритетов будет строиться исходя из общих подходов, обусловленных единством правового пространства стран Содружества, с учетом национальных особенностей.

²¹ Комарова В. В. Конституционные приоритеты: теоретическое наполнение и модели реализации. С. 40.

²² Например, ст. 12 «Высшая цель государства» Конституции Республики Азербайджан устанавливает: «I. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики — высшая цель государства»; в Республике Беларусь человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2); в Азербайджанской Республике упомянуты цели социальной справедливости (ст. 89); в Кыргызстане устанавливается цель деятельности органа: «Суды аксакалов Кыргызской Республике в соответствии с предусмотренными законом полномочиями рассматривают дела с целью примирения сторон и вынесения справедливых решений, не противоречащих закону» (ст. 115).

²³ Например, в Конституции Кыргызской Республики названы внутригосударственные политические задачи (ст. 12); в Туркменистане защита, поддержка человека и служение ему являются главными задачами органов государственной власти» (ст. 4). Однако чаще конституционно прямо устанавливаются задачи определенных органов: задачи Вооруженных Сил в Азербайджанской Республике (ст. 95, 109); аналогично в Республике Молдова (ст. 109); в Республике Армения — задачи общины (ст. 182); Центральный банк Республики Узбекистан независим в выполнении своих задач (ст. 152) и др.

²⁴ Традиционно указываются направления внутренней и внешней политики; к особым направлениям отнесем в Республике Беларусь — стратегические направления развития общества и государства (ст. 89); в Кыргызской Республике — направление политики: «Государство обеспечивает проведение молодежной политики, направленной на создание необходимых условий для образования и занятости молодежи, поддержки молодых семей, свободного участия молодежи в политической, социальной, экономической, культурной и других сферах деятельности» (ст. 47.1). В Туркменистане закреплено направление деятельности государства: «...содействует развитию науки, техники и технологий, а также поддерживает международное сотрудничество в этих направлениях» (ст. 16) и т.д.

В основных законах СНГ повсеместно встречаются следующие общие конституционные задачи:

- обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека;
- обеспечение суверенитета и государственной целостности;
- создание условий устойчивого функционирования экономики;
- обеспечение безопасного развития общества.

Например, в конституциях норма-цель — правовое государство; в Конституции России норма-дефиниция — определение социального государства. В странах Содружества, по мнению автора, аналогичные статьи о социальном государстве, его правовой природе также могут быть рассмотрены как задачи для развития государства и общества.

Видовое многообразие термина «приоритет», конституционные модели его закрепления позволяют задать правомерный вопрос о системообразующих элементах всего представленного разнообразия, поскольку закрепление приоритетов, по твердому убеждению автора, не хаотично — это система.

Основой любой системы, и система приоритетов стран СНГ не исключение, являются системообразующие факторы.

К системообразующим факторам системы приоритетов стран СНГ, по нашему мнению, можно отнести:

- единый источник власти в странах СНГ — народ²⁵. Эта позиция встречается во всех конституциях стран Содружества. Политическая свобода народа — в приоритете его воли, полноте и незыблемости общенародной власти;
- общие характеристики и основы государственности, такие как правовое демократическое, социальное государство, также являются основой, а отчасти и элементом системы приоритетов;
- правовой статус человека, основанный на общих принципах, занимающий главенствующую роль в конституциях стран Содружества;
- национально-культурная идентичность, «говорящая об общих цивилизационных смыслах для разделяющих некий культурный код, считающих себя приверженцами определенным традициям, использующих определенный язык межнационального общения (для стран СНГ это прежде всего русский язык²⁶). Согласимся, что наряду со стремлением каждой страны к защите своих национальных интересов, национальной идентичности и защиты от проникновения иной культуры; признавая, что национальное самосознание является необходимым условием политической субъектности и сохранения

²⁵ Референдумы в странах Содружества Независимых Государств / Б. С. Гадоев, Б. А. Сафарзода, И. И. Мушкет [и др.]. СПб. : Секретариат Совета МПА СНГ, 2023.

²⁶ Так, 2023 год в Содружестве Независимых Государств был объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения. См.: Год русского языка в СНГ // Официальный сайт Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ // URL: <https://www.mfgs-sng.org/news/god-russkogo-yazyka-v-sng/> (дата обращения: 12.07.2025).

суворенитета, тем не менее согласимся с тем, что идентичность этимологически предполагает не только исключительность, но и наличие сходных черт»²⁷;

— традиционные ценности.

Поддерживая подходы И. А. Мурылевой к системе целей правовой политики Союзного государства России и Белоруссии²⁸, считаем возможным определить систему приоритетов в сфере жизнедеятельности СНГ как единую, логически сбалансированную, основанную на концепции правовой политики в данной сфере систему, учитывающую особенности взаимодействия общих и специальных, ближайших, перспективных и конечных целей, а также целей право применения.

Концепция приоритетов правового пространства в сфере интеграции стран СНГ может обозначать ориентиры формируемого единого пространства, содержать общеполитические установки, учитывающие юридические реалии наших стран, уровень и качество правовой жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 446. — С. 196—201.
2. Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. — 2009. — № 6. — С. 1—11.
3. Бондарь Н. С. Конституция России в условиях глобальных перемен правовой жизни: от политических иллюзий к юридическому реализму // Журнал российского права. — 2018. — № 12. — С. 18—32.
4. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России / Российская ассоциация избирательного права. — М. : Формула права, 2005. — 334 с.
5. Комарова В. В. Демократия в системе конституционных ценностей // Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении : материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции (Самара, 24—27 сентября 2015 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. — Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2016. — С. 99—103.
6. Комарова В. В. Конституционные приоритеты: теоретическое наполнение и модели реализации // Журнал конституционного правосудия. — 2023. — № 4 (94). — С. 33—39.

²⁷ Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196—201. С. 198.

²⁸ Мурылева И. А. Правовая политика в сфере создания Союзного государства России и Беларуси: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Волгоград, 2010. С. 10.

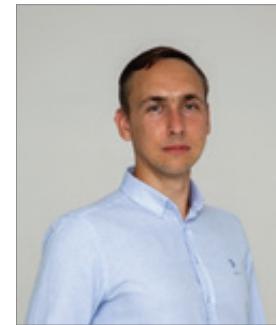
7. Комарова В. В. Конституция страны — ценность государства и общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2019. — № 1 (34). — С. 63—65.
8. Комарова В. В. Фундаментальные конституционные приоритеты в конституционном строе Российской Федерации // Конституция Российской Федерации как модель конвергенции компонентов отечественной правовой системы. — М. : ДМК Пресс, 2023. — Т. 1 : Конституционные приоритеты Российской Федерации: генезис и современная интерпретация (к 30-летию Конституции РФ) : монография / под ред. А. В. Колесникова. — С. 13—23.
9. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. — М. : Норма, 2008. — 258 с.
10. Мурылева И. А. Правовая политика в сфере создания Союзного государства России и Беларуси: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Волгоград, 2010.
11. Референдумы в странах Содружества Независимых Государств / Б. С. Гадоев, Б. А. Сафарзода, И. И. Мушкет [и др.]. — СПб. : Секретариат Совета МПА СНГ, 2023. — 176 с.
12. Рыбакова О. С. Конституционализация защиты семьи и традиционных семейных ценностей российского общества // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина / под общ. ред. В. В. Комаровой, отв. ред. О. С. Рыбакова. — М. : Проспект, 2023. — С. 160—170.

Этнокультурное многообразие как категория конституционного права

Аннотация. В статье рассматривается конституционно-правовое содержание категории «этнокультурное и языковое многообразие», появившейся в ст. 69 Конституции РФ в результате конституционной поправки 2020 г. Автор предлагает исследовать данную категорию не просто как совокупность языков и этнических культур, а как определенное состояние общества, в котором народы (этнические общества) взаимодействуют друг с другом на равноправной основе, в условиях межнационального мира и гражданского согласия. Неотъемлемой характеристикой этнокультурного многообразия являются политическое единство, интеграция народов в единый социальный организм (российскую нацию) на основе общегосударственной гражданской идентичности. Наряду с этим этнокультурное многообразие можно исследовать в качестве конституционной ценности и конституционного принципа. Рассматриваются положения Конституции РФ, обеспечивающие поддержку, сохранение и развитие этнокультурного многообразия. Этнокультурное и языковое многообразие предполагается ограничивать от смежных категорий, таких как полиглазничность и мультикультурализм.

Ключевые слова: этнокультурное многообразие, языковое многообразие, многонациональный народ, право на самоопределение, равноправие народов, государственное единство, мультикультурализм, полиглазничность, конституционный строй

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.159-169

**Артур Николаевич
МОЧАЛОВ,**
доцент кафедры
конституционного
права Уральского
государственного
юридического
университета имени
В.Ф. Яковлева,
кандидат юридических
наук, доцент
artur.mochalov@usla.ru
620137, Россия,
г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

Artur N. MOCHALOV,
Associate Professor of the Department of Constitutional Law
of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
artur.mochalov@usla.ru
21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russia, 620137

Ethnic and cultural diversity as a category of constitutional law

Abstract. The article discusses the constitutional and legal meaning of the concept of "ethnocultural and linguistic diversity", which was introduced in Article 69 of the Constitution of the Russian Federation following the constitutional amendment of 2020. The author proposes to consider this concept not only as a set of languages and ethnic cultures, but also as a state of society where different peoples interact with each other on an equal footing, in

conditions of interethnic peace and harmony. An essential feature of ethnocultural diversity is political unity, which means the integration of different ethnic groups into a single social entity (the Russian nation) based on a shared national identity. Moreover, ethnocultural diversity can also be regarded as a constitutional value and principle. The provisions of the Russian Constitution that aim to support, preserve, and promote ethnic and cultural diversity are explored. It is proposed to differentiate ethnocultural and linguistic diversity from related concepts such as multi-ethnicity and multiculturalism.

Keywords: ethno-cultural diversity, linguistic diversity, multinational people, the right to self-determination of peoples, equality of peoples, state unity, multi-ethnicity, and constitutional system

В результате конституционной поправки 2020 г. в ст. 69 Конституции РФ¹ была включена гарантия сохранения этнокультурного и языкового многообразия и закреплена обязанность государства защищать культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации. Несмотря на то, что многонациональный характер российского народа и ранее признавался Основным законом, категория «этнокультурное и языковое многообразие» является сравнительно новой для отечественного конституционного лексикона. Поскольку язык является «одним из главных атрибутов культуры каждого народа»², языковое многообразие можно рассматривать как составную часть этнокультурного многообразия. В связи с этим в данной статье под этнокультурным многообразием будет пониматься в том числе многообразие языковое.

Несмотря на то, что едва ли не все современные государства являются полиглазническими³, этнокультурное многообразие нечасто получает признание и закрепление на конституционном уровне. В качестве примера можно назвать Канадскую хартию прав и свобод 1982 г. (являющуюся частью Конституции этой страны), в ст. 27 которой установлена конституционная цель — «сохранение и дальнейшее обогащение многонационального культурного наследия канадского народа». Конституция Швейцарской Конфедерации провозглашает в преамбуле волю швейцарского народа и кантонов «живь, взаимно учитывая и уважая их многообразие в единстве», а в ч. 2 ст. 2 закрепляет цель Конфедерации — способствовать «внутренней сплоченности и культурному многообразию страны».

Конституция Австрии в ходе конституционной реформы 2008 г. была дополнена положением о признании «растущего языкового и культурного многообразия, выражающегося в автохтонных этнических группах», чьи языки и культура, как и

¹ Здесь и далее при обращении к текстам нормативных правовых актов используется СПС «Консультант Плюс».

² Правовое регулирование межнациональных отношений в Российской Федерации: проблемы теории и практики : научно-практическое пособие / Л. В. Андриченко, А. Е. Постников, Л. Н. Васильева [и др.]. М. : Норма ; Инфра-М, 2022. С. 9.

³ Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton : Princeton University Press, 1994. Р. 29.

само существование и сохранность «должны уважаться, охраняться и поддерживаться» (ч. 2 ст. 8).

На рубеже ХХ—XXI вв. культурное многообразие стало получать признание в международно-правовых документах. Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г.⁴ «неповторимость и многообразие особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество», объявлены общим достоянием человечества. В 2004 г. Программой развития ООН был выпущен объемный Доклад о развитии человека под названием «Культурная свобода в современном многообразном мире»⁵ (*Cultural Liberty in Today's Diverse World*), целиком посвященный политико-правовым аспектам культурного многообразия. В Люблянских рекомендациях ОБСЕ по интеграции разнообразных сообществ 2012 г. констатируется, что разнообразие является «характерной чертой всех современных обществ». В связи с этим «важно, чтобы разнообразие признавалось посредством надлежащей правовой и институциональной базы»⁶.

В России юридическое признание этнокультурного и языкового многообразия произошло задолго до 2020 г. Уже само обозначение российского народа как многонационального (преамбула и ст. 3 Конституции РФ) свидетельствует о признании важности этнического (национального) многообразия как характерной черты российского конституционализма. Как отмечает С. А. Авакян, категория многонационального государства в России складывалась исторически, а с принятием в 1993 г. Конституции «стала важным фактором движения вперед»⁷. О важности многообразия для конституционного строя России свидетельствует закрепленный в ст. 5 Конституции РФ принцип равноправия и самоопределения народов.

Категория «этнокультурное и языковое многообразие» получила нормативное закрепление в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (далее — Стратегия). Сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России было определено в числе целей государственной национальной политики (пп. «б» п. 17) и одним из ее приоритетных направлений (пп. «ж» п. 20). Многообразие «национального (этнического) состава и религиозной принадлежности» было объявлено в Стратегии «общим достоянием российской нации» и «фактором укрепления российской государственности» (п. 12).

Изначально Стратегия не раскрывала содержание понятия «этнокультурное и языковое многообразие». Определение появилось в результате изменений,

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ВЕКТОРЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОПРАВКИ

⁴ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 30.06.2025).

⁵ Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире // URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/2004-hdr-russian.2004-hdr-russian> (дата обращения: 30.06.2025).

⁶ Люблянские рекомендации по интеграции разнообразных сообществ. Ноябрь 2012 г. // URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/a/111071.pdf> (дата обращения: 30.06.2025).

⁷ Авакян С. А. Национальная и территориальная составляющие в федеративной организации государства // Государство и право. 2022. № 6. С. 20.

внесенных в документ Указом Президента РФ от 06.12.2018 № 703. Под этно-культурным и языковым многообразием Стратегия предложила понимать «совокупность всех этнических культур и языков народов Российской Федерации». Однако такое понимание представляется упрощенным, поскольку сводит феномен многообразия к полиэтничности.

Полиэтничность означает проживание и социальное взаимодействие на какой-либо территории индивидов различной этнической принадлежности. Такое взаимодействие не всегда является гармоничным: в условиях полиэтничности возможны глубокие межкультурные расколы и конфликты на национальной почве. Этнорелигиозные анклавы в крупных городах Западной Европы, национальный фаворитизм, апартеид — все это примеры отражения полиэтнической структуры общества, но не этнокультурного многообразия. Этнокультурное многообразие означает межнациональное согласие, мирное сосуществование различных групп, «солидарность во взаимоотношениях народов»⁸. Единство сложного в этнокультурном, религиозном и лингвистическом отношении общества, интеграция всех народов и культур в целостный социальный организм (государство-нацию) — условие и неотъемлемое свойство многообразия. Л. М. Дробижева выделяла в качестве критериев интеграции народов наличие общей гражданской идентичности, «согласованность в представлениях об общих целях развития, основных ценностях и жизненных устремлениях, заинтересованность в целостности государства и межнациональном согласии»⁹.

Т. Я. Хабриева и Л. Н. Васильева справедливо отмечают, что в России вопросы сохранения этнокультурного многообразия, культурной и языковой самобытности этнических групп неразрывно связаны с обеспечением единства страны и мирного сосуществования населяющих ее народов¹⁰. Конституция РФ исходит из неразрывной связи этнокультурного многообразия и целостности Российской Федерации, определяя в ч. 1 ст. 68 российское общество как «многонациональный союз равноправных народов России» и подчеркивая в ч. 2 ст. 67.1 «преемственность в развитии Российского государства» и «исторически сложившееся государственное единство». Государственная целостность Российской Федерации названа в одном ряду с равноправием и самоопределением народов в числе конституционных принципов федеративного устройства (ч. 3 ст. 5 Конституции). Как подчеркивает И. Г. Дудко, «заявленная конституционная идентичность России, основанная на исторической преемственности и идеалах нации, требует от

⁸ Алебастрова И. А. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // Lex russica. 2017. № 1. С. 38.

⁹ Дробижева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 81.

¹⁰ См.: Хабриева Т. Я., Васильева Л. Н. Сохранение и развитие этнокультурного многообразия: конституционно-правовые механизмы // Мы — многонациональный народ Российской Федерации: единство в многообразии : сборник выступлений и статей. М., 2020. С. 13.

всех субъектов национальных отношений действий, подтверждающих государственное единство»¹¹.

Итак, этнокультурное и языковое многообразие — это не только совокупность языков и культур. Прежде всего это характеристика самого общества, его определенное состояние, при котором все индивиды обладают равными и гарантированными государством возможностями свободно осуществлять этнокультурное самоопределение (в том числе определять национальную принадлежность, пользоваться родным языком, получать доступ к культурным ценностям своего народа), а все этнические и языковые общности — возможностями свободно и без дискриминации, на основе взаимного уважения, межнационального согласия и поддержания государственного единства сохранять, развивать и популяризовать свою национальную культуру, использовать, развивать и сохранять родной язык, передавать знания о языке и культуре следующим поколениям.

Именно этнокультурное и языковое многообразие как положительная характеристика российского общества (а не просто полигэтничность) получает правовую охрану в ч. 2 ст. 69 Конституции РФ. В этом отношении этнокультурное и языковое многообразие может также рассматриваться в качестве конституционной ценности и конституционно-правового принципа, сопоставимого по своей значимости, как верно замечает Л. В. Андриченко, с содержащимися в главе 1 Конституции основами конституционного строя¹².

Еще полтора десятилетия назад И. А. Кравец выдвинул концепцию конституционного мультикультурализма («мультикультурализма конституционного сообщества»), определенную им как «программу конституционного и культурного строительства, при которой конституция создает правовые условия для развития языка и культуры национальных меньшинств, гарантирует возможность исповедования различной религии... обеспечивает многообразие форм самовыражения граждан и их объединений... ориентирует государственную политику на поддержку этнического многообразия в стране и создает юридические формы для политической интеграции различных социальных слоев и групп в конституционное сообщество граждан»¹³.

Нельзя не отметить тесную связь между этнокультурным многообразием и конституционным мультикультурализмом, как и мультикультурализмом вообще. Мультикультурализм как идеально-философское течение и система социальных практик возник в середине XX в., в качестве логического продолжения борьбы с проявлениями расизма и дискриминации. Время его появления совпало с

¹¹ Дудко И. Г. О государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечение прав человека в условиях современных вызовов : сборник научных статей. Смоленск : Смоленский государственный университет, 2023. С. 134.

¹² См.: Андриченко Л. В. Эволюция принципов федерализма в России в свете конституционных преобразований 2020 г. // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 3. С. 53.

¹³ Кравец И. А. Конституционный мультикультурализм и российское гражданство (проблемы соотношения и перспективы развития) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Право. 2010. Т. 6. № 1. С. 47.

деколонизацией и расцветом движений против расовой сегрегации, в частности в США. В основе мультикультурализма — категорическое неприятие любых идей превосходства одной расы или нации над другими. Как следствие, мультикультурализм делает особый акцент на так называемых правах меньшинств, которые позволяют уязвимым или угнетаемым группам встать на один уровень с теми, кто еще вчера открыто демонстрировал свое более высокое положение в этнической или расовой иерархии¹⁴. Он означает признание и поощрение государством культурного плюрализма на основе равноправия культур, недискриминации и недопустимости насилийной ассимиляции¹⁵.

Не отрицая гуманистической ценности концепции мультикультурализма, использование данного термина в научных целях и в конституционно-правовом регулировании в настоящее время представляется спорным. Дело в том, что в разных государствах и социальных контекстах мультикультурализм приобретал различное смысловое наполнение и реализовывался посредством самых разных практик, которые оказывались предметом многочисленных политических дискуссий, становясь все более политизированными и идеологизированными.

В результате мультикультурристские лозунги и осуществляемые под ними практики все больше отдалялись от изначального содержания мультикультурализма и превращались в инструменты политических манипуляций левых и квазилиберальных сил, строивших свои программы на противопоставлении традиционистским консервативным идеологиям. Например, в Германии миграционная политика, основанная на концепции мультикультурного общества и равноценности всех культур, долгое время фактически означала отказ от интеграции многочисленных мигрантов из стран Азии и Северной Африки в немецкое общество. Результатом такого подхода и стало появление замкнутых этнорелигиозных анклавов, жители которых — потомки мигрантов, уже являющиеся немецкими гражданами, — слабо встроены в социально-политические отношения в стране и не воспринимают немецкую культуру и немецкий образ жизни как часть своей повседневности¹⁶. Этническая сегрегация общества послужила одной из причин заявления, сделанного Ангелой Меркель, бывшей в то время федеральным канцлером, и ряда других высокопоставленных немецких политиков о «крахе» мультикультурализма¹⁷.

В других странах, где понимали болезненность дискуссий о совместимости обычая и жизненного уклада представителей различных культур, мультикультурристские практики во избежание усиления розни ограничивались «безопасными» тематиками — музыкальной, гастрономической и т.п. Так сформировалась модель мультикультурализма, названная канадским социальным философом и одним из идеологов мультикультурализма У. Кимликой ложной, поскольку

¹⁴ См.: Кимлика У. Взлет и падение мультикультурализма? // Дискурс-Пи. 2013. № 1—2. С. 73.

¹⁵ См.: Погорельская С. В. Германия и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 4. С. 83.

¹⁶ См.: Погорельская С. В. Указ. соч.

¹⁷ См.: Ангела Меркель провозгласила конец эры «мульти-культи» // URL: <https://rg.ru/2010/10/19/merkel.html> (дата обращения: 30.06.2025 г.).

мультикультурализм в ней ограничивается идеей торжества разнообразия культур и призывами всех членов общества изучать культуру и традиции разных культурных сегментов¹⁸. Главный недостаток такого восприятия мультикультурализма Кимлика усматривает в том, что оно игнорирует проблемы политического и экономического неравенства между этнокультурными общностями (индивидуами, принадлежащими различным этническим группам). Кроме того, этнокультурные общности в рамках данного подхода рассматриваются как статичные, ригидные образования, опирающиеся лишь на собственные традиции, и не учитывают процессы культурной адаптации и смешивания культур.

Оба названных проявления (деформации) мультикультурализма не имеют ничего общего с конституционно-правовой концепцией этнокультурного многообразия. Подлинное этнокультурное многообразие немыслимо в условиях исключения какой-либо общности из сферы политического взаимодействия или ограничений в доступе к экономическим ресурсам и другим социальным благам. А это предполагает, в свою очередь, не просто «соседство» культур друг с другом, а их постоянный диалог в рамках общего культурно-ценостного и политического пространства государства, приводящий к взаимному обогащению, к культурному и конституционно-правовому развитию всех этнокультурных общностей.

Конституционно-правовой основой этнокультурного многообразия выступают фундаментальные права и свободы, осуществляемые как отдельными индивидами, так и социальными общностями — этнокультурными коллективами (народами, нациями, национальностями, народностями и т. д.).

На индивидуальном уровне этнокультурное многообразие берет основу прежде всего в признаваемом международным сообществом и национальным законодательством большинства современных государств праве каждого человека определять и указывать свою национальную принадлежность. Такое право признается и в России: оно закреплено в ч. 1 ст. 26 Конституции РФ. Праву индивидуального национального самоопределения корреспондируют другие названные в Конституции РФ фундаментальные права и свободы, закладывающие юридический фундамент этнокультурного многообразия — свобода совести и вероисповедания (ст. 28), право пользования родным языком, выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26), право на доступ к культурным ценностям, свобода творчества (ст. 44). В совокупности они образуют комплекс правомочий, обусловливающих свободную национально-культурную самоидентификацию человека; возможность каждого свободно выбирать принадлежность к той или иной этнокультурной общности, реализовывать собственные интересы в культурно-духовной и экономической сферах сообразно своей идентичности.

Этнокультурное многообразие не может рассматриваться только как результат индивидуальной самоидентификации; оно имеет и коллективное измерение. На коллективном уровне этнокультурное многообразие проявляется в коллективных (групповых) правах этнокультурных общностей — народов, национальностей, этнических групп и т.д. Специфика коллективных прав заключается в том, что такие права должны реализовываться именно группами, но не индивидами по отдельности. Если право реализуется индивидом, хотя и совместно с другими

¹⁸ См.: Кимлика У. Указ. соч. С. 72.

членами группы, оно продолжает по своей юридической природе оставаться индивидуальным, но не коллективным¹⁹.

Вместе с тем в результате совместной реализации членами коллектива своих прав (индивидуальных по содержанию, но не имеющих значения вне коллектива) у них возникает общий интерес в поддержании групповой идентичности. Так, индивидуальные права преобразуются в права коллективные — право на сохранение своей культуры и своего языка, на национальное самосохранение, на самоназначение и т.д. — все то, что и образует в своей совокупности коллективное самоопределение.

С точки зрения признания коллективных прав Конституция РФ весьма показательна: индивидуальному праву пользования родным языком корреспонтирует право всех народов на сохранение родного языка (ч. 3 ст. 68); праву каждого человека определять и указывать свою национальную принадлежность — равноправие и самоопределение народов (ч. 3 ст. 5); индивидуальному праву на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям — право народов и этнических общин на защиту своей культурной самобытности (ч. 2 ст. 69 Конституции РФ). Конституция гарантирует защиту прав национальных меньшинств (п. «в» ст. 71, п. «б» ч. 1 ст. 72), коренных малочисленных народов (ч. 1 ст. 69) и малочисленных этнических общин (п. «м» ч. 1 ст. 72).

М. Б. Напсо усматривает основное предназначение коллективных прав в «защите от дискриминации, охране особенностей этнокультурного и национального развития»²⁰. Конституционный Суд РФ подчеркнул значимость укрепления гарантий коллективных прав в условиях многонациональной государственности, в особенности «тех из них, которые тесно связаны с поддержанием гражданского мира»²¹.

Важными конституционно-правовыми предпосылками гражданского мира и согласия являются, в свою очередь, равноправие народов, равенство индивидов независимо от языка и национальности, недопустимость дискриминации вследствие сделанного человеком выбора относительно своей национальной или религиозной принадлежности, запрет проявлений нетерпимости либо национального превосходства. Международный пакт о гражданских и политических правах гарантирует равенство индивидов независимо от национальной принадлежности и места жительства, запрещает всякую дискриминацию по национальному признаку, по признаку языка или вероисповедания (ст. 26). Аналогичная по содержанию гарантия закреплена в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ.

Одновременно Конституция гарантирует равенство и недискриминацию и на коллективном уровне, провозглашая в качестве одной из основ конституционного

¹⁹ См.: Chandra R. Collective rights vs. Individual rights // International Journal of Multidisciplinary Research and Development. 2017. Vol. 4. Is. 7. P. 52.

²⁰ Напсо М. Б. Ценностный потенциал института коллективных прав в вопросах идентификации и самоидентификации и защиты самобытности социальных общин // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. № 3. С. 1.

²¹ Информация Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (подготовлена Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации).

строя принцип равноправия и самоопределения народов (ч. 3 ст. 5). Часть 5 ст. 13 Конституции РФ запрещает создание и деятельность объединений, цели и действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Часть 2 ст. 29 Конституции РФ запрещает проявления «языка вражды» — пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Равенство и недискриминация — необходимые предпосылки межнационального согласия и единения на основе общегражданской идентичности. Преамбула Конституции РФ провозглашает важные постулаты, составляющие основу единства и целостности российского поликультурного общества (российской нации) и государства — объединение всего многонационального российского народа «общей судьбой на своей земле», «исторически сложившееся государственное единство», «гражданский мир и согласие», «память предков» и «любовь и уважение к Отечеству», «ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями».

Конституционная поправка 2020 г., закрепив гарантии сохранения этнокультурного многообразия и защиты культурной самобытности всех народов и этнических общинностей, в то же время ввела принцип культурного единства, означающий, что культура в Российской Федерации является «универсальным наследием» всего многонационального народа, и в этом качестве поддерживается и охраняется государством (ч. 4 ст. 68).

Уникальность российского общества в том, что этнокультурное и языковое многообразие сочетается с высокой степенью взаимной интегрированности народов и культур. За длительное время совместного проживания в одном государстве культуры и народы не растворились друг в друге, но взаимно обогатились на основе общих ценностей, «выработав опыт доброжелательной адаптации и солидарного совместного развития»²². По этой причине Конституция совершенно обоснованно указывает на существование «общероссийской культурной идентичности» (ч. 3 ст. 69).

Таким образом, этнокультурное многообразие с конституционно-правовой точки зрения означает состояние общества, предполагающее триединство взаимосвязанных и взаимообусловливающих элементов:

- во-первых, свободная индивидуальная и коллективная этнокультурная самоидентификация, свободное выражение своей идентичности, в том числе посредством выражения мнений, исповедания религии, доступа к культурным ценностям, творчества;

²² Бабурин С. Н. Конституционный принцип многообразия, но единства культуры как нравственная основа суверенитета России // Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития Российской государственности: исторические, правовые и межкультурные аспекты : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия 1-й союзной Конституции 1924 г. и 30-летию Конституции Республики Бурятия, Улан-Удэ, оз. Байкал, 27—29 июня 2024 г. Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2024. С. 9.

- во-вторых, равенство и недискриминация этнокультурных общностей, а также индивидов независимо от этнокультурной (национальной), расовой, языковой или религиозной принадлежности как основа для межкультурного диалога; равноправие во всех сферах социального взаимодействия;
- в-третьих, политико-правовое единство народа страны, существование общегосударственной гражданской идентичности, государственная целостность, единство культурного пространства как условие межнационального мира и гражданского согласия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Национальная и территориальная составляющие в федеративной организации государства // Государство и право. — 2022. — № 6.
2. Алебастрова И. А. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // Lex russica. — 2017. — № 1.
3. Андриченко Л. В. Эволюция принципов федерализма в России в свете конституционных преобразований 2020 г. // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 3.
4. Бабурин С. Н. Конституционный принцип многообразия, но единства культуры как нравственная основа суверенитета России // Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития российской государственности: исторические, правовые и межкультурные аспекты : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия 1-й союзной Конституции 1924 г. и 30-летию Конституции Республики Бурятия, Улан-Удэ, оз. Байкал, 27—29 июня 2024 г. — Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2024.
5. Дробижева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. — 2015. — № 11.
6. Дудко И. Г. О государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечение прав человека в условиях современных вызовов : сборник научных статей. — Смоленск : Смоленский государственный университет, 2023.
7. Кимлика У. Взлет и падение мультикультурализма? // Дискурс-Пи. — 2013. — № 1—2.
8. Кравец И. А. Конституционный мультикультурализм и российское гражданство (проблемы соотношения и перспективы развития) // Вестник Новосибирского государственного университета. — Серия : Право. — 2010. — Т. 6. — № 1.
9. Напсо М. Б. Ценностный потенциал института коллективных прав в вопросах идентификации и самоидентификации и защиты самобытности социальных общностей // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2020. — Т. 11. — № 3.
10. Погорельская С. В. Германия и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы. — 2011. — № 4.

11. Правовое регулирование межнациональных отношений в Российской Федерации: проблемы теории и практики : научно-практическое пособие / Л. В. Андриченко, А. Е. Постников, Л. Н. Васильева [и др.]. — М. : Норма ; Инфра-М, 2022.
12. Хабриева Т. Я., Васильева Л. Н. Сохранение и развитие этнокультурного многообразия: конституционно-правовые механизмы // Мы — многонациональный народ Российской Федерации: единство в многообразии : сборник выступлений и статей. — М., 2020.
13. Chandra R. Collective rights vs. Individual rights // International Journal of Multi-disciplinary Research and Development. — 2017. — Vol. 4. — Is. 7.
14. Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. — Princeton : Princeton University Press, 1994.

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Современные цифровые технологии и проблема обеспечения прав человека

Аннотация. В статье рассматривается уровень доверия к искусственному интеллекту в условиях стремительного цифрового развития и внедрения самообучающихся технологий. Оперативно развивающиеся гаджеты формируют у человека новый цифровой аватар, изменяя не только личные привычки, но и подход к информационной безопасности.

Анализ проводится на основе существующих исследований, статистических данных и официальных отчетов. В частности, используются данные из исследований Mediascope о поведении пользователей в Интернете и доклады МВД России о преступлениях в киберпространстве.

Согласно данным Mediascope, россияне проводят в Интернете в среднем 3,5 часа в день, при этом значительная доля времени отводится на развлекательный контент. В результате наблюдается увеличение числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий — на 16,4 % за период с января по август 2024 г. Также отмечается удвоение случаев киберпреступности за последние пять лет.

Постоянный рост киберпреступности ставит под сомнение степень доверия к технологиям искусственного интеллекта. Необходимость стандартизации и защиты данных становится актуальной задачей национального уровня. Президент России В. В. Путин подчеркнул важность внедрения технологий ИИ для повышения уровня безопасности и снижения ущерба от киберугроз.

Ключевые слова: искусственный интеллект, доверие, информационно-телекоммуникационные технологии, киберпреступность, дипфейк, антифейковые технологии, квантовая криптография

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.170-176

Julia I. KARAVAEVA,
Academic Secretary of the Academic Council,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Cand. Sci. (Sociology)
jy@mail.ru
2, ul. Shchetinin, Vologda, Russia, 160002

Modern digital technologies and the problem of ensuring human rights

Abstract. This article examines the level of trust in artificial intelligence in the context of rapid digital development and the implementation of self-learning technologies. The rapidly evolving gadgets are creating a new digital avatar for individuals, altering not only personal habits but also approaches to information security.

The analysis is based on existing research, statistical data, and official reports. In particular, data from Mediascope studies on user behavior on the internet and reports from the Ministry of Internal Affairs of Russia on cybercrime are utilized.

According to Mediascope data, Russians spend an average of 3.5 hours per day online, with a significant portion of that time devoted to entertainment content. As a result, there has been an increase in the number of crimes committed using information and telecommunications technologies—by 16.4% from January to August 2024. Additionally, a doubling of cybercrime incidents over the past five years has been noted.

The constant rise in cybercrime raises questions about the level of trust in artificial intelligence technologies. The need for standardization and data protection has become an urgent national issue. Russian President V.V. Putin emphasized the importance of implementing AI technologies to enhance security levels and mitigate damage from cyber threats.

Keywords: artificial intelligence, trust, information and telecommunications technologies, cybercrime, deepfake, anti-fake technologies, quantum cryptography

Актуальность проблемы

Мы живем в век опережающего развития технологий, самообучающихся гаджетов. Нельзя сказать, что цифровое развитие — это тенденция только последних лет, нет, это длительный пролонгированный процесс¹. Например, в СССР пред-

¹ Нагорных Р. В. Публично-правовые основы инновационного развития государственной и муниципальной службы в современной России // Юридическое образование и наука.

почтение было отдано производственной сфере применения компьютерных технологий. Ставка делалась на создание автоматизированных систем управления промышленным производством, станков с числовым программным управлением, а также на организацию вычислительных центров коллективного пользования для сбора и анализа разнообразной информации².

Но именно за последние 15—20 лет цифровая трансформация вошла в нашу повседневную, бытовую жизнь. Используемые нами девайсы создают наш цифровой аватар, накапливают статистику персональных запросов, просмотров, времени, проведенного на том или ином ресурсе. Переформулируя русскую пословицу «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу — кто ты?» на современный лад, можно сказать: «Ты — то, что ты смотришь. Скажи мне, кто твои друзья, на кого ты подписан в Сети, и я скажу каков твой социальный профиль».

По данным исследования Mediascope «Человек в смартфоне» за период с января по август 2024 г., россияне проводят в интернете в среднем 3,5 часа в день³. Данное время человек затрачивает на видео, мессенджеры, соцсети, игры, маркетплейсы. Обратим внимание, что среди перечисленных ресурсов не указаны сайты для самообразования, данное время не является рабочим, продуктивным, экономически полезным. Фактически 4 часа — это среднее окно развлекательного контента.

В этот период человек расслабляется, бдительность ослабевает, он настроен на отдых. Даркнет⁴ и мошенники пользуются данным фактором. Например, злоумышленники используют рекламу в поисковых системах, фишинговые сайты могут занять верхние позиции при поиске, рабочие ссылки могут подменяться на вредоносные. По данным из доклада В. А. Колокольцева, представленного в ходе заседания Общественного совета при МВД России, в январе — августе 2024 г. зарегистрировано 500,4 тысячи преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 16,4 % больше, чем за тот же период 2023 г.⁵

Тенденция к увеличению числа киберпреступлений в России и мире

Активное развитие киберпреступность получила в период пандемии, за последние 5 лет число противоправных деяний в киберпространстве увеличилось более чем вдвое. Сегодня их доля в общем массиве остается значительной и

2022. № 1. С. 26—30.

² Самохвалов В. М., Сизых И. С. Особенности и задачи развития информационных технологий в СССР // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2022. Т. 3. С. 676—678

³ URL: <https://mediascope.net/news/2654610/> и URL: https://mediascope.net/upload/iblock/a88/93gub0nnuaudd6zkn9gc5g2zijv1t2pb/человек%20в%20смартфоне_mediascope.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

⁴ Цифровой мир : терминологический словарь-справочник в определениях официальных документов / И. Р. Бегишев, И. Р. Альмухамедова, А. К. Арюков [и др.]. М. : Проспект, 2024.

⁵ URL: <https://rg.ru/2024/09/25/policia-v-seti.html> (дата обращения: 12.11.2024).

составляет около 40 %, т.е. это почти каждое второе преступление. А по тяжким и особо тяжким составам этот показатель уже приблизился к 60 %. Пострадавшими от незаконных действий в цифровой сфере становятся и физические, и юридические лица, в том числе государственные структуры.

В связи с укрупнением масштабов бедствия логично возникает вопрос о стандартизации, защите данных прав и конкретизации обязанностей⁶.

Собственно, данная потребность определена как приоритетная на самом высшем уровне. Задача по созданию системы эффективного противодействия таким действиям и снижению ущерба от них включена в национальные цели развития страны, определенные Президентом РФ В. В. Путиным. Выступая на международной онлайн-конференции Artificial Intelligence Journey (AI Journey), он заявил, что в ближайшие 10 лет предстоит повсеместно внедрить технологии искусственного интеллекта и анализа больших данных.

В настоящее время в России основные стратегии, затрагивающие сферу развития искусственного интеллекта, изложены в Указах Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁷ и от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁸.

Отметим, что внимание данному вопросу уделено и на международном уровне. Так, в принятой резолюции 79/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 22.09.2024 зафиксирована задача 5 — усилить международное регулирование в отношении искусственного интеллекта на благо человечества⁹.

В то же время признание цифровой трансформации общества, стремление регламентировать данную сферу не в полной мере обеспечивают абсолютное соблюдение прав человека¹⁰. Напомним об одиозном случае, произошедшем в Гонконге. В начале 2024 г. одна из крупнейших корпораций потеряла 26 млн долларов, так как один из сотрудников был обманут с помощью технологии дипфейк (deepfake)¹¹. Введенный в заблуждение сотрудник работал в финансовом отделе и обладал полномочиями на принятие решений, соответственно, мы можем сделать вывод, что специалист имел достаточный уровень образования, опыта, но и с учетом имеющегося бэкграунда все же был обманут. По данным гонконгской полиции все участники видео-конференц-связи были фэйковыми, сгенерированными с помощью цифровых технологий на основе фото и видео реальных персон из открытых источников.

⁶ Саргсян А. А. Перспективы цифровизации назначения и исполнения уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 2 (58). С. 146—152.

⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 12.11.2024).

⁸ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 12.11.2024).

⁹ URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/272/24/pdf/n2427224.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

¹⁰ Воробьев С. М., Мельникова О. В., Иалиев П. В. Цифровая трансформация современного российского государства: актуальные вопросы правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 1 (57). С. 8—18.

¹¹ Российская газета. 04.02.2024. URL: <https://rg.ru/2024/02/04/v-gonkonge-s-pomoshchiu-dipfejka-moshenniki-ukrali-milliony-dollarov-u-krupnejshie-korporacii.html>.

На пути от доверия к скепсису

Описанная выше мошенническая схема строится на чувстве доверия сотрудника руководству, партнерам, средствам связи и своим органам восприятия. Этот пример подводит нас к обозначенной в заголовке проблематике — вопросу о степени доверия к искусенному интеллекту. Выше было отмечено, что искусственный интеллект, цифровые технологии — это не спринтерская, а марафонская дистанция со стартом в более глубоком прошлом, чем 15—20 лет назад. Первоначально цифровизация была априори положительной — она облегчала труд. Доверие к искусенному интеллекту строится на исторических примерах успеха в производстве, медицине. Накопленный положительный опыт и его потенциал способствуют доверию девайсам связи и коммуникаций. К положительному образу (имиджу) цифровизации приписывается положительная характеристика элитарности. Доступ к возможностям цифровизации имели высокообразованные люди, имеющие более высокий уровень жизни, более высокий социальный статус.

Сегодня же с помощью новых технологий совершаются трансграничные преступления. Различные программные устройства обеспечивают анонимность преступника. Сегодня для совершения противоправного действия весьма важно иметь доступ к уникальным персональным характеристикам потенциального потерпевшего. Изображение внешности человека, его голос, интонацию и т.д. возможно генерировать (к примеру, с использованием reface technology).

Выводы и предложения

Необходимо отметить, что отдельные запреты и ситуативные блокировки не будут систематически эффективны. Необходима синергия образования, науки, бизнеса, государства для обеспечения прав человека¹².

Мы не можем сегодня запретить ребенку пользоваться гаджетами, мы должны научить его быть технологичным, продвинутым, подкованным.

Начать надо хотя бы с себя и уделять время на прочтение пользовательского соглашения не 1,5—2 секунды, которые достаточны только для отлиствования до кнопки «ок». Нужны соответствующие образовательные программы, треки в региональных вузах. Наука продолжит разрабатывать антифейковые технологии. Нормотворцы продолжат совершенствовать законодательную базу. Уже есть страны, такие как Саудовская Аравия, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, где предусмотрена и регламентирована уголовная ответственность за киберпреступления.

В Саудовской Аравии уголовная ответственность за киберпреступления установлена Законом о преступлениях в области информационных технологий 2007 г.

¹² Некрасов В. Н. 10 условий успешной трансформации уголовного права в эпоху инновационных перемен. Условие 1 // Ius Publicum et Privatum. 2023. № 3 (23). С. 156—165.

В Объединенных Арабских Эмиратах уголовная ответственность за киберпреступления¹³ предусмотрена Федеральным законом № 34 2021 г. «О борьбе со слухами и киберпреступлениями». Закон определяет широкий спектр киберпреступлений, включая несанкционированный доступ к системам и кражу данных, а также более серьезные преступления, такие как онлайн-травля, распространение дезинформации, эксплуатация несовершеннолетних с помощью цифровых средств и электронное мошенничество. Наказания зависят от характера и тяжести преступления и могут включать лишение лицензии, штрафы, тюремное заключение и депортацию.

Несомненно, будет развиваться и преступность. Наше доверие к цифровизации может смениться абсолютным скепсисом. Но в любом случае можно сказать, что цифровизация и развитие искусственного интеллекта тяготеют к расширению и распространению, имеют больше преимуществ, чем недостатков, являются фактором прогресса и развития. А законодательная база по объективным причинам (одна процедура согласования и соблюдение принципа «не навреди») пока не успевает за технологическим прогрессом. Между тем понимание необходимости совершенствования указанных мер защиты присутствует на самых высоких уровнях.

В данных рассуждениях об эволюции доверия к технологиям стоит напомнить о разработке и создании квантового компьютера, от которого зависит национальная безопасность. Так, в интервью «Российской газете» Р. Р. Юнусов, один из создателей отечественных квантовых технологий и сооснователь Российского квантового центра в Сколково, говорит, что квантовая криптография может оставить изощренных хакеров без работы¹⁴.

Сегодня Россия накапливает собственные разработки, и отмечу, что этому даже способствует умение устоять в условиях многочисленных международных санкций. Два года назад, когда российские ученые лишились возможности работать на зарубежных цифровых площадках и платформах, когда на все сферы экономики, науки, бизнеса оказывалось беспрецедентное давление, был заложен фундамент сегодняшнего рывка вперед, развития собственных наработок.

Хочется верить, что нас ждет безопасное высокотехнологичное будущее, а сегодняшние примеры ошибок искусственного интеллекта, когда система распознавания лиц Amazon определила 28 конгрессменов США как преступников, останется в далеком прошлом.

Еще один громкий пример ошибки искусственного интеллекта, когда ярославский ученый-гидролог Александр Цветков 10 месяцев провел в СИЗО из-за ошибки системы распознавания лиц в Домодедовском аэропорту, которая показала 55 % совпадение внешности с фотороботом преступника — убийцы. Конечно, можно сказать, что масштабные достижения не обходятся без единичных ошибок (есть даже поговорка: «Лес рубят — щепки летят»). Но, если подобные громкие ошибки и их резонанс могут затронуть каждого из нас, любого гражданина, думаю,

¹³ Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Уголовная ответственность юридических лиц в Объединенных Арабских Эмиратах и Королевстве Саудовская Аравия: сравнение материальных и процессуальных аспектов // Российский следователь. 2024. № 3. С. 51—56.

¹⁴ URL: <https://rg.ru/2023/01/10/igry-v-kubity.html> (дата обращения: 23.11.2024).

что вопрос должен быть рассмотрен особо тщательно. Уверена, что уровень доверия к искусственному интеллекту будет зависеть от развития законодательства и антифейковых технологий и будет расти пропорционально уменьшению подобных ошибок и сокращению числа киберпреступлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Уголовная ответственность юридических лиц в Объединенных Арабских Эмиратах и Королевстве Саудовская Аравия: сравнение материальных и процессуальных аспектов // Российский следователь. — 2024. — № 3. — С. 51—56.
2. Воробьев С. М., Мельникова О. В., Иелиев П. В. Цифровая трансформация современного российского государства: актуальные вопросы правовой регламентации // Пенитенциарная наука. — 2022. — Т. 16. — № 1 (57). — С. 8—18.
3. Нагорных Р. В. Публично-правовые основы инновационного развития государственной и муниципальной службы в современной России // Юридическое образование и наука. — 2022. — № 1. — С. 26—30.
4. Некрасов В. Н. 10 условий успешной трансформации уголовного права в эпоху инновационных перемен. Условие 1 // Ius Publicum et Privatum. — 2023. — № 3 (23). — С. 156—165.
5. Самохвалов В. М., Сизых И. С. Особенности и задачи развития информационных технологий в СССР // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2022. — Т. 3. — С. 676—678.
6. Саргсян А. А. Перспективы цифровизации назначения и исполнения уголовного наказания // Пенитенциарная наука. — 2022. — Т. 16. — № 2 (58). — С. 146—152.
7. Цифровой мир : терминологический словарь-справочник в определениях официальных документов / И. Р. Бегишев, И. Р. Альмухамедова, А. К. Арюков [и др.]. — М. : Проспект, 2024. — 672 с.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Современные тенденции развития избирательного законодательства

Аннотация. Стремительно меняющиеся условия современного мира, а также развитие новых информационных технологий детерминируют изменения избирательного законодательства, одна из основных задач которого состоит в создании действенных гарантий реализации избирательных прав граждан. В статье анализируются некоторые тенденции развития избирательного законодательства, связанные с повышением качества избирательного процесса, доступностью избирательных процедур, в том числе в условиях, вызванных пандемией коронавирусной инфекции и введением военного положения на территории некоторых субъектов РФ.

Ключевые слова: выборы, избирательное законодательство, «Мобильный избиратель», дистанционное электронное голосование, сбор подписей, Госуслуги, многодневное голосование, экстерриториальные избирательные участки, голосование в СИЗО, специальные избирательные счета

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.177-185

Константин Сергеевич
МАЗУРЕВСКИЙ,
старший преподаватель
кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
член Центральной
избирательной комиссии
Российской Федерации
ksmazurevskij@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Konstantin S. MAZUREVSKII,

Senior lecturer of the Department of Constitutional
and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

ksmazurevskij@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Current trends in the development of electoral legislation

Abstract. The rapidly changing conditions of the modern world, as well as the development of new information technologies, determine changes in electoral legislation, one of the main objectives of which is to create effective guarantees for the exercise of citizens' electoral rights. The article analyzes some trends in the development of electoral legislation related to improving the quality of the electoral process and making electoral procedures more accessible, including in the context of the coronavirus pandemic and the imposition of martial law in certain regions of the Russian Federation.

Keywords: elections, electoral legislation, Mobile Voter, remote electronic voting, signature collection, Gosuslugi, multi-day voting, extraterritorial polling stations, voting in pre-trial detention centers, and special electoral accounts

Конституция России относит свободные выборы к высшей форме непосредственного выражения народовластия (ч. 3 ст. 3). При этом граждане России обладают конституционными правами избирать и быть избранными в органы публичной власти (ч. 2 ст. 32 Конституции). Перечисленные базовые положения Конституции России создают правовую основу для их детальной регламентации и раскрытия в избирательном законодательстве через систему гарантий, т.е. конкретных механизмов реализации субъективных прав граждан.

Частые корректировки избирательного законодательства нередко подвергаются критике со стороны научного сообщества. Вместе с тем невозможно не согласиться, что выборы проводятся в реальных условиях реальной жизни, которой свойственно достаточно динамично и подчас существенно меняться, что особенно заметно в последнее пятилетие.

Так, только за указанный период (последние пять лет) выборы проводились в невиданных ранее условиях пандемии коронавирусной инфекции, а позднее — и в режиме введенного в некоторых субъектах РФ военного положения.

Практически после каждого избирательного цикла в системе избирательных комиссий проводится анализ правоприменительной практики ирабатываются рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы. Эта работа носит плановый и системный характер и осуществляется избирательными комиссиями в целях реализации и защиты избирательных прав граждан¹. В то же время задачи по подготовке и проведению выборов требуют от участников законодательного процесса и правоприменителей синхронной работы, направленной на прогнозирование меняющихся условий объективной реальности, что позволяет в конечном итоге выработать наиболее адекватные обстановке механизмы комфорной и безопасной реализации избирательных прав граждан.

Безусловно, Центральная избирательная комиссия РФ не наделена напрямую Конституцией России правом законодательной инициативы, однако это не лишает возможности участников законотворческого процесса использовать экспертные заключения по избирательным вопросам, подготовленные в ЦИК России — государственном органе, обладающем специальной компетенцией в сфере выборов. Общей целью этих совместных усилий является реализация в избирательной плоскости конституционной доминанты о необходимости признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека как высшей ценности (ст. 2 Конституции). Применительно к избирательной системе страны можно с уверенностью говорить о том, что в ее центре должен находиться и находится избиратель.

В свете изложенного представляется возможным выделить следующие основные тенденции развития избирательного законодательства:

- внедрение в избирательный процесс новых информационных технологий;
- обеспечение безопасности, жизни и здоровья участников избирательного процесса, а также максимально возможного удобства реализации избирательных прав в современных условиях.

¹ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 23 мая 2025 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». П. 3 ст. 20 // СПС «КонсультантПлюс».

Очевидно, что такое разделение является весьма условным, поскольку использование новых информационных технологий, как правило, одновременно создает условия для безопасного и комфортного участия граждан в избирательном процессе.

К первому блоку могут быть отнесены следующие гарантии, являющиеся частью современных избирательных стандартов отечественной избирательной системы:

- механизм «мобильный избиратель» (голосование избирателя по месту его нахождения);
- дистанционное электронное голосование;
- сбор подписей избирателей с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) (портал «Госуслуги»).

Ко второму блоку можно отнести следующие гарантии:

- возможность голосования избирателей в течение нескольких дней подряд (многодневное голосование);
- экстерриториальные участки;
- голосование избирателей, содержащихся в СИЗО за пределами своего избирательного округа;
- дистанционное открытие специальных избирательных счетов кандидатов.

«Мобильный избиратель» (голосование избирателя по месту нахождения избирателя) позволяет избирателю проголосовать на любом удобном для него избирательном участке, расположенному в пределах избирательного округа независимо от места жительства. Данная возможность доступна избирателям на федеральных и региональных выборах.

Для включения избирателя в список избирателей по месту нахождения необходимо заранее подать заявление в один из пунктов приема заявлений, расположенных в территориальной или участковой избирательной комиссии, либо через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, либо в электронном виде на портале «Госуслуги».

Другими словами, на федеральных и региональных выборах, избиратель может принять участие в выборах, даже если он находится вдали от своего избирательного участка.

Избиратель может подать заявление за 45—3 дня до дня голосования, а участковая избирательная комиссия начинает прием заявлений за 10 дней до дня голосования. В случае изменения обстоятельств избиратель может отозвать (аннулировать) заявление и подать новое. Поданные заявления не позднее следующих суток попадают в базу обработки заявлений ГАС «Выборы».

Сведения об избирателях, подавших заявления, направляются в территориальную избирательную комиссию по месту их жительства, которая формирует книги списков избирателей, подавших заявления, и не позднее дня, предшествующего дню голосования, передает данные в участковые избирательные комиссии. Участковая избирательная комиссия включает их в список избирателей на своем участке. Также территориальная избирательная комиссия передает реестр избирателей, подлежащих исключению в связи с подачей заявления о голосовании на другом участке, а участковая избирательная комиссия исключает таких избирателей из списка избирателей до дня голосования. Указанные действия

производятся избирательными комиссиями для исключения возможности повторного голосования одного и того же избирателя.

Востребованность такого механизма, как «мобильный избиратель», его простота и удобство наглядно иллюстрируются статистикой: если в 2008 и 2012-х гг. на выборах Президента РФ по открепительным удостоверениям проголосовало около 2 млн избирателей, то после введения в действие «Мобильного избирателя» на очередных выборах Президента РФ в 2018 г. заявки на голосование с помощью этой технологии подали в три раза больше избирателей — 5,69 млн, а в 2024 г. их число увеличилось до 10 млн. В связи с этим, а также с развитием дистанционного электронного голосования представляется совершенно логичной и оправданной позиция законодателя, принявшего в 2023 г. решение по исключению из избирательного законодательства возможности голосования по открепительным удостоверениям.

Кроме того, очевидна тенденция роста популярности портала «Госуслуги»: если в 2018 г. через этот портал было подано 28,8 % заявлений о голосовании с помощью «Мобильного избирателя», то 2024 г. их доля составила уже 82,5 %, в то время как за этот же период существенно сократилась подача заявлений через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (16,4 % в 2018 г. и 1,3 % в 2024 г.).

Дистанционное электронное голосование (ДЭГ). Законодатель в п. 62.1 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 67-ФЗ) дал дефиницию дистанционного электронного голосования через следующие признаки:

- 1) проводится без бумажного бюллетеня;
- 2) используется специальное программное обеспечение, которое размещается на специальном портале;
- 3) доступ к специальному порталу предоставляется на техническом устройстве избирателя через информационно-телекоммуникационные сети.

Необходимо отличать дистанционное электронное голосование от собственно электронного голосования, которое согласно п. 62 ст. 2 этого же Федерального закона проводится:

- исключительно на избирательном участке;
- с использованием электронного бюллетеня;
- посредством комплекса электронного голосования.

Законодатель, проводя указанные различия между данными видами голосования, не запрещает комплексное использование как дистанционного, так и электронного голосования на одних и тех же выборах, практическим примером чему служит проведение в последние годы избирательных кампаний в городе Москве, где активно используется указанное сочетание.

В Российской Федерации ДЭГ применяется на двух платформах — федеральной и региональной: на федеральной платформе — с использованием портала «Госуслуги»; в городе Москве, на региональной платформе, — с использованием Портала государственных и муниципальных услуг (функций) города Москвы (mos.ru).

Впервые дистанционное электронное голосование было проведено в Москве в 2019 г. на выборах депутатов Московской городской Думы в трех избирательных округах в рамках эксперимента, для проведения которого потребовалось принятие специального федерального закона. Сейчас очевидно, что без указанного опыта проведения дистанционного электронного голосования в Москве и развертывания инфраструктуры «Мобильного избирателя» полноценно внедрить ДЭГ было бы невозможно. В последующие годы законодателем совершенствовалась нормативно-правовая база проведения дистанционного электронного голосования, что позволило постепенно развивать этот способ голосования, одновременно расширяя географию его использования: с 2019 г. ДЭГ воспользовались 21,3 млн избирателей в 37 регионах. В единый день голосования в сентябре 2025 г. принять участие в ДЭГ, согласно решению ЦИК России, могут избиратели 24 субъектов РФ.

При этом следует отметить, что явка избирателей на ДЭГ традиционно высокая — свыше 90 %, что, с одной стороны, объясняется заявительным порядком подачи заявлений на участие в дистанционном электронном голосовании на федеральной платформе, а с другой — говорит о востребованности данного вида голосования, его удобстве и простоте.

Важно отметить, что дистанционное электронное голосование является дополнительной возможностью для реализации избирателями активного избирательного права, что в полной мере соотносится с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 15.04.2014 № 11-П, согласно которой голосование по сети Интернет отнесено к субсидиарным способам осуществления активного избирательного права, при реализации которого должна быть гарантирована его надежность, эффективность и адекватное отражение волеизъявления избирателей.

В соответствии с Федеральным законом № 67-ФЗ (п. 16.1 ст. 37) **сбор подписей избирателей** может осуществляться **с использованием портала «Госуслуги»** при соблюдении следующих условий:

- 1) выборы проводятся в органы государственной власти субъекта РФ;
- 2) возможность сбора подписей должна быть предусмотрена законом субъекта РФ (в настоящий момент соответствующие нормы предусмотрены в законах 55 субъектов РФ);
- 3) количество подписей, которое можно собрать с использованием портала «Госуслуги», устанавливается законом субъекта РФ и не может превышать половину подписей, необходимых для регистрации.

Следует отметить, что сбор подписей с помощью портала «Госуслуги», с учетом широкого распространения и востребованности среди граждан России данного портала и простоты процедуры, значительно упрощает субъектам избирательного процесса прохождение этой стадии. Существенным обстоятельством является также тот факт, что электронные подписи, собранные через портал «Госуслуги», на практике пока не признавались недействительными или недостоверными, поскольку проставлены избирателями, имеющими подтвержденную учетную запись на данном портале.

Следуя тенденции развития и внедрения информационных технологий в нашей стране, а также исходя из имеющегося положительного опыта, в том числе

зарубежного², вполне возможно предположить, что право сбора подписей через «Госуслуги» в обозримом будущем может быть законодательно распространено и на федеральные выборы.

Практика проведения голосования избирателей *в течение нескольких дней подряд* была впервые апробирована при проведении в период с 25 июня по 1 июля 2020 г. Общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации и была вызвана соображениями сохранности жизни и здоровья наших граждан, поскольку голосование проводилось в период пандемии коронавирусной инфекции.

В июле 2020 г. в Федеральный закон № 67-ФЗ (ст. 63.1) были внесены изменения, согласно которым по решению избирательной комиссии, организующей выборы, голосование может проводиться в течение нескольких дней подряд, но не более трех дней. Это дало возможность Центральной избирательной комиссии РФ в целях защиты здоровья наших граждан принять решение о проведении голосования на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва в течение трех дней подряд — 17, 18 и 19 сентября 2021 г.

Избиратели позитивно оценили преимущества многодневного голосования: согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в сентябре 2020 г., 61 % россиян положительно отнеслись к возможности проголосовать в течение нескольких дней, при этом 78 % респондентов заявили об удобстве многодневного голосования³.

Несмотря на спад пандемии коронавирусной инфекции, существующий запрос избирателей на многодневное голосование сохраняется и удовлетворяется практикой абсолютного большинства избирательных комиссий, принимающих решения о проведении голосования преимущественно в течение трех дней подряд. Не стали исключением и выборы Президента Российской Федерации, голосование на которых по решению ЦИК России проводилось 15, 16 и 17 марта 2024 г. Показательно, что при проведении единого дня голосования в сентябре 2025 г. на выборах высших должностных лиц субъектов РФ организующие выборы комиссии 19 регионов приняли решение о проведении трехдневного голосования и лишь в одном регионе (в Республике Татарстан) было принято решение о голосовании в однодневном формате.

Экстерриториальные участки. Проведение специальной военной операции и связанные с ней перемещения большого количества граждан России в субъекты РФ, не являющиеся регионами их постоянного проживания, потребовали внесения изменений в избирательное законодательство в целях обеспечения реализации их избирательных прав. Применительно к 2023 г. речь в первую очередь идет о жителях четырех новых регионов России (Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей), выехавших в другие регионы на период ведения боевых действий, а также о военнослужащих, занятых ратным трудом в новых регионах, и строителях, восстанавливающих

² См. подробнее: Лысенко В. И. Зарубежная практика сбора подписей избирателей в электронном виде // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 4 (34). С. 102—123.

³ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodnevnoe-golosovanie-za-i-protiv>.

инфраструктуру этих регионов. В 2024 г. в связи с вторжением украинских бандформирований на территорию Курской области встал вопрос о необходимости реализации избирательных прав жителей Курской области, размещенных в связи с этой чрезвычайной ситуацией в других регионах нашей страны.

Как справедливо отмечает Л. Л. Маркина, решение этих вопросов потребовало «совершенствования пространственно-правовой организации избирательных отношений»⁴.

В 2023 г. законодателем были принятые изменения в Федеральный закон № 67-ФЗ, в результате которых у избирательных комиссий появилась возможность образовывать избирательные участки за пределами «своих» субъектов РФ, а ЦИК России была наделена правом по установлению особенностей проведения голосования на таких экстерриториальных участках.

Принятые меры, безусловно, явились адекватным ответом избирательной системы страны на вызовы времени и в некоторых случаях обеспечили перемещенным людям единственную возможность для реализации их активного избирательного права, став дополнительной гарантией такой реализации⁵. Так, при проведении выборов губернатора Курской области в сентябре 2024 г. находящиеся за пределами региона жители Курской области могли проголосовать на 21 экстерриториальном избирательном участке, расположенных в 14 субъектах РФ.

Представляется, что с прекращением военных действий и возвращением к мирной жизни указанные законодательные нормы будут носить «спящий» характер, особенно в свете развития дистанционного электронного голосования, позволяющего избирателям проголосовать из любой точки страны при условии наличия сети Интернет.

Голосование избирателей, содержащихся в СИЗО за пределами избирательного округа. Одним из принципов избирательной системы России является обеспечение максимальных возможностей для реализации прав избирателей, где бы они ни находились. Пребывание гражданина в СИЗО не является обстоятельством, лишающим его избирательных прав. Другое дело, что до недавнего времени отсутствовал действенный механизм голосования таких граждан в случае, если СИЗО расположено за пределами их избирательного округа, что на практике встречается достаточно часто.

В настоящий момент эти вопросы поэтапно решаются. В 2023 г. (с последующими поправками 2024 г.) законодатель определил⁶, что при проведении выборов в органы государственной власти перечень субъектов Российской Федерации и вид выборов, в которых могут принять участие избиратели, содержащиеся в СИЗО за пределами соответствующего избирательного округа, определяются

⁴ Маркина Л. Л. Реализация избирательных прав граждан России в экстраординарных условиях: доктринальное осмысление нового опыта // Экономика. Право. Общество. 2025. № 10 (1). С. 187—193.

⁵ Нестеренко В. В., Кутько В. В. Экстерриториальные избирательные участки: путь от идеи до реализации // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 4 (34). С. 197.

⁶ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». П. 19 ст. 66, п. 17 ст. 64, п. 17 ст. 65 // СПС «КонсультантПлюс».

решением Центральной избирательной комиссии РФ, которая уполномочена также определять порядок проведения такого голосования⁷.

Решением ЦИК России при проведении единого дня голосования 8 сентября 2024 г. была определена 21 избирательная кампания по выборам высших должностных лиц субъектов РФ, в которых могли принять участие избиратели из этих регионов, содержащиеся в СИЗО других субъектов РФ. В результате четко отработанного взаимодействия был создан 81 специальный избирательный участок в СИЗО, расположенных в 32 субъектах РФ, в выборах приняло участие 95,3 % избирателей, содержащихся в СИЗО за пределами своих избирательных округов, что является очень хорошим показателем участия в выборах.

В этой связи представляется перспективным дальнейшее развитие механизмов, позволяющих гражданам, находящимся в СИЗО за пределами соответствующих избирательных округов, голосовать не только на региональных, но и на муниципальных выборах.

Дистанционное открытие специальных избирательных счетов кандидатов. Поскольку в соответствии с требованиями избирательного законодательства открытие специальных избирательных счетов кандидатов практически всегда является обязательным (исключение может быть предусмотрено законом субъекта РФ на выборах органов местного самоуправления) и невыполнение этого требования влечет за собой негативные последствия для кандидата в виде отказа в регистрации, существует потребность сделать эту процедуру максимально удобной, технологичной и комфортной для кандидатов.

В этой связи в 2025 г. были внесены изменения в законодательство о выборах, предусматривающие возможность дистанционного открытия избирательных счетов. При этом соответствующие положения законодательства подлежат применению к правоотношениям, возникшим в связи с проведением выборов, которые будут назначены после 1 января 2026 г. ЦИК России вправе определить субъекты РФ и избирательные кампании, на которые возможность открытия дистанционных избирательных счетов кандидатов будет распространяться раньше этого срока, что логично, поскольку любое нововведение требует практической обкатки.

По решению Центральной избирательной комиссии РФ в единый день голосования в 2025 г. в 9 субъектах РФ кандидаты — участники 10 избирательных кампаний принимают участие в реализации данной новеллы в избирательном законодательстве — открытии специальных избирательных счетов кандидатов без личного присутствия (дистанционно). Избирательная система получает положительные отклики от кандидатов, воспользовавшихся новыми возможностями.

Следует отметить, что закон позволяет открывать специальные избирательные счета без личного присутствия в банке (дистанционно) не только кандидатам, но и избирательным объединениям, однако для реализации этой возможности на практике в части избирательных объединений должна быть проделана большая организационная работа ЦИК России и Сбербанка, поскольку именно на эту

⁷ Постановление ЦИК России от 17.07.2024 № 177/1417-8 «О Порядке организации голосования в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на выборах, назначенных на 8 сентября 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».

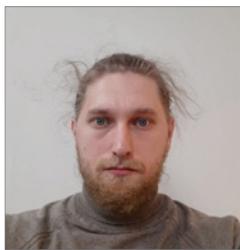
системообразующую кредитную организацию законодатель возложил обязанность по работе со специальными избирательными счетами.

Подводя итог, можно сказать, что современное избирательное законодательство России соответствует вызовам времени и отвечает задачам по созданию максимальных условий для реализации избирательных прав граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лысенко В. И. Зарубежная практика сбора подписей избирателей в электронном виде // Гражданин. Выборы. Власть. — 2024. — № 4 (34). — С. 102—123.
2. Маркина Л. Л. Реализация избирательных прав граждан России в экстраординарных условиях: доктринальное осмысление нового опыта // Экономика. Право. Общество. — 2025. — № 10 (1). — С. 187—193.
3. Нестеренко В. В., Кутько В. В. Экстерриториальные избирательные участки: путь от идеи до реализации // Гражданин. Выборы. Власть. — 2024. — № 4 (34). — С. 190—198.

О некоторых аспектах непосредственного участия народа в конституционной реформе (на примере стран — участников СНГ)

Александр Александрович
КАДАЕВ,
 ассистент кафедры
 конституционного
 и муниципального права
 Университета имени
 О.Е. Кутафина (МГЮА)
1999.az85@gmail.com
 125993, Россия, г. Москва,
 ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. В статье раскрыто авторское видение непосредственного участия народа в реформировании конституций в странах СНГ. Поднят вопрос о соотношении участия народа в реформировании конституций с осуществлением народом учредительной власти. В качестве примера исследованы правовые механизмы конституционных реформ стран СНГ с точки зрения непосредственного участия граждан в инициировании конституционной реформы и принятия решения о реформировании конституции. Рассмотрены особенности и проблемы существующего в Российской Федерации правового механизма конституционной реформы с точки зрения участия народа. Обозначены перспективы возникновения новых форм непосредственного участия народа в реформировании российской Конституции. Описана проблематика понимания общероссийского голосования в реформировании Конституции РФ, выделено два подхода к данному экстраординарному явлению в доктрине.

Ключевые слова: конституция, учредительная власть, народовладение, непосредственная демократия, конституционная реформа, правовой механизм конституционной реформы, референдум, всенародное голосование, инициатива граждан по проведению конституционного референдума, общероссийское голосование, конституционная правотворческая инициатива граждан

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.186-193

Alexander A. KADAEV,
 Assistant of the Department of Constitutional and Municipal Law
 of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
1999.az85@gmail.com
 9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Some aspects of the direct participation of the people in constitutional reform (using the example of the CIS member states)

Abstract. The article reveals the author's vision of the direct participation of the people in the reform of constitutions in the CIS countries. The issue of the correlation between the participation of the people in the reform of constitutions and the exercise of constituent power by the people is raised. As an example, the legal mechanisms of constitutional reforms in the CIS countries are studied from the point of view of direct participation of citizens

in initiating constitutional reform and making decisions on reforming the constitution. The features and problems of the existing legal mechanism of constitutional reform in the Russian Federation from the point of view of people's participation are considered. The prospects for the emergence of new forms of direct participation of the people in the reform of the Russian Constitution are outlined. The article describes the problems of understanding the all-Russian vote in the reform of the Constitution of the Russian Federation, highlights two approaches to this extraordinary phenomenon in the doctrine.

Keywords: constitution, constituent power, democracy, direct democracy, constitutional reform, legal mechanism of constitutional reform, referendum, popular vote, citizens' initiative to hold a constitutional referendum, nationwide voting, constitutional law-making initiative of citizens

В современном быстро меняющемся мире все более актуальной становится необходимость качественного упорядоченного проведения конституционной реформы. Ее правовой механизм зачастую включает в себя участие и главы государства, и законодательной власти, а также в некоторых случаях и судебного органа конституционного контроля. В федерациях, например в России, в реформе конституций участвуют также и органы власти субъектов федерации. Однако конституции всех стран СНГ закрепляют именно народ в качестве источника власти, из чего вытекает тезис об обязательном участии народа в правовом механизме конституционной реформы в том или ином виде.

Ученые в целом высказываются в одном русле о месте народа в реформировании конституций. Ключевым здесь является понимание народа как источника власти, а в случае конституционной реформы в первую очередь подразумевается власть учредительная. Так, по мнению Д. Г. Шустрова, «теория учредительной власти народа исходит из того, что принятие и изменение конституции осуществляется народом или его представителями в качестве особой учредительной власти»¹.

Осуществляя учредительную власть народ выражает свою волю на реформирование конституции. При этом, как отмечает В. В. Комарова, «понятие “воля народа” может применяться только случае, когда сам народ ее проявляет», а когда речь заходит о функционировании государственных органов, то это необходимо именовать как «воля народа, опосредованная через его представительные органы»². Данная позиция автора заслуживает внимания и касательно вопроса реформирования конституций и прямого участия народа в нем.

Анализируя конституционные реформы и исходя из приведенного выше мнения, можно назвать непосредственное выражение воли народа на реформирование конституции одной из двух форм участия народа в конституционной реформе наряду с выражением воли народа на реформирование конституции обычными или специализированными представительными органами, осуществляющими

¹ Шустров Д. Г. Пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 47.

² Комарова В. В. Идеи народовластия // Lex russica. 2016. № 3 (112). С. 75.

учредительную власть. В рамках настоящей статьи исследованию подлежит именно непосредственное участие граждан в проведении конституционной реформы.

Иного подхода придерживается В. А. Токарев, разграничивая учредительную власть на два вида: первоначальную и институциональную. Первая «разрабатывает конституцию, когда нет другой действующей конституции», тогда как вторая «создается конституцией и ее изменяет, ограничиваясь порядком общего пересмотра и внесения поправок и дополнений». При этом он признает «исключительно ведущими субъектами первоначальной учредительной власти» учредительное собрание и (или) избирательный корпус³, т.е. народ как совокупность граждан России, обладающих избирательным правом, как его понимают многие ученые⁴. При этом, по мнению В. А. Токарева, носителем как первоначальной учредительной власти, так и источником институциональной учредительной власти признается народ⁵.

В контексте исследования конституционной реформы и ее правовых механизмов данный подход имеет некоторые недостатки применительно к узости определения первоначальной учредительной власти, так как ситуация отсутствия конституции в современном мире выглядит маловероятной. Оставление без внимания действующей конституции при принятии новой и вовсе сложно назвать конституционной реформой, так как отсутствует собственно применение ее специального правового механизма.

Однако данный подход можно соотнести с известными нам видами конституционной реформы: первоначальная учредительная власть соотносится с принятием новой конституции, институциональная — с конституционной модернизацией. При этом народ может, а в определенных случаях и должен, быть субъектом не только первоначальной, но обоих указанных видов учредительной власти. В качестве обоснования необходимости непосредственного участия народа в конституционной модернизации можно привести позицию В. В. Комаровой. По ее мнению, использование института плебисцитарных референдумов необходимо для изменения государственного устройства страны или одного из ее субъектов⁶. Это означает, что народ может быть непосредственным участником как принятия новой конституции, так и конституционной модернизации.

В целях исследования следует выявить конкретные субъекты учредительной власти, а значит, и формы участия народа в правовом механизме конституционной реформы. В. В. Комарова выделяет такие субъекты народовластия в узком смысле, как многонациональный народ Российской Федерации; многонациональное население субъектов Федерации; население муниципального образования — местное сообщество; группа граждан⁷. Попробуем соотнести их с конкретными

³ Токарев В. А. Субъект учредительной власти: к вопросу о политическом праве эпохи модерна // Современное право. 2011. № 11. С. 43.

⁴ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 198—215.

⁵ Токарев В. А. Указ. соч. С. 45.

⁶ Комарова В. В. Референдум в системе народовластия в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 10.

⁷ Комарова В. В. Высшее непосредственное выражение власти народа в Российской Федерации (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 14.

законодательно закрепленными формами участия народа в реформировании конституций в странах СНГ.

В Республике Казахстан референдум закрепляется как единственная форма непосредственного участия народа в правовом механизме конституционной реформы. При этом существует и альтернатива в виде возможности реформирования Конституции Парламентом. Таким образом, есть возможность осуществить реформу вообще без непосредственного участия народа. В качестве особенности казахстанского конституционного референдума можно выделить необходимость получения большинства голосов в квалифицированном большинстве административно-территориальных единиц.

Единственной формой непосредственного участия народа Таджикистана в конституционной реформе является референдум, альтернативный правовой механизм реформирования Конституции отсутствует.

В качестве альтернативы непосредственного участия народа Узбекистана в реформировании Конституции, помимо референдума, существует и возможность принятия конституционных изменений палатами Парламента. Принятие решения о проведении референдума Узбекистана и о назначении даты его проведения относится к совместному ведению Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса.

В Туркменистане аналогично существуют референдум и парламентский способ реформирования основного закона, что позволяет изменять одни и те же положения Конституции разными способами. Вопрос назначения референдума относится к полномочиям Меджлиса, а даты его проведения — к полномочиям Президента.

В Азербайджане референдум является единственным способом внесения изменений в Конституцию, тогда как вносить дополнения может исключительно Парламент, соответственно, данные формы не являются взаимозаменяемыми.

Как форма непосредственного участия народа в проведении конституционной реформы в Кыргызстане закрепляется не только референдум, но и конституционная правотворческая инициатива, доступная гражданам в количестве от 300 тысяч. Однако это касается только вопроса инициирования конституционного референдума, иные разделы Основного закона, менее значимые, могут реформироваться законодательным органом, где инициатива граждан уже отсутствует.

Формами непосредственного участия народа в реформировании армянской Конституции являются референдум и конституционная правотворческая инициатива граждан. При этом референдум применяется императивно для принятия новой конституции или изменения наиболее важных положений действующей, причем альтернативно, наряду с парламентским способом реформирования Конституции в случае необходимости изменения остальных ее положений. Конституционная правотворческая инициатива граждан также применяется здесь и при инициативе принятия новой конституции или изменения наиболее защищенных положений текущего основного закона и для инициирования изменения остальных ее положений. Однако конституционный законодатель дифференцирует минимально необходимое количество избирателей — 200 тысяч в первом случае и 150 тысяч во втором.

Молдова устанавливает две формы непосредственного участия народа в реформировании Конституции: референдум, применяющийся для изменения любых положений Конституции как альтернатива парламентскому способу, за исключением изменения наиболее важных положений, где референдум является единственным механизмом реформирования, и конституционная правотворческая инициатива граждан. Ее особенностью является необходимость учитывать проживание граждан в тех или иных административно-территориальных единицах для обеспечения равномерного представительства.

В Беларуси также существует альтернативный способ внесения изменений в Конституцию: путем референдума или через парламент, за исключением наиболее важных разделов, которые могут быть изменены только на референдуме. Другой формой непосредственного участия народа в реформировании Конституции является конституционная правотворческая инициатива граждан. Так, инициировать изменения и дополнения в Конституцию могут не менее 150 тысяч граждан при проведении реформы через Парламент и не менее 450 тысяч при проведении конституционного референдума.

На основании проведенного анализа можно выделить инициативу граждан по проведению конституционного референдума в качестве самостоятельной формы непосредственного участия народа в проведении конституционной реформы. Таким образом, в Беларуси существует три формы такого участия.

Всеноародное голосование можно назвать единственной предусмотренной в российской Конституции формой непосредственного участия народа в конституционной реформе. Исходя из Федерального конституционного закона можно говорить о тождественности терминов «всеноародное голосование» и «референдум». Однако можно иначе взглянуть на первоначальный замысел конституционного законодателя, применившего одновременно два различных наименования в тексте Конституции РФ.

Если обратиться к истории, то процедура принятия нынешней российской Конституции была специально облечена в форму всеноародного голосования с целью обойти жесткие требования законодательства о референдуме. Представляется очевидным, что авторы Конституции, дифференцировавшие данные явления при принятии Конституции, исходили из того же смысла, закрепляя всеноародное голосование, а не референдум, в качестве правового механизма конституционной реформы. Сложно представить, что при принятии Конституции конституционный законодатель руководствовался подходом о дифференциации данных процедур, тогда как, закрепляя эти же формы волеизъявления народа в Конституции, придерживался мнения об их тождественности.

Данной позиции придерживаются и некоторые ученые. В. В. Комарова называет референдум и всеноародное голосование близкими по процедуре проведения формами народовластия⁸, т.е. нетождественными. По мнению Е. Е. Баринова, «когда речь идет о принятии новой Конституции РФ, “всеноародное голосование” уже используется в качестве самодостаточной конституционно-правовой

⁸ Комарова В. В. Высшее непосредственное выражение власти народа в Российской Федерации (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 34.

категории»⁹. А. Н. Медушевский выделяет референдум и всенародное голосование как две формы непосредственной демократии¹⁰. Опираясь на позицию ученых, можно сделать вывод, что введение дифференцированного правового регулирования проведения всенародного голосования и референдума представляется вполне допустимым.

Следует отметить возможность возникновения новых форм непосредственного участия народа в конституционной реформе в России. В связи с тем, что ее правовой механизм в нашей стране не является окончательно сформированным ввиду непринятия правового регулирования способа формирования Конституционного Собрания, представляется вероятным возникновение новой формы непосредственного участия народа в реформировании Конституции РФ.

В. Киреев указывает на возможность существования назначаемого и выборного типов Конституционного Собрания¹¹. С данной позицией сложно не согласиться, исходя из буквального толкования конкретной конституционной нормы. Вполне возможно появление выборов в Конституционное Собрание в качестве формы непосредственного участия народа в реформировании Конституции РФ. По мнению Д. Г. Шустрова, легитимность представительных органов, осуществляющих учредительную власть, обеспечивается их всенародным избранием¹².

Таким образом, хотя порядок формирования Конституционного Собрания напрямую и не закреплен в Конституции, однако выборный способ его формирования является если не единственным возможным, то по крайней мере наиболее предпочтительным с точки зрения обеспечения легитимного волеизъявления народа. Формирование представительного учредительного органа другими представительными органами в определенных ситуациях способно исказить волю народа. Как справедливо указывает Д. Г. Шустров, участие народа в конституционном референдуме либо формировании путем прямого волеизъявления специализированных или обычных представительных органов, осуществляющих учредительную власть, или участие последовательно в обеих указанных формах является необходимым¹³.

Некоторые ученые также выделяют и иные, прямо не закрепленные в Конституции, но существующие в законодательстве формы участия народа в конституционной реформе в России. Например, В. А. Кряжков подчеркивает предусмотренную Регламентом Государственной Думы возможность получения от Общественной палаты РФ заключения по законопроекту о поправках к Конституции и предоставления уполномоченному ее члену права для выступления в

⁹ Баринов Э. Э. Всенародное и общероссийское голосование как средство легитимизации Конституции и изменений конституционного текста // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 2. С. 38.

¹⁰ Медушевский А. Н. Конституция России после реформы 2020 года : проблемный комментарий. М. : Центр конституционных исследований, 2025. С. 14.

¹¹ Киреев В. В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 266—267.

¹² Шустров Д. Г. Указ. соч. С. 78.

¹³ Шустров Д. Г. Указ. соч. С. 78.

пределах пяти минут¹⁴. Закрепление в законах некоторых субъектов РФ возможности инициирования гражданами изменения, пересмотра, поправок в устав или конституцию субъекта РФ, а в некоторых случаях и принятия нового основного закона, отмечает В. В. Комарова¹⁵.

В 2020 г. появилась для однократного применения экстраординарная форма участия народа в реформировании Конституции РФ — общероссийское голосование. Спорно само по себе включение его в перечень существующих на сегодняшний день форм, ведь на данный момент действующим российским законодательством оно не предусмотрено. А. Н. Медушевский и вовсе считает его не соответствующим известным процедурам осуществления непосредственной демократии¹⁶.

С другой стороны, С. Н. Шевердяев указывает, что в конституционно-правовой практике «добавилась еще одна императивная форма непосредственной демократии — общероссийское голосование»¹⁷. Можно согласиться со вторым утверждением касательно признания общероссийского голосования императивной формой народовластия, однако дискуссионным представляется слово «добавилась». Сложно говорить о добавлении новой формы народовластия в конституционную практику, когда в действующем законодательстве она отсутствует и ничто не указывает на возможность ее применения когда-либо в будущем. Его можно, скорее, отнести к истории реформ российской Конституции, нежели считать современной формой непосредственного участия граждан в реформе.

В странах — участниках СНГ можно выделить следующие формы непосредственного участия народа в конституционной реформе:

- референдум;
- конституционная правотворческая инициатива граждан (в России она может осуществляться на уровне субъектов Федерации);
- инициатива граждан о проведении конституционного референдума;
- общероссийское голосование как экстраординарная форма непосредственного участия граждан в проведении конституционной реформы 2020 г.

Кроме того, в России в перспективе может возникнуть форма участия народа в виде выборов в специализированный учредительный орган.

В качестве общей тенденции можно отметить возможность применения конституционного референдума в каждой из стран СНГ, однако далеко не во всех из них существуют иные формы непосредственного участия народа, например, в виде конституционной правотворческой инициативы.

Как отмечает В. В. Киреев, необходимость предусмотреть народную конституционную законодательную инициативу было идеей Н. А. Михалевой¹⁸.

¹⁴ Кряжков В. А. Поправки к Конституции Российской Федерации: правовые основы, прецеденты и их обеспечение // Государство и право. 2016. № 1. С. 8.

¹⁵ Комарова В. В. Учредительная власть и формы ее реализации // Современное общество и право. 2011. № 1 (2). С. 15.

¹⁶ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 14.

¹⁷ Шевердяев С. Н. Эволюция конституционного законодательства России 1988—2023 гг.: учебное пособие. М., 2024. С. 50.

¹⁸ Киреев В. В. Указ. соч. С. 64.

Сложно согласиться с тезисом Д. Г. Шустрова о том, что народ только лишь участвует в самом принятии или изменении основного закона, а разработка текста проекта конституции или поправок к ней и прочие текущие моменты конституирования сосредоточены в руках функционеров¹⁹, тогда как во многих странах СНГ у граждан существует возможность самостоятельно разработать текст конституционных изменений и даже новой конституции и внести его на рассмотрение в качестве конституционной правотворческой инициативы.

Можно сделать вывод, что формы непосредственного участия граждан в реформировании конституций могут носить не только императивный характер.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баринов Э. Э. Всеноародное и общероссийское голосование как средство легитимизации Конституции и изменений конституционного текста // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2023. — Т. 10. — № 2. — С. 35—40.
2. Киреев В. В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — Челябинск, 2010. — 584 с.
3. Комарова В. В. Высшее непосредственное выражение власти народа в Российской Федерации (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — 51 с.
4. Комарова В. В. Идеи народовластия // Lex Russica (Русский закон). — 2016. — № 3 (112). — С. 69—81.
5. Комарова В. В. Референдум в системе народовластия в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1995. — 22 с.
6. Комарова В. В. Учредительная власть и формы ее реализации // Современное общество и право. — 2011. — № 1 (2). — С. 13—19.
7. Конституция России после реформы 2020 года: проблемный комментарий / И. А. Алебастрова, Е. В. Гриценко, А. П. Евсеев [и др.] ; отв. ред. А. Н. Медушевский. — М. : Центр конституционных исследований, 2025. — 471 с.
8. Кряжков В. А. Поправки к Конституции Российской Федерации: правовые основы, пределы и их обеспечение // Государство и право. — 2016. — № 1. — С. 5—12.
9. Токарев В. А. Субъект учредительной власти: к вопросу о политическом праве эпохи модерна // Современное право. — 2011. — № 11. — С. 40—45.
10. Шевердяев С. Н. Эволюция конституционного законодательства России 1988—2023 гг. : учебное пособие. — М. : Проспект, 2024. — 368 с.
11. Шустров Д. Г. Пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 570 с.

¹⁹ Шустров Д. Г. Указ. соч. С. 78.

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

Права человека: доктрина и практика : монография / отв. ред. И. Г. Дудко. — М. : Норма ; Инфра-М, 2025. — 420 с.

В монографии анализируются доктринальные подходы к пониманию прав человека и конституционная практика их реализации в различных национальных правовых системах; значительное внимание уделено проблемам развития конституционно-правового статуса личности в России и зарубежных странах, доктринальным интерпретациям достоинства личности, современным проблемам социальных прав.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов вузов, специалистов в области конституционного права, международного права, политологии, а также для всех, кто интересуется вопросами обеспечения и защиты прав человека.

Конституционное право России : учебник / М. В. Варлен, Е. Н. Дорошенко, М. Ю. Дитятковский [и др.] ; отв. ред. И. Г. Дудко ; Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. — 614 с.

В учебнике в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки «Юриспруденция» системно раскрываются вопросы конституционного права России, теории и практики российского конституционализма, институтов публичной власти и гражданского общества, прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, государственных и муниципальных служащих, а также для всех, кто изучает конституционное право Российской Федерации.

Права молодежи в условиях цифровой среды: вопросы правового регулирования, реализации и защиты : монография / под общ. ред. Т. Н. Москальковой / отв. ред. О. С. Рыбакова. — М. : Проспект, 2025. — 228 с.

Монография, подготовленная учеными Научно-образовательного центра по правам человека Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), представляет комплексное исследование правового регулирования закрепления, реализации и защиты прав молодежи в условиях цифровой трансформации общества и государства. На основе изучения и анализа большого фактического материала, обобщения правоприменительной практики, отечественного и зарубежного опыта авторами сформулированы практические предложения по реализации молодежной политики в условиях современного российского общества.

Издание предназначено для студентов и преподавателей юридических, педагогических вузов, государственных, муниципальных органов и общественных организаций, принимающих участие в реализации молодежной политики, работающих с молодежью, а также представителей молодежи.

Национальные модели политического процесса как основа многополярного мира: конституционные и политологические аспекты : монография / отв. ред. А. В. Шапошников ; науч. ред. В. В. Комарова. М. : Норма ; Инфра-М, 2025. — 424 с.

В монографии освещены общие вопросы и основные направления развития многополярного мира с точки зрения юридического и политологического содержания, проблематика конституционных и политологических аспектов политического процесса. Рассмотрены новации конституционной модели политического процесса современной России, а также конституционные модели политического процесса государств — участников СНГ.

В подготовке монографии приняли участие специалисты в области конституционного права, политологии, общественные деятели, представители органов государственной власти России и стран СНГ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и всех интересующихся проблемами конституционного права.

Конституционное обеспечение защиты семьи и семейных ценностей : монография / колл. авт. отв. ред. О. С. Рыбакова. — М. : Проспект, 2025 — 440 с.

Монография подготовлена учеными Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с учеными других вузов в рамках Программы стратегического лидерства «Приоритет-2030» по проекту Центра компетенций «Социоправо». Представлен комплексный анализ конституционного и отраслевого обеспечения и защиты института семьи в России и отдельных зарубежных странах. На основе исследования отечественного опыта поддержки института семьи, большого фактического материала, обобщения правоприменительной практики авторами сформулированы и обоснованы практические предложения по формированию и реализации государственной политики в сфере защиты института семьи, поддержки материнства, отцовства, детства. Издание предназначено для преподавателей и обучающихся юридических, педагогических вузов, институтов подготовки управленческих кадров, государственных, муниципальных органов и общественных организаций, принимающих участие в формировании и реализации государственной социальной политики, защите института семьи, материнства, отцовства, детства.

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

О государственном правосознании²

Духовная сопринаадлежность людей, племен и наций естественно ведет их к организации жизни на основах общего права, общей власти и общей территории. Однородность духовной жизни, совместимость духовного творчества и общность духовной культуры составляют глубочайшую и подлинную основу всякого государственного единения. Именно эта связь — самая утонченная и подчас наименее сознательная и уловимая — творит самое могучее, самое нерасторжимое, безусловное и священное соединение людей в правовые и государственные союзы. Государство определяется именно тем, что оно есть положительно-правовая форма родины, а родина есть его творческое, духовное содержание. Отсюда — сущность государства, его способы бытия, его обоснования, его цель, его средства и его нормальное строение.

С незапамятных времен люди живут в государственных союзах и размеры накопленного ими политического опыта огромны. Вся история есть ряд великих предметных уроков, выстраданных человечеством в деле общественного строения; и, казалось бы, что эти уроки могли бы научить людей — и отвлеченному пониманию государственности, и практическому умению созидать и поддерживать политическое единение. И тем не менее ученый-государствовед доселе затрудняется указать те категории, в которых обстоит его предмет, а практический политик доселе повторяет старые ошибки и нередко ведет свой корабль неуверенной и неискусной рукой.

Эти ошибки объясняются не только случайными недосмотрами или личными неспособностями, но общими и основными дефектами государственного правосознания.

Люди все еще не усвоили основную аксиому всякой политики, согласно которой право и государство создаются для внутреннего мира и осуществляются именно через правосознание. И в науке, и в жизни все еще господствует формальное понимание государства, извращающее его природу и разлагающее в душах все основные начала гражданственности. Следуя этому пониманию, люди строят государственную жизнь так, как если бы она сводилась к известным, механически осуществляемым, внешним поступкам, оторванным от внутреннего мира и от духовных корней человека; наличие или отсутствие этих внешних поступков должны быть, по их мнению, обеспечены какими угодно средствами и какою угодно ценой — насилием или страхом, корыстью или наказанием; и к

¹ Иван Александрович Ильин (1883—1954) — доктор государственных наук, профессор, русский философ, писатель и публицист. Как философ был последователем Гегеля, русским гегельянцем, в частности, развивал концепт «национального духа», внёс вклад в разработку русской национальной идеи.

² Ильин И. А. О сущности правосознания. Глава 11. О государственном правосознании // Теория права и государства. 2-е изд., доп. / под ред. и с биографическим очерком В. А. Томсикова. М. : Зерцало, 2008. С. 407—415.

этому будто бы сводится все: только бы люди повиновались, только бы вносили налоги, только бы не совершали преступлений и не творили беспорядков — а о стальное неважно. Государство понимается как строй *внешней* жизни, *а не внутренней*. Этим оно отрывается от правосознания и, питаясь поверхностными слоями или дурными силами души, вырождается в своем содержании и расшатывается в своих основах. Оно уводится из подлинной стихии народной жизни, сосредоточивается в изволениях и актах тесного круга правящих лиц и превращается для всех остальных граждан в чуждую им и неосмысленную систему мертвящего принуждения. Государственная принадлежность начинает переживаться как ненавистная кандалальная цепь, а правители кажутся чуть ли не бессмертными тюремщиками.

Если право бессильно и бессмысленно вне правосознания, то государство *униизительно, эфемерно и мертво вне государственного образа мыслей*. Ибо, на самом деле, не только его корни, но и обыденная жизнь его имеет внутреннюю, душевно-духовную природу. Нелепо и пагубно думать, что человек может жить внешними поступками в отрыве от внутренних состояний; или, что государство может достойно существовать, механически регулируя своих «подданных», устанавливая для них повинности и пошлины и не превращая их в *граждан*, участвующих *сознанием, волею, чувством и действием* в создании единой, разумно-организованной жизни. Государство не есть внешняя вещь среди вещей; и бытие его не имеет материально-телесного характера, хотя природный и хозяйствственный «субстрат» его и материален, а личный состав его ведет телесное существование. Государство есть нечто *от духа и нечто для души*. Оно есть *духовное единство* людей, ибо в основе его лежит *духовная связь*, предназначенная для того, чтобы *жить в душах и создавать в них мотивы для правильного внешнего поведения*.

В сознании этого лежит первая основа всякой государственности и политики; в осуществлении этого — первое условие ее истинного расцвета.

Государственный образ мыслей есть разновидность *правосознания*; этим уже сказано все основное. Государственный образ мыслей не сводится к знанию о том, что «есть на свете государство», к которому «я принадлежу». Но именно с этого он начинается.

Каждый человек, претендующий на умственную и духовную зрелость, должен отдать себе отчет в том, принадлежит ли он к какому-нибудь государству и к какому именно? И к чему это его обязывает и уполномочивает? И что значит вообще «принадлежать к государству»? Вне этого — политическое отличие гражданина от дикаря и даже от животного может стать неуловимым. Человек, который вообще *не знает* о своей государственной принадлежности, или *не знает*, к какому именно государству он принадлежит, — пребывает в состоянии первобытной наивности и политической невменяемости. В его душе еще не прозябло семя государственности. Дикарь, лишенный, подобно ребенку, политического самосознания, действительно, может не знать о своем факте своего гражданства; но именно поэтому он *совсем не ведет политической жизни*, да и не способен к ней. Бессмысленно ждать от него государственного изволения или акта, когда он настолько духовно немощен, что не способен даже ни к политической верности, ни к политическому предательству. Строго говоря, такие люди не входят в государство, а только *причисляются* к нему; они суть те «граждане *in spe*», которые

пребывают, может быть, пожизненно в состоянии полурабов, полуподданных, политически отличаясь от животных только этим «возможным будущим».

Понятно, что государственный союз, имеющий в своем составе большое количество таких полудикарей, ведет мнимое существование: правящие «причисляют» подданных, повелеваю и взыскивают с них так, как если бы те были способны к государственно-осмысленному акту. А между тем политическое слабоумие (*imbecillitas*) первобытной души делает ее бессмысленным орудием чужой воли: это орудие может «испортиться» в критический момент или перейти в другие руки, служащие другим целям, и тогда оно погубит государственное дело. Человек, таящий в себе политическое слабоумие, — не знающий о своем гражданстве или не понимающий его природы, — имеет только видимость разумного существа и всякая политическая организация, рассчитывающая на его разум и на его волю, обречена на печальный конец.

Однако этого мало: необходимо признавать свою принадлежность к определенному государству, т.е. принимать ее волею и чувством, дорожить ею и культивировать ее. Политическая принадлежность должна быть *сознательно принята* каждым отдельным гражданином и *признана* им в *нестесненном, свободном решении*; и это решение должно привести каждого к духовному акту добровольного самообязывания, или, что то же, к акту духовного вменения себе публично-правовых полномочий, обязанностей и запретностей. Вне этого государству неизбежно предстоит разложение.

Необходимо иметь в виду, что государственная принадлежность определяется, вообще говоря, не свободным и односторонним решением граждан, а гетерономными правовыми правилами, налагающими свое определение на человека до его решения и *помимо* его согласия. Еще до моего рождения было юридически установлено, что имеющее в моем лице родиться существо будет принадлежать к такому-то государственному союзу, так, что потом мое «незнание» было беспомощно изменить в этом что-либо, а мое одностороннее «несогласие» всегда будет недостаточным для того, чтобы погасить мое гражданство. Государственная принадлежность имеет *объективное значение* и не зависит от воли одного лица. Но именно в этом обнаруживается опасность, характерная для всякого права: *духовное назначение гражданства и его жизненная эффективность* нуждаются именно в том, в чем не нуждается его формальное значение — в живом, социальном, волевом приятии, наполнении и осуществлении. Непризнанное человеком гражданство создает трагическую иллюзию: мертвый или эфемерный государственный союз. Объективному значению — противостоит душевнаяпустота или духовная ложь и симуляция; и это неизбежно убивает всякий смысл гражданства и всякую жизнь государства.

Нельзя быть членом политического союза вопреки собственному чувству и желанию; это значит превратить всю свою жизнь в систему явного и тайного попупредательства, разлагающего изнутри тот самый союз, который гражданину подобает создавать и поддерживать. Государство, имеющее в своем составе таких членов, совершает величайшую ошибку, сохраняя за ними звание граждан; оно творит самообман и готовит себе разложение.

Однако столь же нелепо быть членом политического союза *помимо* собственного чувства и желания; это значит превратить себя в мертвую,

зарегистрированную вещь, механически выполняющую известные внешние движения в меру чужой воли и чужого решения. Государство, готовое мириться с таким состоянием граждан, извращает самую сущность *политического единения*, ибо политическое единение творится именно *волею*, питаемо *чувством* и *ведомою сознанием*.

Государственный образ мыслей, государственное настроение чувств, государственное воленаправление — все это вместе составляет необходимую и реальную основу всякого живого государства или, вернее, — *подлинную ткань его жизни*. Это как бы тот воздух, которым оно дышит и без которого оно задыхается и гибнет. Где этого совсем нет, там нет государства, а есть только его пустая видимость; и первые же серьезные затруднения не замедлят обнаружить это. Человек творит государство именно *сознанием, чувством и волею*; не «просто» внешними поступками, но теми мотивами, которые побуждают его действовать так, а не иначе; не только правовыми нормами или силою принуждения, но длительным, устойчивым и содержательно-верным *напряжением души и духа*.

Для того, чтобы государство существовало в виде «внешней» общественной организации, оно должно жить в душах людей, занимая их *внимание*, вовлекая их *интерес*, постоянно заставляя их *мысль* — работать, их *волю* — напрягаться, их *чувство* — гореть. Народ, у которого политическая жизнь бесчувственна, безвольна, бессмысленна, — государственно мертв и бесплоден; его политическая организация «имеет значение» и «обстоит de jure», но *не имеет духовного существования*. Такой народ, строго говоря, совсем не ведет политической жизни; ибо политическая жизнь есть разновидность *духовного творчества*. Это можно выразить так, что государство, как предмет, творимый человеком, соответствует своему назначению и достоинству только тогда, если оно творится *надлежащим органом* и притом органом, стоящим на *должной высоте*. Порочная воля, изуродованное или бессильное чувство, скучное и темное сознание — *не в состоянии строить государственную жизнь*. Ибо государство есть организованное единение духовно-солидарных людей, понимающих *мыслью* свою духовную солидарность, приемлющих ее *патриотическую любовью* и поддерживающих ее *самоотверженную волею*.

Таково истинное положение дел: вне мысли — политическое правосознание смутно и беспредметно, а государство бесформенно и незрело; вне чувства — политическое правосознание поверхностно и немощно, а государство неустойчиво и подвержено распылению; вне воли — политическое правосознание пассивно и инертно, а государство обречено на рыхлое и экстенсивное прозябанье. Народ, который настолько неинтеллигентен разумом, что не понимает ни своего единства, ни природы государственности; настолько безразличен или мертв чувством, что не любит свою родину, ее политическую форму и независимость; настолько робок или слаб духом, что не имеет воли к духовно-политическому самоподдержанию, — такой народ *не имеет государства*: он политически аморfen и его государственное существование есть трагикомическая иллюзия.

Но для того, чтобы мысль, чувство и воля человека творчески зажили политическою связью, должно состояться *духовное принятие государства*. Каждый человек, пребывающий в состоянии наивного своеокорыстия, должен принять

государство сначала в порядке эгоистического, а затем предметно-духовного интереса.

Прежде всего он должен удостовериться на самостоятельном и подлинном, всегда суровом и мучительном опыте, что он лично заинтересован в существовании и поддержании государства. Он должен изведать и убедиться, что он сам настоятельно нуждается в политическом единении; что его собственные, основные и насущные потребности ведут его к признанию государства; мало того, что его частный, эгоистический интерес сам по себе есть уже в известных пределах не что иное, как интерес самого государства и всего государства в целом; что, наконец, самая жизнь его невозможна вне или помимо политической организации.

В этом первоначальном, корыстном приятии государства человечество медленно и постепенно, — столетиями вынашивая опыт феодализма, гражданских войн и классовой борьбы, — научается публично-правовому и патриотическому бескорыстию. Оно научается тому, что жизнь имеет не только измерение личной корысти, но и измерение духовного достоинства, творящего верховный суд над всяkim «интересом»; оно научается тому, что государство есть нечто не только «полезное», но духовно-правовое и духовно-необходимое; что нельзя быть человеком, т.е. индивидуальным духом, в полном и истинном смысле этого слова, — и не участвовать личными силами в жизни и деятельности политически организованного союза. И, только убедившись в этом, человек получает достаточное и в то же время принудительное основание *признать государство и добровольно принять его законы в порядке самовменения и повиновения*.

Государство необходимо и приемлемо именно потому, почему необходимо и приемлемо положительное право: незрелое состояние человеческих душ, одержимых наивно-порочным, эгоистическим тяготением и не умеющими мотивировать свое внешнее поведение самостоятельным признанием естественной правоты, — делает государство необходимым и целесообразным способом поддержания естественного права через его положительно-правовое провозглашение и вменение. Неотчуждаемость и неумалимость естественных прав, с одной стороны, и весьма ограниченная способность людей к автономному самообязыванию, с другой, — ведут к организации таких союзов, которые должны устанавливать и ограждать естественный правопорядок посредством гетерономных правил и поддерживать их блudение силу внешнего, общепризнанного, властующего авторитета. Единая власть союза, уполномоченная правом и сама подчиненная праву, получает обязанность формулировать естественное право в виде объективно-значащих, общеобязательных правил внешнего поведения (т.е. в виде положительного права), с тем чтобы эти правила проникали в сознание и к воле людей и порождали в них мотивы к правильному действованию.

По своей основной идее государство есть союз духовно сопринадлежащих людей, племен и наций, объединенных ради гетерономного осуществления естественного права. Это означает, что государство имеет единую, объективную и высшую цель и что только свободное, волевое приятие этой цели делает человека воистину гражданином.

Так, государство в самом деле имеет такую единую, высшую цель, которой оно должно служить и которой оно в действительности, — с большим или меньшим успехом, — служит. Неискушенному, поверхностному взгляду может,

конечно, казаться, что люди в их *политической* деятельности преследуют множество разнообразных целей; так, что не только у каждого отдельного человека имеется своя, особая «*политическая*» цель, но что один и тот же человек может по произволу менять свои «*политические*» цели, отдаваясь им по очереди и перебирая их одну за другой. И каждая из этих субъективных и относительных целей, независимо от ее *содержания* и ее *достоинства*, будет иметь политический характер лишь благодаря тому, что кто-нибудь пожелает осуществить ее через *посредство государственной власти*. При таком понимании решающим является не вопрос о том, чего желает тот или другой индивидуум, а вопрос о том, *на каком пути* он задумал этого достигнуть. Всякая, самая нелепая, своекорыстная и противогосударственная цель окажется «*политическою*» целью, а деятельность, клонящаяся к ее осуществлению, окажется государственною деятельностью. *Формальное понимание государственности* и политики, удовлетворяясь пустыми признаками «*организованной власти*» и «*общего правила*», отрываясь от естественно-правовой основы всякого государства и прилепляясь к его положительно-правовой форме, — мирится со *всяким* интересом, освящает *всякое* вожделение, допускает *всякое* посягательство, вырождая тем и природу своего предмета, и самую жизнь человечества. Политический формализм насаждает в душах и в действиях людей самый беспринципный *политический релятивизм*, и в результате этого целые поколения людей вырастают в уверенности, что «*в политике все дозволено*» и что авторитетом государственной власти может быть все «*прикрыто*». И человечество, пожиная от времени до времени плоды этой деградации, продолжает слепо держаться за такую противоестественную традицию и нелепую практику.

В противоположность этому нормальное правосознание, еще со времен Платона и Аристотеля, утверждало и будет утверждать *единство и объективность* государственной цели и *<политического задания>*. Термин «*политического*» указывает не только на *путь организованного властовования*, но прежде всего — на некоторую *высшую ценность*, обслуживаемую государством. Так что из всех целей, с которыми люди восходят к власти, политическими будут только те цели, которые соответствуют этой высшей ценности. Интерес, «*политический*» с формальной точки зрения, может быть на самом деле — *противополитическим*; и деятельность, «*государственная*» по своей внешней видимости, может быть *на самом деле — совершенно противогосударственною*. Политика совсем не есть пустая форма «*организованного властовования*»; нет, она имеет особое, конституирующее *ее содержание*. Государство совсем не есть социальный механизм, безразличный к творимому делу; нет, оно имеет свое особое, *содержательно-определенное задание*. Если государство совсем не осуществляет его, или осуществляет совсем не его, то оно не только «*в идее*» перестает быть государством, но фактически, жизненно разлагается и гибнет. Государство имеет свою, объективную природу, которая определяется его объективной целью и которая не может безнаказанно разрушаться и попираться. Те, кто не понимают этого, — те неспособны к политической деятельности; те, кто не блюдут этого, — готовят себе и своему государству трагический конец. Государственность таит в себе некий имманентный ей рок, и этот рок несет горе и мзду — и политически немудрому правителю, и политически слепому народу.

ПОСТСКРИПТУМ

Шутки великих ученых¹

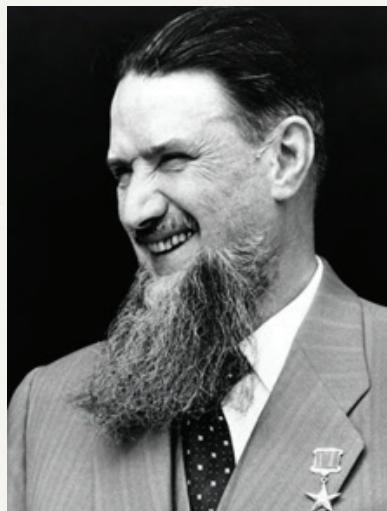
Так или иначе, ученые во всем мире любят пошутить и посмеяться. Наверное, понимают, что у людей без чувства юмора редко получается стать хорошими учеными.

Игорь Курчатов

Однажды утром, как обычно, Курчатов вышел из своего домика и направился к зданию Института. Внезапно дорогу перебежала черная кошка. Академик тотчас развернулся и пошел другой дорогой. Маневр заметили молодые сотрудники и спросили:

— Игорь Васильевич, неужели вы верите в приметы?

— Нет, конечно, не верю! Это антинаучно! Но вы знаете, — добавил приглушенным голосом Курчатов, — говорят, что черная кошка приносит несчастье даже тем, кто не верит. И мне не раз приходилось в этом убедиться.

Как-то начальник спецслужбы Института, которым руководил Курчатов доложил:

— Подрались ваши сотрудники Леви и Котеночкин. Говорят, что виноват какой-то Аристотель. Я хотел привлечь его к ответственности, но такой у нас не числится.

— Он уже умер, — ответил Курчатов. — А виноват Аристотель в том, что недостаточно разработал законы логики: нехватку логики в научной дискуссии приходится возмещать кулаками.

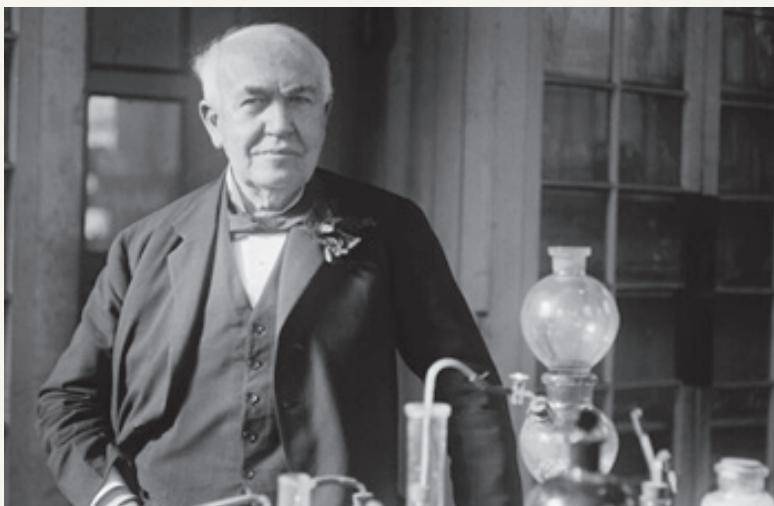
Осенью 1949 г. И. Сталин вручил И. Курчатову звезду Героя Социалистического Труда и в знак особой признательности подарил свой парадный портрет в полный рост. Спусти какое-то время по направлению на работу к Курчатову пришла

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

молодая сотрудница. Она явилась чуть свет и с волнением ожидала в приемной. Академик пришел и широко распахнул дверь кабинета перед девушкой. Та ахнула и чуть не выронила сумочку: в глубине кабинета стоял Сталин — во френче и с трубкой. «Не бойтесь, это всего лишь портрет», — успокоил Курчатов. И с гордостью добавил: «Но как живой!».

В лаборатории, которую во время войны возглавлял Курчатов, обсуждались результаты измерения времени жизни нейтрона. У наших испытателей время жизни нейтрона оказывалось больше, чем в аналогичных экспериментах за рубежом. Когда стали спорить, в чем причина расхождений, Курчатов улыбнулся, погладил бороду и иронически заметил: «Очевидно, советский нейтрон крепче!»

Томас Эдисон

— Никак не могу найти себе помощника, — как-то раз пожаловался Эдисон Эйнштейну. — Каждый день ко мне приходят молодые люди, я тестирую их, но ни один не подходит!

— В самом деле? А как вы определяете их пригодность? — живо заинтересовался Эйнштейн.

Эдисон протянул ученому листок с вопросами и сказал:

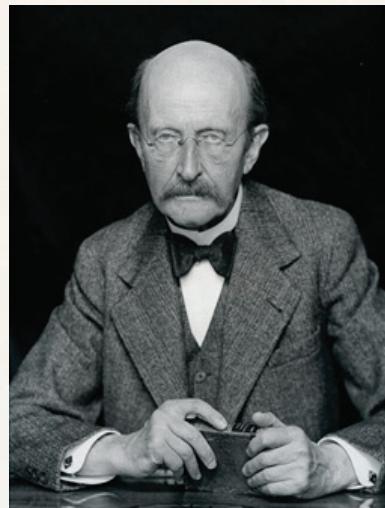
— Кто сумеет на все эти вопросы ответить, тот и станет моим помощником.

«Какое расстояние в милях от Нью-Йорка до Чикаго?» — прочел Эйнштейн. И после секундной паузы ответил: «Никогда, если честно, не знал. Нужно заглянуть в железнодорожный справочник».

«Далее. Из чего выплавляют нержавеющую сталь?» — «Не изучал и этого вопроса. Пожалуй, об этом возможно узнать в справочнике по металловедению...».

Эйнштейн бегло пробежал глазами по всем остальным вопросам. Затем уверенно произнес: «Не дожидаясь отказа, свою кандидатуру снимаю сам!»

Макс Планк

Макс Планк, немецкий физик-теоретик, основоположник квантовой физики и лауреат Нобелевской премии, как-то отправился в мировое турне и всюду выступал с одним и тем же докладом.

Когда каждый раз в течение долгого времени слышишь одну и ту же лекцию, то невольно запоминаешь информацию. И вот водитель, который постоянно находился все это время в лекционном зале, не выдержал и предложил Планку подшутить над посетителями: давайте поменяемся ролями, вы наденете мою шоферскую кепку и посмотрите, как я читаю вашу лекцию из зала. Планку розыгрыш понравился, и он в предвкушении шоу напялил на себя фуражку.

Водитель вышел на сцену и начал читать лекцию заученными словами. Один известный физик, который специализировался на квантовой механике, не смог удержаться и задал вопрос. Водитель внимательно выслушал его и ответил:

— Я не ожидал, что в таком прогрессивном городе у меня спросят настолько очевидную элементарщину. С вашего позволения, я попрошу ответить на вопрос моего шофера...

Эйнштейн и Чаплин

Однажды Альберт Эйнштейн сказал, обратившись к Чаплину:

— Что меня больше всего восхищает в вашем искусстве, так это ваша универсальность. Вы не говорите ни слова, но мир понимает вас!

— Это правда, — ответил Чаплин, — но Ваша слава еще больше: весь мир восхищается Вами, абсолютно не понимая Вас.

Игорь Тамм

Во время гражданской войны будущий лауреат Нобелевской премии по физике Игорь Тамм попал в плен к одной из банд Махно. Увидев на нем городскую одежду, бандиты привели Тamma к атаману — бородатому мужику в высокой меховой шапке, у которого на груди сходились крест-накрест пулеметные ленты, а на поясе болталась пара ручных гранат.

— Сукин ты сын, коммунистический агитатор, ты зачем подрываешь мать-Украину? Будем тебя убивать.

— Вовсе нет, — ответил Тамм. — Я профессор Одесского университета и приехал сюда добыть хоть немного еды.

— Брехня! Какой такой ты профессор? — воскликнул атаман.

— Я преподаю математику.

— Математику? — переспросил атаман.

— Тогда найди мне оценку приближения ряда Макларена первыми n-членами. Решишь — выйдешь на свободу, нет — расстреляю.

Тамм не мог поверить своим ушам: задача относилась к довольно узкой области высшей математики. Под дулом винтовки он сумел-таки вывести решение и показал его атаману.

— Верно! — произнес атаман. — Теперь я вижу, что ты и вправду профессор. Ну что ж, ступай домой.

Кем был этот человек? Никто не знает. Если его не убили впоследствии, он вполне мог преподавать высшую математику в каком-нибудь престижном университете...

Артур Эддингтон

Как-то раз британскому астрофизику Артуру Эддингтону задали вопрос:

— Сэр, правда, что вы один из тех трех людей в мире, которые понимают теорию относительности Эйнштейна?

Наступило неловкое молчание — ученый явно затруднялся с ответом. Тогда спрашивающий поспешил исправить положение:

— Простите, сэр! Наверное, мой вопрос оказался бестактным, в таком случае ответьте на другой вопрос...

— Ничего-ничего, — благодушно прервал его Эддингтон, — Просто я задумался, пытаясь вспомнить, кто же этот третий...

Михаил Ломоносов

В начале мая 1740 г. М. Ломоносов возвращался из Германии в Россию. Миновав Дюссельдорф, он остановился на постоялом дворе, где наткнулся на вербующего в рекрутты прусского офицера. Они вместе выпили, отужинали, а наутро Ломоносову было объявлено, что он уже записан в ряды прусской армии.

Прусский офицер рассказал, что накануне вечером Ломоносов пил с ними брудершафт и сделал все, что требовалось для официальной вербовки. Так Ломоносов стал прусским рейтаром и вместе с другими рекрутами был отправлен в крепость Бессель. Долго пришлось бы будущему научному светилу вести солдатскую жизнь, но на его удачу его определили в караул недалеко от городского вала, чем он и не преминул воспользоваться: «Дерзновенно побег предпринял и совершил счастливо».

Вот как описывал это происшествие один из первых официальных биографов Ломоносова Михаил Веревкин в конце XVIII в.:

«На третий день, миновав Диссельдорф, ночевал поблизости от сего города, в небольшом селении, на постоялом дворе. Нашел там прусского офицера с

солдатами, вербующего рекрут. Здесь случилось с ним странное происшествие: путник наш показался пруссакам годною рыбью на их уду. Офицер просил его учтивым образом сесть подле себя, отужинать с его подчиненными и вместе выпить такими называемую круговую рюмку. В продолжение стола расхвалена ему была королевская прусская служба. Наш путник так был употчеван, что не мог помнить, что происходило с ним ночью. Пробудясь, увидел на платье своем красной воротник; снял его. В карманах ощупал несколько прусских денег. Прусский офицер, назвав его храбрым солдатом, дал ему между тем знать, что, конечно, сыщет он счастье, начав служить в прусском войске. Подчиненные сего офицера именовали его братом».

Очевидно, будущий академик просто не помнил себя от количества выпитого.